

литература • культура • молодёжь • время/август 2018

ИДЕАЛЬ

16+

Персона

ИЛЬНАР ХИДИЯТОВ

Мнение эксперта

**10 принципов в
педагогике от
ПАВЛА ШМАКОВА**

Юбилей

РАВИЛЬ ФАЙЗУЛЛИН

ОБРАЗОВАНИЕ. В ЧЬИ РУКИ УПАДЕТ НАША СТАРОСТЬ?

ИДЕЛЬ

Редаксовет:

Ильдар БАЯЗИТОВ
Разиль ВАЛЕЕВ
Римзиль ВАЛЕЕВ
Ркаил ЗАЙДУЛЛА
Айгуль ГОРНЫШЕВА
Фарид МИФТАХОВ
Газинур МУРАТ
Гульчачак НАЗИПОВА
Данил САЛИХОВ
Ляйсан САФИНА
Джавдат СУЛЕЙМАНОВ
Сюмбель ТАИШЕВА
Лаззат ХАЙДАРОВ
Данис ШАКИРОВ

Руководитель филиала

Радик Рашидович САБИРОВ

Главный редактор

Айсылу Айдаровна ХАФИЗОВА

Заместитель главного редактора

Ирина ЕРМАКОВА

Редакторы:

Елена ШТАНЬКО
Галина БУЛАТОВА
Зулейха КАМАЛОВА

Корректор:

Ильсия ШИГАПОВА

Макет, верстка

Равиль ШАРАФУТДИНОВ

Главный бухгалтер

Лилия БИКБАЕВА
Тел. +7(843) 222-09-84, доб. 1270

Офис-менеджер

Камиля ХАДИЕВА

Учредитель: АО «ТАТМЕДИЯ»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Издатель: АО «ТАТМЕДИЯ»

420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Создано при поддержке Республиканского
Агентства по печати и массовым
коммуникациям «ТАТМЕДИЯ»

Адрес для писем:

420066, г. Казань, а/я-52. «Идель».

Адрес редакции:

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2, 7 этаж.

e-mail: idel-kazan@mail.ru

Адрес сайта: www.idel-rus.ru

Тел +7(843) 222-05-45

За достоверность рекламных объявлений
ответственность несет рекламодатель

Подписной индекс – П2361

Свободная цена

При перепечатке ссылка на
«Идел - Идель» обязательна. Рукописи
не возвращаются и не рецензируются.
Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов.
Редакция не располагает возможностью
выступать ходатаем в
официальных организациях.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
под номером
ПИ №ФС 77-54276 от 24 мая 2013 г.

Тираж – 1526

Тираж сертифицирован

Отпечатано в типографии

АО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2
Подписано в печать 02.08.2018
Заказ Е-1981
Формат 84x108, 1/16. Усл.-печ. л. 6,72
Уч.-издл. 8,5

16+

Фото 1 обложки – Марина Усольцева
Фото 3 обложки – Марина Усольцева

СОДЕРЖАНИЕ

3 МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА
Рауль МИР-ХАЙДАРОВ
*100 баллов за ЕГЭ – это
«через чур»*

10 БАЛОМУТ
Записал Леонид ТОЛЧИНСКИЙ
*«Перлы» абитуриентов
журфака*

13 ПЕРСОНА
Ирина ЕРМАКОВА
*Ильнар Хидиятов:
«Профессия педагога
стратегически важна»*

18 DIXI
Павел ШМАКОВ
*Десять принципов в
педагогике*

20 СРЕДА ОБРЕТЕНИЯ
Иркэ ИРГАШЕВА
*Радик Хабиров:
«Каждого ученика есть за
что уважать»*

24 ТОЧКИ РОСТА
Елена ШТАНЬКО
*Российская школа:
до, после и во время реформ*

27 КОНТРАМАРКА
Гульгена ГИМАДОВА
*Театр близко. Как и где в
Казани сделать первые шаги
к сцене*

31 МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
Фарид КАРИМОВ
*Зуля Камалова:
«Из вузовских предметов
мне пригодился диамат»*

34 ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ
Редакторы «Татар-информ»:
*Российское образование
сложно назвать актуальным*

36 АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ
Сюмбель ТАИШЕВА
*Будет ли печатная пресса в
XXI веке?*

40 ПЕДАГОГИКА И ТВОРЧЕСТВО
Евгений МИНИН
*Записки учителя, или мои
дети*

42 ДЕБЮТ
Карина ЕРМОЛАЕВА
*«Я на карте ищу свою
личную точку зрения...»*

44 ДЕБЮТ
Аскар БОГДАНОВ
История одной любви

46 ЮБИЛЕЙ
Равиль ФАЙЗУЛЛИН
Избранные стихотворения

48 ПРОЗА
Ринат МУХАМАДИЕВ
Переменная облачность

53 ПОЭЗИЯ
Сергей КУДРЯШОВ
Избранные стихотворения

59 НОВАЯ КНИГА
Светлана МИНГАЗОВА
Избранные стихотворения

61 НОВАЯ КНИГА
Глеб МИХАЛЕВ
Избранные стихотворения

63 ПРОЗА
Илгиз АХМЕТОВ
Долгая дорога домой

74 НОВЫЕ ТАТАРСКИЕ СКАЗКИ
Рауза ХУЗАХМЕТОВА
Акчачак

76 ДЕБЮТ
Светлана СОКОЛОВА
Дорога в рай

78 ПРОЗА
Александр СЕЛИВЕРСТОВ
Друзья до смерти

80 ДЕБЮТ
Дина АРТЕМЬЕВА
Потерянное солнце

20

36

Система образования в России кардинально изменилась. Современные родители готовятся финансово и интеллектуально к школе еще с младшего детского сада, а потом вынуждены снова на десять лет садиться за парты вместе со своими чадами – иначе ребенок просто не сдюжит. Таковы реалии нашего дня: мы ежегодно покупаем учебники (передать их по наследству младшим детям от старших не получается – программа меняется быстро, авторы и учебники тоже), сдаем довольно крупные суммы денег «добровольно» и «на нужды класса» на каждом родительском собрании, платим «хорошим» или «самым лучшим» репетиторам, которые работают в соседних же школах. И все боятся ЕГЭ – и родители, и дети, и учителя.

Один из авторитетных вузов страны – МГУ – от результатов «стобалльников» по ЕГЭ стонет, в интернете ходят мемы, демонстрирующие шокирующие «знания» по базовым предметам у молодых людей. Аксакал отечественной литературы Рауль Мир-Хайдаров в своем материале задается вопросом «В чьи руки упадет наша старость?». И ответ на него не вселяет в нас, будущих пенсионеров, оптимизма.

В современной школе педагог – большая редкость. Учителю платят как транслятору знаний, за педагогические достижения премии не предусмотрены. С недовольными родителями могут поговорить по душам

школьные психологи на окладе. Материальная заинтересованность у современных сотрудников школ сводится к обезличенным показателям по результатам олимпиад и пресловутого ЕГЭ.

Но, разбирая проблему, мы сумели найти в Казани людей, которые в педагогике нашли свое призвание. Это преподаватель физики татарской гимназии Радик Хабиров и легендарный казанский педагог Павел Шмаков. Это новый руководитель Управления образования города Ильнар Хидиятов – с педагогикой знаком не понаслышке. Они яркий пример того, что никакая система не может повлиять на роль личности и ее духовных приоритетов в больших общественных процессах.

Украшением номера стали стихотворения юбиляра этого месяца Равиля Файзуллина, а также остросюжетная проза Илгиза Ахметова, где автор демонстрирует сильного героя и то, как он с честью и мужеством преодолевает страшные обстоятельства и систему. Дебютантом «Идели» стала девятнадцатилетняя Карина Ермолаева, уже признанный молодой автор с новым взглядом на творчество.

Мы всегда открыты для диалога, поэтому пишите нам в соцсетях или отправляйте письма на редакционную почту: idel-kazan@mail.ru.

Айсылу Хафизова

► **Рауль Мир-Хайдаров,**
*писатель, лауреат Литературной
премии МВД СССР,
заслуженный деятель искусств*

100 БАЛЛОВ ЗА ЕГЭ – ЭТО «ЧЕРЕЗ ЧЮР».

В чьи руки упадет
наша старость?

глава из мемуаров «Вот и все...я пишу вам с вокзала» (в сокращении)

«Нез наю», «генирал» и «через-чюр» – возможно, именно такое написание слов мы увидим в газетах лет через пять, когда нынешние первокурсники факультета журналистики МГУ получат свои дипломы. Вот такие феноменальные

знания продемонстрировали принятые в университет по итогам ЕГЭ студенты, среди которых есть даже набравшие 100 баллов по результатам школьных экзаменов. И еще о «стобалльниках ЕГЭ», то есть дважды золотых медалистах

по русскому языку. Выходит, опять кругом лезут наверх дети чиновников и коррупционеров, и тут у них преимущество перед рядовыми гражданами. Кто же их остановит?

Оценка грамотности первокурсников МГУ приводится ниже.

Подробнее об этом одной из авторитетных московских газет рассказала доцент кафедры стилистики русского языка Анастасия Николаева. По ее словам, результаты одного из установочных диктантов для выявления знаний у первокурсников оказались чудовищными. Восемьдесят два процента студентов, включая пятнадцать «стобалльников ЕГЭ», сделали в среднем по 24-25 ошибок. Как призналась преподаватель, понять многие слова просто невозможно: «рыца» (рыться), «поциэнт» (пациент), «удастса» (удастся), «врочи» (врачи), «незнаю» (не знаю), «генирал» (генерал), «через-чюр» (чересчур), «оррестовать» (арестовать). Все это – перлы студентов из групп газетного отделения – элиты журфака. При этом средний балл ЕГЭ по русскому языку у этого набора составлял 83 («пятерка» начинается с 65 баллов). «Благодаря ЕГЭ победители олимпиад и золотые медалисты не

В 1974 году состоялся экстренный пленум ЦК КПСС, где было принято постановление «О работе с творческой молодежью». Во всех крупных городах и столицах союзных республик срочно открылись школы-интернаты для особо одаренных детей. Сегодня на них и держится пока наше искусство.

В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ я очень пристрастно следил за жизнью Китая, даже побывал там. Вот некоторые детали школьного образования Поднебесной.

НАЧИНАЯ С ПЕРВОГО КЛАССА, школьники Китая дважды в год сдают экзамены. Проверка знаний идет по трем предметам: китайскому языку, английскому и математике. Экзамены проводятся в своей школе, но экзаменуют приглашенные учителя.

ОБУЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТИЛЕТНЕЕ. Старшая школа с десятого по двенадцатый класс платная для всех. Оплата зависит от уровня и престижности школы.

УСЛУГИ ТАКИЕ, как школьный автобус и питание, платные, но плата доступна для большинства.

ЗАДАЧА ШКОЛЫ – дать каждому школьнику равные возможности получения знаний по максимуму. Чтобы у учеников была конкуренция по уровню знаний и способностей, а не соревнование по толщине кошельков родителей, там запретили домашнее задание. Успехи надо демонстрировать перед классом и учителем, а не с помощью репетиторов.

КИТАЙСКАЯ ШКОЛА постоянно работает над качеством обучения. Только половина выпускников поступает в высшие учебные заведения, двадцать пять процентов из них ориентированы на получение профильного образования и на обучение за границей. ▶

смогли поступить на дневное отделение: все они учатся на вечернем. Мало и москвичей. Впрочем, журфаку еще грех жаловаться. Сколько-то самых безнадежных студентов нам удалось отсеять с помощью творческого конкурса. А вот что получил, скажем, филфак, страшно даже подумать. Это национальная катастрофа! – считает Анастасия Николаева и причиной называет распространение в интернете «колбанского» языка. По признанию самих первокурсников, последние три года в школе они не читали книг и не писали диктантов с сочинениями – все время лишь тренировались вставлять пропущенные буквы и ставить галочки. «ЕГЭ уничтожил наше образование на корню. Это бессовестный обман в национальном масштабе. Суровый, бесчеловечный эксперимент, который провели над нормальными здоровыми детьми, и мы расплатимся за него полной мерой. Ведь люди, которые не могут ни писать, ни говорить, идут на все специальности: медиков, физиков-ядерщиков. И это еще не самое страшное. Дети не понимают смысла написанного друг другом. А это значит, что мы идем к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество. Мы столкнулись с чем-то страшным. И это не край бездны: мы уже на дне», – заявила доцент МГУ.

Ну как, оправились от шока? Поняли, у кого вы будете лечиться, кто будет строить вам дома, мосты, которые танцуют от дуновения ветерка, дороги, которые разваливаются, не дождавшись АТЭС, к открытию которого были построены? Поняли, кто будет писать вам книги, снимать фильмы, кто будет вершить ваши судьбы в суде, в государственных институтах, в ЖКХ? Какие

преподаватели будут у ваших детей и внуков, кто будет вас оперировать, ведь Р.Акчурина и Л. Бокерия не вечны? Я лично не исключаю, что при современных социальных лифтах или, точнее, при полном их отсутствии, двоечник может стать и президентом, и премьером, а уж министром – и к гадалке не ходи, соискатели уже сидят там клерками, только и ждут своего часа. А главное, неучи и дебилы будут повсюду изживать, выжигать каленым железом умных и талантливых вокруг себя, чтобы кто-то не повторил фразу «А король-то голый!». Такого неуча с дипломом придется всю жизнь содержать на высокой зарплате, потому что он всем будет тыкать в лицо диплом МГУ.

Позади остались цветущие сады, а не выжженная пустыня, как уверяют нас двадцать лет подряд реформаторы. Именно образование и наука позволили нам в 60-х годах прошлого века стать космической державой, иметь первоклассный флот, военный и гражданский, создать сверхзвуковую и стратегическую авиацию, позволяющую контролировать все, что мы хотим. Сегодня молодым это кажется мифом, сказкой. У нас была мощнейшая тяжелая промышленность, своя фармацевтика, судостроение – от подводных лодок до атомных ледоколов. Почти каждый город имел свой аэропорт для гражданской авиации. Мы производили больше всех стали, проката и цемента, мы строили гидротехнические сооружения и атомные станции по всему миру. Мы были одной из двух супердержав мира. Нас уважали, с нами считались, нас побаивались, теперь наш авторитет в мире мало что значит. Ничего не выгодно производить, нет мотиваций к труду.

► **ВНИМАНИЕ!** Самые сильные успешные ученики остаются получить высшее образование дома. Китай готовит элиту для себя сам!

У УЧИТЕЛЕЙ ЕЖЕГОДНАЯ обязательная аттестация. Экзамены очень строгие, сдаются в специальных центрах. Государство и работодатели не оплачивают учителям подготовку к экзаменам и переподготовку. Они сдают экзамены по педагогике, психологии и новым методам обучения. Зарплата учителя на селе – восемьсот долларов, в городе – девятьсот долларов, при нагрузке двадцать восемь обязательных часов в неделю, не включая времени на проверку тетрадей и подготовки к урокам.

УЧЕБНИКИ ШКОЛЬНИКАМ выдаются бесплатно, хотя все школы оборудованы компьютерами и обучающими программами.

СВЯЗЬ УЧИТЕЛЕЙ с родителями не приветствуется, рекомендуется общаться по телефону или по электронной связи. Родители без приглашения в школе не появляются.

Особо хочу отметить, что китайские школьники трудятся и обучаются в два-три раза больше, чем российские, и, как ни странно, болеют гораздо меньше, чем наши «принцы» и «принцессы». В таком формате китайская школа существует уже тридцать лет. Может, поэтому Китай стал в XXI веке самой могущественной страной мира?

«*Рыца*» (*рыться*),
«*поциэнт*»
(*пациент*),
«*удастса*» (*удастся*),
«*врочи*» (*врачи*),
«*нез наю*» (*не знаю*), «*генирал*»
(*генерал*), «*черезчюр*» (*чересчур*),
«*оррестоватъ*»
(*арестовать*) –
перлы студентов из группы газетного отделения МГУ.

В 1974 году к Леониду Брежневу попала докладная записка из Министерства культуры СССР. В ней говорилось, что во всех творческих союзах страны: композиторов, писателей, кинематографистов, художников – средний возраст их членов 70 лет. Уже через три месяца состоялся экстренный пленум ЦК КПСС, где было принято постановление «О работе с творческой молодежью». Я знаю результаты этого пленума хорошо, потому что они коснулись меня, моего и последующих поколений. В марте 1975 года состоялся 6-й Всесоюзный съезд молодых писателей под эгидой ЦК ВЛКСМ, я был его участником. Подобные мероприятия прошли во всех творческих союзах. Для молодых повсюду открылись двери. Но и это не все, копнули гораздо глубже. Во всех крупных городах и столицах союзных республик срочно открылись школы-интернаты для особо одаренных детей. Им повсюду отдали достойные здания, направили

лучших педагогов, мастеров искусств, в классах было не больше десяти учеников. Детей учили музыке, танцам, ваянию, живописи, вокалу. Каждое лето их вывозили в Эрмитаж, в Третьяковскую галерею, Пушкинский музей на Волхонке. А кое-кому, особенно одаренным, довелось посетить и Лувр, и Музей д'Орсэ, концертные и оперные залы Вены и Лондона. К сожалению, все созданное рухнуло с развалом СССР. Сегодня поколению первого набора школ-интернатов уже под пятьдесят, на них и держится пока наше искусство.

Я пошел в школу в 1949 году в маленьком райцентре Мартук в Казахстане. В селе жило много представителей репрессированных народов: чеченцев, ингушей, немцев, калмыков. В нашем и параллельном классе училось более сорока учеников в каждом. У нас, в 1А, одиннадцать мальчиков и девочек ни слова не знали по-русски, среди них был и я. По нынешним временам – полная катастрофа. Наша любимая первая учительница (молодая, только что после педагогического училища) Зоя Григорьевна Валянская не роптала, не требовала, чтобы нас перевели в казахскую школу. Чтобы научить нас говорить по-русски, учиться по-русски, она быстро освоила сама и казахский, и татарский, и даже частично чеченский языки. Уже во втором классе я стал отличником – такая была школа, такие учителя. Хочу отметить, что в те тяжелейшие послевоенные годы ученики получали книги в школе бесплатно. Не помню, чтобы к сентябрю школу не отремонтировали, все было побелено, выкрашено. И запах ухоженной школы остался у меня в памяти на всю жизнь. Все делалось на бюджетные деньги,

без откатов и хищений. Учителя и врачи в Мартуке жили в достатке, несравнимом с односельчанами, у них был непререкаемый авторитет среди жителей.

В советской школе вплоть до конца 50-х годов неуспевающих, двоечников, которые сегодня, благодаря фокусам ЕГЭ, не умея ни читать, ни писать, учатся в МГУ, оставляли на второй год. Двоечников по одному-двум предметам «оставляли на осень», т.е. они все лето должны были готовиться и сдать к сентябрю зачет по предмету, по которому отставали. Начиная с четвертого класса, ежегодно в школе были переводные экзамены по всем предметам. Ежегодные экзамены в течение семи лет давали объемность и цельность знаний по всем предметам.

В отличие от современной системы среднего образования, у учителя, у школы были реальные рычаги влияния на успеваемость, на ученика, на его родителей. У всех тюркских и мусульманских народов испокон веков было заведено правило: отдавая ребенка в школу-медресе, говорили учителю примерно так: «Кости наши, все остальное ваше». Эта фраза означала, что учитель был вправе наказывать провинившихся по своему усмотрению. А мы для наших неграмотных дебилов, не умеющих ни читать, ни писать, пытаемся ввести еще и ювенальную юстицию. Берем у Запада самое худшее, чуждое нашим традициям.

Один из идеологов развала СССР и враг новой России, небыизвестный Збигнев Бжезинский неоднократно публично заявлял: «А можно ли считать российскую элиту элитой России, если миллиардные состояния пятисот влиятельных россиян, находящихся

Мы для наших неграмотных дебилов, не умеющих ни читать, ни писать, пытаемся ввести еще и ювенальную юстицию. Берем у Запада самое худшее, чуждое нашим традициям.

во власти, лежат на счетах американских банков?» Понятно, он мог бы сказать яснее – Россией правят наши люди, и они, ради сохранения своих капиталов, будут действовать только в интересах Америки. Наша «элита» не только хранит наворованные астрономические суммы на американских счетах, но там же держит и валютные резервы страны. Разве это не подтверждает слова лютого врага России?!

В начале 50-х годов прошлого века страна смогла позволить себе организовывать летние пионерские лагеря. В первую очередь путевки выдавались детям, чьи отцы погибли на фронте, таковых набиралось процентов восемьдесят. Остальные путевки доставались ребятам из многодетных семей, естественно – бесплатно, хотя триллионов от нефти и газа страна не имела, и детей в семьях было по пять-шесть. Чиновники при Сталине редко путали свой карман с государственным, им быстро давали по рукам, да и к стенке ставили сразу, за особо крупные хапки.

Это в лагере мы впервые узнали о простынях и пододеяльниках, о первых и вторых блюдах, о десерте и гарнирах, о вилках и ножах, суповых и десертных тарелках. А полдник после «тихого часа»

Чиновники при Сталине редко пугали свой карман с государственным, им быстро давали по рукам, да и к стенке ставили сразу, за особо крупные хапки.

с чаем, пирожками или с печеньем воспитатели связали с английским традиционным чаепитием «Five o'clock», чтобы мы умели культурно вести себя за столом – так нас учили элементарным правилам этикета. Спасибо вам, дорогие наши учителя и воспитатели, многим ваши уроки пригодились в жизни, позволили не осрамиться в гостях или за чужим столом.

Пионерский лагерь нашего детства виделся нам, всегда голодным детям, земным раем. Никто не запрещал нам купаться, рыбачить, где хотели и сколько хотели. Обязательной считалась только утренняя зарядка и две линейки общего построения в дни открытия и закрытия сезона, они, действительно, проводились под барабанную дробь и пионерский горн. Жаль, в то время послевоенной бедности ни у кого не было фотоаппаратов, не помню, чтобы нас кто-то там снимал. Жаль, все осталось в памяти таких первопроходцев пионерских лагерей как я, но и мы уходим. И дальше можно будет про нас, наше детство, нашу школу, про нашу страну врать, не озираясь по сторонам.

В советское время писателям вменялось в обязанность встречаться с трудовыми коллективами, студентами, школьниками, военными и даже с заключенными. На встречах с читателями-школьниками меня часто спрашивали о детстве, и я с удовольствием рассказывал о пионерских лагерях, в которых бывал всегда по два срока. На встречах со школьниками и студентами я всегда просил их никогда не давать списывать уроки двоечникам. Уверял, что с их помощью двоечники обязательно займут в жизни места более образованных и умных людей, т.е. ваше место. И за свое «двоечное»

прошлое всю жизнь будут унижать вас, мешать вашему росту. У меня допытывались: «Наверное, у вас там была железная дисциплина, вас с утра до вечера муштровали на плацу под барабанную дробь со знаменами в руках?» То, что я им рассказывал, удивляло и вызывало у них восторг. У нас было столько свободы, что и представить невозможно. Может быть, отчасти оттого, что пионерские лагеря были делом новым, не было опыта, инструкций, узаконенных правил поведения – как, почему, зачем. Да и чиновников при Сталине было поменьше.

Теперь университеты, институты, академии открыты повсюду, а их филиалы со всеми правами выдачи дипломов широко распахнули двери даже в селах, аулах, районных центрах, станицах. Есть филиал одного вуза в станице Вешенской, на родине Михаила Шолохова. Не верите? По Центральному телевидению несколько раз показывали сюжет с ростовского базара, где торговцы картошкой, помидорами, грузчики,

базарные охранники, заведующие весами, подметальщики показывали свои дипломы о высшем образовании и, не таясь, не скрывая фамилий, рассказывали, как они «учились» в институте. А точнее, сколько они платили за каждый семестр и за все пять лет обучения, но никогда ни разу не видели в глаза ни одного преподавателя. Пыхтели за компьютерами только шустрые аферисты от науки, день и ночь печатали документацию, протоколы экзаменов, которые никогда не проводились.

Дипломированные продавцы ростовского базара как раз оказались выпускниками Вешенского филиала Ростовского вуза. Узнал бы об этом Михаил Александрович Шолохов – в гробу бы перевернулся. Куда смотрели чиновники от образования? Куда смотрела власть, давая разрешения на открытие сотен, тысяч филиалов никчемных вузов? Внедряли ЕГЭ, чтобы мошенникам в Ростове и повсюду в России легче было окучивать неграмотную молодежь?

Я ожидал продолжения сюжета по ЦТ, следил, когда же закроют хотя бы одно учебное заведение, работавшее по принципу Остапа Бендера – не дождался. Зато понял, что институты и университеты только множатся, умножая печаль грядущих поколений. Да, современное российское образование еще ждет своего Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Сейчас «потемкинские деревни» времен императрицы Екатерины Второй вызывают лишь улыбки, ведь нынешние чиновники уже столкнули

Чуть ли не на другой день после развала СССР, в Москве в метро можно было приобрести и даже заказать на любой вкус диплом. Ныне такими предложениями заполнили весь Интернет.

образование России в пропасть, как заявила Анастасия Николаева.

Чуть ли не на другой день после развала СССР, в Москве в метро можно было приобрести и даже заказать на любой вкус диплом. Ныне такими предложениями заполнили весь Интернет. Теперь зараза охватила всю Россию, от края до края. В любом заштатном городишке на базаре или у входа в супермаркет можно без хлопот приобрести «корочку» и к ней заиметь документы на любое научное звание: хоть доктора наук, хоть академика. И это делается на глазах у двух миллионов милиционеров, у десятков спецслужб, работников юстиции, суда, прокуратуры, число которых тоже за сотни тысяч зашкаливает. Хоть снова неподкупных опричников при Кремле заводи. Только где Ивана Грозного, беспощадного к казнокрадам, взять? Понятно, что без «крышевания» ни в Москве, ни в Воронеже дипломами не поторгуешь, ведь их продукция – опаснее героина, подрывает основы существования России. Может, и наши инновационные планы на липовые дипломы и на фальшивых докторов и академиков рассчитаны? Не знаю, планы власти для нас, холопов, тайна велика есть.

Надо признать, что проблема образования в России, в разное время и в разных формах, существовала всегда. Гибельные для российской империи перемены, как ни парадоксально слышать, начались с образования. Спустя 15-20 лет после отмены крепостного права либеральная интеллигенция потребовала от властей открыть шире доступ к высшему образованию людям из низов, тем самым разночинцам и народо-вольцам, уже давно рвавшимся к

дипломам университетов. Власть, под давлением общественности, пошла навстречу либералам. Тогда, в конце 19 века, в России появилось несметное количество студентов, жаждавших знаний и нового положения в общественной жизни. С 1890 года по 1913 год, вплоть до Первой мировой войны, Россия развивалась стремительными темпами, примерно, как сегодня Китай, приращивая ВВП страны ежегодно на 12-14%. Но как бы бурно ни развивалась Россия, рабочих мест для такого огромного исторически непредвиденного и необоснованного количества дипломированных специалистов катастрофически не хватало. И проблема лишних людей с хорошим образованием росла по всей империи с каждым годом, от Петербурга до Владивостока. Чем это кончилось, понятно всем – революцией и гибелью самой Российской империи. Но это так, поверхностно, штрихами, для понимания проблем образования в разные этапы истории. Об этом для интересующихся написаны тысячи и тысячи страниц. Отдадим должное образованию в Российской империи – дураков, неучей с дипломами Россия не выпускала. Те выпускники были во много раз образованнее, культурнее, эрудированнее нынешних.

Сегодня, когда я слышу, что 90 процентов выпускников

Западный университет никогда ни за какие деньги, ни за какие девичьи формы и прелести не выдаст диплом. Вот иде собака зарыта.

Образование должно быть конкурентным на любом уровне – двоечникам, троечникам в высшее образование путь должен быть закрыт.

российских школ поступили в институты, меня охватывает ужас. Я спрашиваю у себя (ведь до Медведева, Путина, Фурсенко мне далеко, как до звезды) – зачем? И даже теоретически не знаю ответа. Я знаю, чадолюбивые родители «круглых» троечников, которые при минимальной требовательности в школе оказались бы «круглыми» двоечниками, тут же мне резко бы возразили: а вот на Западе тоже высок процент поступающих в университет. Да, абсолютно верно, поступают многие. Но на Западе поступить в университет не означает получить диплом. Там заканчивают университет и получают дипломы только 60-63 процента поступивших. Западный университет никогда ни за какие деньги, ни за какие девичьи формы и прелести не выдаст диплом. Вот где собака зарыта. Дураков отсекают на всем пути обучения. У нас же в России кругом лукавая и приукрашенная статистика. Даже замужних женщин во всех переписях всегда оказывается на 25-30 процентов больше, чем женатых мужчин. У нас, не сомневайтесь, тысяча студентов поступила, а тысяча сто получила дипломы. Приняли дурака, дураком и выпустят, только с дипломом и правом на руководящую должность. Как говорят в Одессе, почувствуйте разницу. Оттого ни нам, ни нашим дипломам даже в Африке доверия нет.

Кто-то, читая эти строки, скажет – злой старик! Да уж, не из добреньких. Добренькие сделали молодых дебилами, которые не могут написать друг другу "люблю". И мальчики, и девочки пишут «лублу», показывали мне учителя эти «лублу» не раз.

В молодые годы я десять лет был председателем родительского комитета класса, и девять лет из них параллельно – председателем родительского комитета школы. А школа была не простая – экспериментальная, с конкурсом учеников в первый класс, с отчислением за неуспеваемость и плохую дисциплину, с углубленным изучением английского языка. В нее и преподаватели попадали тоже по конкурсу. И наблюдая за экзаменами, я понял: будь моя воля, у меня бы в девятый класс никогда не прошло бы больше 20-25 процентов учеников. Остальным, на мой взгляд, дорога только в средне-технические учебные заведения и профессиональные училища. Существует болезнь дислексия, от нее на Земле страдают 7-12 процентов детей, они не могут полноценно учиться. Есть даже королевские дома в Европе, где дети страдают дислексией. Есть дети, которым не дано даже на «тройку» знать математику, физику, химию, русский язык – своей «тройкой» эти ученики обязаны только закону о всеобщем среднем образовании. И именно этот контингент составляет как раз те 60-70 процентов, которым я бы перекрыл дорогу в старшие классы и к элитному образованию. На мой взгляд, хорошее, качественное образование и есть элитное образование.

Тезис о том, что все дети талантливы и способны, на мой взгляд, в корне неверен. В стране, где часть населения родилась в семье

пьяниц в третьем и пятом поколении, особенно рассчитывать на людей талантливых не следует. Я уже давно вижу, что на наших глазах нарождается современный варвар, полуграмотный, исторически и интеллектуально невежественный, увешанный разными гаджетами, эгоистичный, узкорассчетливый, по-волчьи жестокий. Образование должно быть конкурентным на любом уровне – двоечникам, троечникам в высшее образование путь должен быть закрыт. Это должно стать одним из принципов образования в новой России.

На встречах со студентами меня иногда спрашивают: а вы собирали деньги преподавателям на экзаменах? У меня в эти минуты на глаза набегали слезы, я мысленно видел перед собою лица дорогих моему сердцу учителей и преподавателей. При всей своей писательской фантазии я и представить не могу, как бы принимал студенческие деньги Семен Абрамович Глузман, профессора Фома Иванович Грачев и Михаил Матвеевич Панов. Такие вопросы оскорбляли их память. Видя мое душевное смятение и растерянность, вопросы снимались сами собой. С трудом, но верили, что было когда-то светлое прошлое под названием «социализм» и в нем не все подменялось деньгами.

Впервые в Москву, в отпуск, я с друзьями приехал летом 1962 года из Экибастуза. Наш троллейбус задерживался, и я подошел к фонарному столбу, обклеенному объявлениями. Какой-то профессор не то из МИФИ, не то из МИСИ, фамилия и телефон были указаны, предлагал абитуриентам уроки по подготовке в свой вуз по математике, физике и химии. Плату за почасовое обучение обещал умеренную.

Как сказали мне друзья, в Москве перед вступительными экзаменами в вузы всегда так – все столбы, все рекламные щиты обклеены подобными предложениями. Я был возмущен. Тут же прямым текстом написано: приходите ко мне с деньгами, я решаю проблемы по профильным дисциплинам нашего института, гарантирую поступление. А почасовая, умеренная оплата – это дымовая завеса, прикрытие. Нужны профессору, чей оклад 250-300 рублей, замусоленные «трешки» и «пятерки» недорослей, не знающих математику. Станет его жена терпеть дома ораву оболтусов, тут совсем другими деньгами пахнет, да и встречи будут на нейтральной территории. Будь моя воля и власть, я бы собрал подобные предложения по всей Москве, а потом пригласил бы всех этих взяточников-профессоров в большой зал, где какой-нибудь высокий чин в штатском задал бы свои вопросы. Уверен, народ там собрался бы неглупый, поняли бы, о чем разговор, оценили бы предупреждение и перестали бы за взятки неучей в институты тащить.

Так ли нам нужны ежегодно тысячи и тысячи филологов, писателей, журналистов, музыковедов, искусствоведов, театроведов? Если образование у нас бесплатное, то это не совсем личное дело обучающегося, деньги-то идут из общей кассы государства, и обществу не все равно, во что они вкладываются, на прихоть или на цель расходуются.

Они, как пришли в МГУ с черного входа, так и по жизни будут двигаться, приворовывая и занимая чужие места. Кроме отсутствия знаний у них нет главных человеческих качеств – ни стыда, ни совести. ■

► Записал Леонид Толчинский

«ПЕРЛЫ» абитуриентов журфака-2018

Буквально вчера педагоги принимали экзамены, а сегодня лучшие анекдоты, еще горячие и совершенно реальные, – вашему вниманию.

Абитуриенты всегда, во все времена слыли людьми весьма находчивыми и готовыми молниеносно ответить на любой поставленный вопрос, даже если в правильности самого ответа у них большие сомнения. Мучения в поисках истины, страдания относительно того, что школа нечто очень важное недодала и оттого поставила абитуриента в неловкое положение – не

для наших юных соискателей. А за сим и рождаются весьма интересные и неожиданные версии тех или иных событий и явлений, которым угораздило попасть в экзаменационные листы. Вот самый свежий Топ-15 ответов с собеседований в Высшую школу журналистики и медиакоммуникаций Казанского федерального университета.

– О каком событии снят фильм Эйзенштейна «Броненосец Потемкин»?

– Об отечественной войне 1709 года!

– Допустим. Но 1709 год и слово "броненосец" – вас ничего не смущает?

– ААА, ну это был точно 19 век.

Немного из военной истории

– А кто такой этот Муссолини?

– Изобретатель радио.

– Ленинград, Петербург, Калининград, Петроград. Какой город лишний в этом ряду?

– Думаю, что Ленинград.

– Давайте разбираться. Петербург знаете?

– Да.

– Петроград?

– Кажется, это одно и то же.

– Хорошо. Калининград?

– Это где-то на Западе.

– Ленинград?

– Точно не знаю. Может, тоже на Западе или где-то подальше от этих всех. На Урале, может.

Самый трудный вопрос

Что объединяет Валентину Терешкову и Алексея Леонова? Обсуждались версии личных связей, но подтверждения не нашли. Не нашлось доказательств и того, что Терешкова писатель. Просто не удалось вспомнить, что именно она могла написать в таком случае. Самый полный ответ звучал так:

- Кажется, Терешкова летала в космос.
- Так значит она кто? ..
- Космонавт.
- Вот и тогда Алексей Леонов кто? ..
- Возможно, их объединяло что-то личное, но я в этом не уверена. Может они коллеги?
- И? Если Терешкова у нас космонавт, а Леонов её коллега, то он...
- (торжествующе) Ааа, он тот, кто отослал её в космос!

- Кто такой графоман?
- Это человек, который любит графов.

- Кто был символом Олимпиады в Москве 1980 года?
- Чебурашка.
- Как?
- А кто же ещё?!

- Как раньше назывался город Ульяновск?
- Свердловск.
- А Симбирск тогда что за город?
- А Симбирск - это город, который раньше назывался Симбирском.
- Логично. И ведь не поспоришь.

Ленин вызывает большие затруднения. Все сходятся в двух позициях, что он из России и что он вождь.

- а) - Чей вождь был Ленин?
- Ой, затрудняюсь сказать.
- Бывают вожди краснокожих, например, а он?
- Точно. Красный! Красной армии.
- б) - Когда Ленин учился в Казанском университете?
- При Николае втором. Кажется, до революции.
- Отлично. Вы знаете, когда была революция?
- В 1917 году.
- И когда именно до революции Ленин учился в Казани? В 1915, 1913... В каком именно году или веке?
- Ну не в 1913 году уж. Много раньше. В 1910-м!

- Александр 1, Александр 2, Николай 1, Александр 4. Кто лишний в этом ряду?
- Николай 1.
- Почему?
- Тут нужен Александр 3. А вот Николай правил уже после Александра 4.
- А четвёртый был?
- Да. Когда Александры кончили править, начали править Николай.

После того, как Мусу Джалиля убили на войне, он вроде больше журналистом не работал...

Шаляпин пел на паперти так, что в храме гасли свечи.

И еще одна душещипательная история из истории (уж простите за тавтологию).

- Итак, про то, что причиной Кровавого воскресенья стало недовольство народа своим экономическим положением, Вы как-то обозначили. Давайте теперь уточним детали.

- Дело было так. Однажды царь уехал куда-то надолго и оставил вместо себя одного чиновника.

- То есть оставил исполняющего обязанности царя?

- Ну да. И вот этот чиновник всё провалил. И народ резко обнищал, вышел на улицы и его расстреляли.

- Так. Предположим. Давайте тогда определимся с именем этого царя, который оставил за себя столь нерадивого чиновника и так надолго.

- Это был Пётр Первый.

- Ээээ, то есть Кровавое воскресенье с массовым выступлением рабочих было в 18 веке?

- Да. А что не так?

Когда прочитал только одну книгу.

- Какое самое известное произведение Солженицына Вы знаете?

- Он написал "Прощание с Матёрой". Сейчас я вам про это подробно расскажу, как там деревню, ну это... Утопили её одним словом.

- Не стоит. Какие еще произведения всё-таки Солженицына Вы знаете?

- Ну, он много писал, вот "Прощание с Матёрой" очень хорошее. Давайте я все-таки расскажу.

- Давайте просто перечислим что-то еще из Солженицына.

- Думаю, что он много чего писал. Но я бы остановилась на "Прощании с Матёрой".

- Итак, когда все же был образован ГКЧП, для чего и как долго он просуществовал?

- А он и сейчас существует.

- А какие не развлекательные программы Вы любите смотреть по телевизору?

- Ой, я очень люблю исторические программы про СССР.

- Весьма интересно. А почему именно про СССР?

- Там было так всё интересно, там столько много прятали и скрывали, что прямо вот страшно интересно. ■

► Ирина Ермакова

ИЛЬНАР ХИДИЯТОВ: «Профессия педагога стратегически важна»

Сегодня модно учиться, образование – в тренде. Однако не каждый школьник может это делать самостоятельно – без хорошего учителя в наше время никуда. Начальник Управления образования Казани Ильнар Хидиятов твердо знает, каким должен быть педагог.

Начальник Управления образования исполкома города Казани с марта 2018 года. Родился 7 сентября 1979 года в деревне Дусюм Арского района Татарстана. Окончил Татарский государственный гуманитарный институт по специальности «учитель татарского языка и литературы» в 2001 году, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в 2014 году. Свободно владеет турецким языком. Работал школьным учителем, а также занимал руководящие должности в структуре городского управления образования. Кандидат филологических наук. Награжден нагрудным знаком «За заслуги в образовании».

– Ильнар Рузалович, решение каких проблем в системе образования Казани вы считаете для себя безотлагательным?

– Сегодня система образования города демонстрирует сочетание достижений и остающихся проблем. К положительным достижениям можно отнести расширение доступа к дошкольному образованию, стабильные результаты детей на всероссийских олимпиадах, успешное введение федеральных государственных образовательных стандартов, а также постепенное усовершенствование управленческой деятельности. Тем не менее, у нас есть острые проблемы. До сих пор наблюдается перегруженность школ, в результате чего в этих школах вынужденно переходят на обучение во вторую смену. Так называемый бэби-бум, охвативший страну несколько лет назад, который сам по себе – прекрасное явление, отражается сейчас на школах: только в этом году мы ожидаем семнадцать тысяч первоклассников, и это огромная нагрузка на начальную школу, испытывающую дефицит педагогических кадров.

Все еще существует проблема нехватки мест в дошкольных учреждениях для детей ясельного возраста. Безусловно, город решает вопрос: мы создаем семейные детские сады, развиваем государственное частное партнерство. Но проблема пока есть. У нас в Казани до сих пор нет учреждений дополнительного образования в микрорайонах-новостройках. В результате в новых школах приходится создавать так называемую школу полного дня. Максимально занять детей бесплатным дополнительным образованием – это наша приоритетная задача. Сегодня для нас «болевым» точкой является норматив по количеству воспитанников

учреждений дополнительного образования: он не меняется уже много лет, несмотря на то, что детей в городе становится больше. Но это характерно не только для нашего города, к тому же постепенно мы находим пути решения.

Кстати, в этом году открываются три школы и три детских сада. В настоящее время особое внимание направлено на школы, которые оказались в самом конце городского рейтинга в 2017 году. Мы будем их «вытягивать»: при поддержке Ильсура Раисовича (Метшина, мэра Казани – прим. ред.) мы запускаем проект по финансовой и методической поддержке отстающих школ для создания в них современных условий организации процесса обучения и воспитания.

Проблемы проблемами, но все же образовательные хлопоты – это приятные хлопоты. Потому что решая проблемы воспитания и обучения наших детей, мы работаем на свое будущее.

– Каков, на ваш взгляд, образовательный уровень выпускников Казани?

– Жесткая конкуренция на рынках российских вузов, значительное уменьшение бюджетных мест повышают мотивацию старшеклассников не просто к преодолению минимального порога по предметам ЕГЭ – выпускники стремятся набрать как можно большее количество баллов, чтобы иметь возможность поступить на бюджетные места вузов. Количество высокобалльных работ по предметам ЕГЭ увеличивается с каждым годом. Наши выпускники поступают не только в российские, но и зарубежные вузы. Ежегодно казанские школы входят в различные ТОПы лучших в России. Согласно исследованию RAEX, в 2018 году в число

лучших российских общеобразовательных заведений из семнадцати татарстанских попало двенадцать школ Казани.

– Что вас больше всего удручает в современных подростках, а что радует?

– У меня трое детей, и я наблюдаю, какие они все разные. Современные подростки – они другие, но они не плохие, они всего лишь соответствуют своему времени. По-разному воспринимают мир, мыслят по-иному, быстро схватывают информацию, легко общаются с информационными носителями, при этом требовательны и настойчивы. Но мне это нравится, они стремятся быть лидерами, главное, чтобы при этом они чувствовали ответственность за свои поступки.

А удручает меня то, что современный подросток знает о человеческой жестокости гораздо больше, чем знали, например, мы, когда были в этом возрасте.

– Пресловутое ЕГЭ. Какова ваша личная оценка такого метода проверки знаний? Есть ли шанс у миллионов российских пап-мам на то, что вернется советская система – сдача выпускных и вступительных экзаменов?

– Государственная итоговая аттестация обучающихся – результат работы школы и всей системы образования на протяжении длительного времени. Она позволяет определить уровень среднего образования выпускника, определить и профессионализм учителя, качество обучения в конкретной школе, районе. Все это приобретает особую значимость в условиях, когда конкуренция на рынке образовательных услуг обостряется и задача поддержания общественного статуса

школы, сохранения контингента обучающихся и, главное, получения ими качественного образования, становится все более насущной.

Единый государственный экзамен – это процедура оценки соответствия достижений выпускников требованиям стандарта. Как бы родители ни возмущались, сами выпускники считают, что ЕГЭ является объективной, а также одной из перспективных форм проверки знаний и, что важно – ЕГЭ обеспечивает непрерывность и преемственность образования. ЕГЭ – уже устоявшееся явление, понятное как выпускникам, так и их родителям. Формат и содержание ЕГЭ за годы существования претерпели значительные изменения, стараясь соответствовать запросам общества. И это не предел. Уверен, ЕГЭ и дальше будет совершенствоваться. И, главное, надо понять и принять тот факт, что время идет вперед, его нельзя повернуть назад.

– ЕГЭ и качество самого образования взаимосвязаны? Может ли человек хорошо сдать экзамен, не имея прочной образовательной базы? Ведь тест, по сути – лотерея.

– Сегодня ЕГЭ позволяет оценить качество образования различного уровня. Анализ результатов ЕГЭ показывает уровень освоения знаний и их качество, а также ЕГЭ демонстрирует равенство доступа абсолютно всех детей к качественному образованию. Нужно отметить, что контрольно-измерительные материалы ЕГЭ сегодня не содержат тестовую часть, а значит, принцип лотереи к процедуре ЕГЭ уже не применим. Вместе с тем КИМы ЕГЭ содержат задания разного уровня сложности, и, если у ученика достаточно прочная база основного общего образования, то минимальный порог с таким багажом знаний можно легко пройти.

МАКСИМАЛЬНО ЗАНЯТЬ ДЕТЕЙ БЕСПЛАТНЫМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ – ЭТО НАША ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА.

– Насколько успешно в Казани реализуется принцип инклюзивного образования?

– Инклюзивному образованию мы уделяем особое внимание. Совместно с партнерами мы создаем максимально благоприятные условия для социализации детей-инвалидов дошкольного и школьного возраста. В шестидесяти трех школах Казани создана универсальная безбарьерная среда, в каждом районе есть базовые площадки по инклюзивному образованию, а в школах №78 и №156 установлено сетевое взаимодействие со специализированными медицинскими учреждениями. В пяти школах города созданы классы для обучения детей с расстройством аутистического спектра.

Для выявления детей с отклонениями в поведении в городе функционируют психолого-медико-педагогическая комиссия, а также центр психологической поддержки детей и родителей «Ресурс».

Инклюзивное воспитание и образование – процесс сложный, в нем принимают участие не только педагоги: это и родители, и психологи, и логопеды, администрация учреждения и сами сверстники. Нами ведется работа не только по созданию

условий для особенных детей – в городе реализуются проекты, направленные на принятие детей-инвалидов в социуме. Бывают отдельные конфликтные случаи, но они единичны и в итоге стороны друг друга начинают понимать. А это, как вы понимаете, очень важно.

– Как себя чувствуют казанские учителя? Какие у них основные жалобы? Еще недавно были две основные причины, влияющие на качество обучения, – низкая зарплата педагогов и бумажная волокита, из-за которой не оставалось времени на детей.

– Сегодня казанскому учителю грех жаловаться: заработная плата у него выше среднего экономического показателя по республике, в школах активно улучшаются материально-технические условия. Пытливому, развивающемуся педагогу предоставляется возможность участия в профессиональных конкурсах, в повышении квалификации, получении грантовой поддержки, при подготовке детей к всероссийским олимпиадам учителя получают материальное поощрение. Про планы-отчеты: мы идем в ногу со временем, поэтому вся школьная документация стала носить цифровой характер. Давно введены в практику электронные журналы и дневники, проводится подключение школ к межведомственной системе электронного документооборота. Все это позволяет организовать работу в едином информационном поле. И оно не затрудняет, а наоборот, улучшает эффективность работы. Возможно, кому-то тяжело перестраиваться, но иного выхода все равно нет.

– Как вы оцениваете профессиональный уровень молодых

педагогов? Кто сегодня идет работать в школу – учителя по призванию или те, кто пришел в педагогический вуз ради «корочки»?

– В моем представлении современный молодой учитель – это, прежде всего, друг по отношению к детям, их помощник, советчик и союзник. Не человек, декларирующий прописные истины, а искатель, странник, всегда находящийся в пути. Этот поиск должен быть присущ как молодому, так и опытному учителю.

Нас радует, что молодые специалисты сегодня не бегут из школы. Если по цифрам, то наблюдается явно положительная динамика: доля молодых учителей в возрасте до 35 лет у нас значительно выше республиканского показателя, а также показателей Москвы и Петербурга. Например, по стране этот показатель составляет 22,7 процентов, у нас в Татарстане – 25,5 процентов, в Москве – 23 процента, а в Казани – 29,17 процентов.

Молодые учителя – новая формация педагогов, которые ведут инстаграммы и принимают зачеты по скайпу, играют в рок-группах и занимаются наукой. И это – реальность казанского образования. Молодые учителя известны в республике не только своими победами в профессиональных конкурсах, но и высокими образовательными результатами. Среди их выпускников – победители и призеры олимпиад, «стобалльники» по ЕГЭ.

Пятнадцать педагогов носят звание победителей приоритетного национального проекта «Образование». Это очень хорошие показатели для нашей столицы.

– Сегодня ведется много споров по поводу того, какой должна быть современная школа. Ее функции – только образовательные? Должна ли школа заниматься именно воспитанием детей, как было в СССР, или сегодня она только обеспечивает образовательные услуги?

– Я считаю, что образование – это не только обучение, но и воспитание. Мне понравилось высказывание депутата Законодательного собрания Петербурга Виталия Милонова: «Нельзя превращать детей в аналог китайского планшета с плохой производительностью, но большой памятью. Надо, чтобы дети помнили, что есть Родина, любовь и совесть».

– В Казани довольно много школ с хорошим техническим оснащением. А лично вы за чьих выпускников спокойны, что они не подведут ни на всероссийских олимпиадах, ни при поступлении в федеральные вузы?

– Да, в Казани довольно много школ, отвечающих современному уровню. Наши школы ежегодно занимают достойные места в Топ - 500, 200, 100 школ Российской Федерации. В Топ-25 третий год лидирует лицей №131 Вахитовского района. Но могу с уверенностью сказать, что

все казанские школы дают достойные знания, которые подтверждаются итоговой аттестацией.

– Какие основные задачи стоят сегодня перед современным учителем? Какими главными качествами он должен обладать?

– Основная задача современного учителя – обучить и воспитать человека будущего. А это человек эры генетики, нанотехнологий и дальней космонавтики, эры цифровых технологий и высокоточного оружия, эры очень разнообразных культур. Обучение и воспитание таких людей требует от учителя очень глубоких и универсальных знаний, постоянного поиска и саморазвития.

Сегодня учитель и ученики стали говорить на разных языках. Это связано, прежде всего, с чрезвычайной распространенностью и популярностью технологий, Интернета и компьютерных игр. Как результат – большинству современных учеников стало трудно воспринимать информацию на слух. Поэтому обучение в сотрудничестве и методом проектов для современного учителя является профессиональной необходимостью.

На мой взгляд, обязательное для современного учителя качество – гуманизм, отношение к растущему человеку как высшей ценности на земле, выражение этого отношения в конкретных делах и поступках. Профессионально необходимыми качествами учителя являются выдержка, самообладание, душевная чуткость, справедливость, требовательность, чувство юмора. Недаром говорят: веселый педагог обучает лучше угрюмого.

– Как вы относитесь к мнению, что престиж профессии учителя упал? Что необходимо сделать, чтобы изменить ситуацию?

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДРОСТКИ – ОНИ ДРУГИЕ, НО ОНИ НЕ ПЛОХИЕ, ОНИ ВСЕГО ЛИШЬ СООТВЕТСТВУЮТ СВОЕМУ ВРЕМЕНИ.

– Мое твердое убеждение – сегодня престижно быть учителем. Современная школа – это место, где учитель может сделать карьеру. И заработные платы вполне достойны. Отраднo, что в Казани практически нет недостатка в учительских кадрах. Это очень серьезное достижение! 354 молодых педагога в этом учебном году пришли в казанские школы. Кроме того, в образовательных организациях города сегодня заметно больше мужчин, чем было еще несколько лет назад. Это тоже замечательно, потому что важен гендерный принцип: воспитывать мальчиков и девочек должны не только женщины-учителя, но и учитель-мужчина.

Конечно, нельзя сказать, что все проблемы решены. Есть вопросы социального характера, – например, несмотря на то, что зарплата у учителей хорошая, этого недостаточно, чтобы получить ипотеку. Есть и другие проблемы, требующие решения. Думаю, в данном контексте нужно говорить не столько о престиже, сколько об авторитете учителя. Любой гражданин должен понимать, что профессия педагога стратегически важна, и то, каким вырастет наше будущее поколение – это государственная задача. Уничижительное отношение к педагогам неприемлемо вообще. Считаю, что в педагогические вузы должен быть серьезный конкурс и туда должны отбирать лучших – то есть, лучших по призванию, по знаниям, по человеческим качествам.

– Вы помните своего первого или главного учителя? Того, кто смог вас сориентировать в жизни и стал для вас непререкаемым авторитетом?

– Конечно, на каждом этапе личностного роста рядом со мной находились люди, у которых я учился, на которых хотел быть похожим. Особую роль в моем становлении я

“

МОЛОДЫЕ УЧИТЕЛЯ – НОВАЯ ФОРМАЦИЯ ПЕДАГОГОВ, КОТОРЫЕ ВЕДУТ ИНСТАГРАМЫ И ПРИНИМАЮТ ЗАЧЕТЫ ПО СКАЙПУ, ИГРАЮТ В РОК-ГРУППАХ И ЗАНИМАЮТСЯ НАУКОЙ. И ЭТО – РЕАЛЬНОСТЬ КАЗАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.

бы отвел своей семье – жене и родителям, которые всегда поддерживали меня во всех ситуациях, в принятии серьезных решений. Я благодарен своим школьным учителям, которые определенно верили в меня больше, чем я сам, были требовательны и очень строги. Сегодня я им благодарен за то, что они поддержали мое стремление стать учителем, и я несколько об этом не жалею.

– Приведет ли современный уклад жизни и множество онлайн-школ к исчезновению реальной школы? Возможно ли представить мир без Учителя? И правильным ли будет такой мир?

– Мир меняется. Меняется школа. Меняются учителя и ученики. Остаются лучшие и те, кто не боится меняться. Лучшие учителя, как правило, ищут подход к каждому ребенку, ведь очень легко «потерять» ученика скучным уроком. Хороший педагог не просто читает из учебника – он вдохновляет и пробуждает интерес. Как пример настоящего учителя приведу героя Робина Уильямса из фильма «Общество мертвых поэтов». Он – тот самый настоящий учитель.

Мое твердое убеждение: учителя останутся, поменяется только подход, организация и содержание образовательного процесса в школах. Но учитель обязательно останется в школе. ▀

ПАВЕЛ ШМАКОВ:

десять принципов в педагогике

Павел Анатольевич Шмаков родился 18 декабря 1957 года в Казани. Окончил факультет экспериментальной и теоретической физики, кафедру теоретической ядерной физики МИФИ в 1982 году. Известен своей концепцией интеллектуальной увлеченности школьников. Занимался также общественной деятельностью. Начиная с 2006 года занимается научной работой на кафедре педагогического образования Университета Хельсинки. Ученики общеобразовательной школы имени Алексиса Киви (Хельсинки) избрали его лучшим учителем 2009 года. В 2013 году с коллективом педагогов-единомышленников создал Специализированный олимпиадно-научный центр «Школа СОЛНЦе», имеющий статус муниципального автономного общеобразовательного учреждения для детей, проявивших выдающиеся способности. В 2014 году на телеканале «Культура» вышел фильм о школе СОЛНЦе и о ее директоре. Выдающиеся ученики: писатель Денис Осокин, помощник Президента РТ Олеся Балтусова, чемпион мира по программированию Руслан Гильфанов, поэт и журналист Айрат Бик-Булатов, доктор физико-математических наук Алексей Калачев и другие.

1 ПОДДЕРЖКА

Необходимо поддерживать в ребенке то доброе и хорошее, что ОН САМ в себе ценит. Верить в ребенка. В отличие от взрослого, у малыша от «хочу» до «могу» – всегда преодолимое расстояние. Много хвалить – за дело – и детей, и учителей. Восхищаться, сверх всякой меры, светлыми их качествами и

поступками. Недохвалить – плохо, перехвалить – не страшно.

2 РАСТИ НАД СОБОЙ

Важно побеждать сегодня себя вчерашнего. Это важнее, чем побеждать других на олимпиадах и в соревнованиях. Победа над собой – всегда радость. Победа над соперником – боль проигравшего.

3 ЛЮБИТЬ

Ставить честные оценки, быть честным и справедливым в оценивании результатов по-настоящему, по-взрослому, при этом не ругая детей. Ребенка надо любить любым, в том числе в неудачах и в проигрышах.

4 РАСТИТЬ МАСТЕРА

В российской школе не любили «троечников». «Тройку» надо было «исправить» на «четверку». В нашей школе важно иметь «пятерки». Для нас лучше иметь «5» и «3», чем «4» и «4». Надо воспитывать «мастера», профессионала. В России всегда ценился «левша», который мог блоху подковать.

5 НЕЛЬЗЯ ОТЧИСЛЯТЬ

Можно долго искать «своего» ребенка. Но, найдя, нельзя его бросать. Ребенка нельзя отчислять из школы. Мама ВСЕГДА любит своего ребенка, что бы он ни совершил. Мне верится, что настоящая любовь – это навсегда. С ребенком нельзя «развестись», как с нелюбимым супругом. Развод означает, по-моему, то, что любви не было. А я люблю своих детей. И наша школа СОЛНЦЕ любит своих учеников.

6 ДАВАТЬ ПРАВО ВЫБОРА

Так же, как мы имеем право выбирать врача, надо иметь право на выбор учителя. Детям надо давать право выбора уровня изучения предмета. Дети должны выбирать, в чем ходить в школу. При этом важно не оскорблять своим видом других, не мешать другим учиться. К примеру, слишком короткая юбочка отвлекает одноклассников. Нестиранная одежда мешает сосредоточиться на учебе. Дорогие украшения могут породить зависть...

7 БЫТЬ РЯДОМ С РЕБЕНКОМ

Мой учитель, создатель Школы самоопределения, Александр Тубельский однажды сказал мне, что в конфликте взрослого и ребенка он всегда будет на стороне ребенка. «А если ребенок неправ?» – спрашиваю Александра Наумовича. «Так он же маленький...» Полностью поддерживаю этот принцип. Важно в проблемной ситуации БЫТЬ РЯДОМ с ребенком. Не поддерживать в плохом, а быть рядом, сидеть на корточках, держать за руку, обнимать...

8 УВАЖАТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Надо быть хорошо знакомым с родителями ребенка. Надо предусматривать ситуацию, что делать, если у родителей и у школы – разная педагогическая позиция. Нельзя рвать ребенка в разные стороны. К примеру, я считаю важным, чтобы все дети в республике, хотя бы в небольшой мере, но обязательно учили татарский язык. А если родители считают иначе? Мы не обязываем ребенка делать это. Мы создаем условия, когда учить татарский приятно. Без домашних заданий. С пением татарских песен. С приготовлением чак-чака. И, когда ребенок сам захочет на урок татарского – это хорошо. А для родителей обычно СЧАСТЬЕ его ребенка важнее, чем его взрослая точка зрения.

9 НЕ БОРОТЬСЯ С РЕБЕНКОМ

Не стоит напрямую бороться с неправильными, с нашей точки зрения, привычками ребенка. Важно дать альтернативу. Когда дети в лицее Лобачевского много курили, я поставил в холл первого этажа десять больших и красивых шахматных столиков. Все входило через

этот интеллектуальный клуб – и выходили. И если раньше сбегали с уроков курить, то теперь стали с нелюбимых уроков сбегать играть в шахматы. Это лучше. Но это и повод задуматься о качестве некоторых учебных занятий. Когда обнаружил, что дети в сетях много разговаривают матом, попросил талантливую школьницу сделать на эту тему исследование. Девочка посчитала, сколько в ее бывшей школе за пятнадцать минут перемены дети скажут слово на букву «х», сколько – на другие буквы. Сколько – там, и сколько – у нас. Проанализировала. Сделала выводы. Интерес к ее докладу на научной конференции школьников был большим. А интерес к мату уменьшился.

10 ЖИТЬ С ДЕТЬМИ В ЧЕСТНОСТИ И В СВОБОДЕ

Ребенок должен расти в честности и в свободе. Если хотеть, чтобы ребенок переодевал вторую обувь – надо переодевать ее самому. Хотеть, чтобы не курил – не курить самому. Хотеть, чтобы не опаздывал, – не допускать и опозданий учителей. Хотеть, чтобы не боялся говорить правду, – не наказывать за высказывание собственного мнения, даже если оно мне неприятно. Дети и родители приглашены на наши педсоветы, проблемы обсуждаются открыто. Я критикую – значит, и меня можно критиковать, разумеется, в корректной форме. Свобода – это когда может вырасти и хорошее, и плохое. И я ошибаюсь, и у детей есть право на ошибку. ■

► Иркэ Иргашева

РАДИК ХАБИРОВ: «Каждого ученика есть за что уважать»

Учитель физики Татарской гимназии №1 имени Г. Тукая Радик Хабиров этим летом остался без отпуска – он принимает участие во Всероссийском конкурсе «Учитель года». «Я – строитель! Но строю я не здания, а будущее целой страны», – написал он в своем портфолио. В марте 2018 года он был признан лучшим в региональном конкурсе среди педагогов Татарстана.

Родился 8 июня 1993 года, в 2015 году окончил Казанский государственный архитектурно-строительный университет. Хобби – техническое творчество, чтение научно-популярной литературы, велопробулки. Педагогическое кредо: ученик – не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь. В профессии учителя ценит неподдельные, яркие эмоции детей, непрерывное самосовершенствование в школе, возможность изменить мир к лучшему. Занимается научной деятельностью, является аспирантом КНИТУ-КХТИ.

*Попранный некогда
престиж учительской
профессии потихоньку
возвращается на свое
место.*

Я родился в деревне Альметьевского района. Первые классы закончил в местной школе, а затем продолжил учебу в городе. После школы, естественно, встал вопрос, куда пойти учиться. А меня с юности почему-то тянуло в строительную сферу. Я и поступил в строительный университет (в то время – КИСИ), окончил факультет «Промышленное и гражданское строительство» по специальности «инженер-проектировщик». До сих пор в памяти сохранился наш институтский девиз: «Не каждому дано так щедро жить – друзьям на память города дарить». Это из советской песни.

Я до сих пор очень люблю всякие расчеты, строительную мощную технику, которая внушает уважение к самой специальности, и, конечно, сами здания.

А когда стал проходить практику, вдруг поймал себя на ощущении, что это не совсем мое. Да, у меня была мечта – строить города, изучать тайны древних построек. Мечта, конечно, в чем-то воплотилась, но я понял, что это не совсем то, что я искал. Профессия проектировщика мне показалась подобием серого конвейера, рутинно штампующего неживые объекты. И однажды, проходя мимо школы, я увидел детей, которые играли в футбол. У

них были такие настоящие эмоции, было столько радости, что я подумал – вот такие живые эмоции я хочу испытывать каждый день. И, похоже, я хочу работать в школе, подумал я в тот момент.

Потом подумал еще и стал рассылать резюме по школам, предварительно пройдя переподготовку в КФУ. Там есть специальные курсы, ориентированные на подготовку педагогических кадров. Желающий переобучиться на учителя выбирает подходящее направление – я выбрал естествознание и приступил к учебе, после которой сдал государственный экзамен, дающий право на преподавание в школе.

После учебы раздался звонок от завуча одной из казанской школ – меня пригласили поработать у них. А потом я оказался в той школе, где и работаю до сих пор – в 1-й татарской

гимназии, преподаю любимую физику. Кстати, в этом году мы очень торжественно отметили столетний юбилей гимназии им. Г. Тукая.

Я бы не сказал, что я попал туда совсем уж случайно. Скорее, меня в школу привела моя мечта строить. Только сначала я заблуждался

и хотел строить города, а теперь я хочу строить будущее целого народа и своей страны. Звучит, может, несколько пафосно, но это мое внутреннее ощущение.

До школы я очень сильно метался в поисках себя и своего места: отучился в строительном университете, поработал на стройках. И все это время понимал – это не совсем то, что я по-настоящему хочу. Но строительство дало мне многое: волю, характер, умение созидать. А когда я оказался в школе, то успокоился – нашел свое место в жизни.

Школа для меня – осознанный выбор, а не от нечего делать. Я знал, куда я иду, что буду делать и что я от этого жду. Быть учителем – настоящее призвание, думаю, что так о себе может сказать решительно каждый педагог. Я могу говорить лишь о школах, где мне посчастливилось поработать, где работают те, кто искренне предан своему делу, по-настоящему

*Мой ученик
должен
понимать,
что любое
действие
влечет за собой
последствие,
за которое
он должен
отвечать. К
этому нужно
приучать с
детства.*

любит детей и заботится о том, чтобы дать им качественное образование. Думаю, сегодня ситуация в корне поменялась. Попранный некогда престиж учительской профессии потихоньку возвращается на свое место. Нельзя не замечать, что и со стороны государства к нам, учителям, стало заметно больше внимания – в стране начали понимать роль образования в жизни отдельного человека и целого общества. В моей практике именно так.

Иногда вспоминаю фильм «Большая перемена», очень хороший и очень добрый. У меня тоже были некоторые сложности, но я выработал личный свод правил, как я должен вести себя в школе, и стараюсь его неукоснительно выполнять. Я не строгий, больше – справедливый. Я стараюсь донести до каждого ученика материал в той степени, в которой он может его понять. И очень важно, чтобы мои ученики запомнили основные законы физики на всю жизнь. Как показывает практика, больше всего люди запоминают интересные факты из истории или биографии великих ученых. А ведь любое природное явление работает по простым физическим законам. Поэтому я выстраиваю свой урок таким образом, чтобы каждое теоретическое знание подкреплялось примером на практике – чтобы ученик потом надолго запомнил то, что мы сейчас проходим. Объясняю какие-то явления или законы физики, принципы работы техники с примерами из реальной жизни. Словом, я стараюсь давать практикоориентированные знания. И, таким образом, у ученика создается интерес и мотивация. В таком случае и строгость не нужна – ученик вовлечен в учебный процесс и нет проблем даже с дисциплиной. Моя строгость проявляется в

отношении невыполненной домашней или контрольной работы. В этом случае ученик получает свою заслуженную оценку. Мой ученик должен понимать, что любое действие влечет за собой последствие, за которое он должен отвечать. К этому нужно приучать с детства.

Я стараюсь быть для детей другом. Любой урок я начинаю с небольшой беседы. Мы обсуждаем, что происходит в мире, в стране – так я располагаю детей к себе и снимаю этим некое напряжение. Я пытаюсь узнать о каждом своем ученике подробности из его другой, не школьной, жизни. Потому что эти знания дают представление именно о личности ребенка и подсказывают, как с ним лучше общаться. У каждого ребенка есть свои таланты: он может быть не силен в физике, но пишет прекрасные стихи или хорошо поет. У каждого ученика есть черта характера, за которую его можно уважать. Я стараюсь раскрыть эти черты в своих детях.

Ученик большую часть времени проводит в школе. И понятно, что роль школы в воспитании огромна. В каждой школе есть заместитель директора по воспитательной работе с четким планом на годы вперед. Воспитательный процесс – это своеобразный треугольник, в котором задействованы три стороны – родители, ребенок, школа. Этот треугольник оправдывает себя только в том случае, если все его стороны заинтересованы и в работе, и в

Воспитательный процесс – это своеобразный треугольник, в котором задействованы три стороны – родители, ребенок, школа.

результате. Очень часто получается, что всю ответственность стороны стараются переложить друг на друга. Встречаются и родители, которые уверены, что, обеспечивая ребенка материально, они со спокойной душой могут переложить трудный процесс воспитания на школу. Порой и учителям элементарно не хватает времени погружаться в воспитание, да и основная функция школы все-таки – это дать объемные и качественные знания. В итоге от этого противостояния страдает ребенок. Чтобы этого не было, нужно родителям и учителям работать в тандеме.

Да, сейчас многие говорят, что профессия учителя – это не модно. Когда я уходил из строительства в образование, многие просто недоумевали: «Как так? В школе и с финансами плохо и самореализоваться сложнее». Но у меня всегда было и есть твердое убеждение в том, что я должен заниматься тем, что мне нравится, работать там, где от меня максимальная польза. Тем более, сейчас мужчины-педагоги потянулись в школу. И среди моих друзей есть учителя мужского пола. Так что серьезных проблем в этом вопросе у меня нет. Как нет и хихиканья из-за моей профессии. Могу сказать точно: учительство становится престижной работой.

Если браться за дело, то надо доводить дело до конца. Это принцип любого успешного человека. И если в школе мне оказана честь быть классным руководителем, то надо в это дело погружаться полностью. У

учителя ведь многогранная роль: ты и старший товарищ, и друг, и врач, и психолог – учитель совмещает в себе все это и еще чуть больше. Тебе все время нужно быть на позитиве, чтобы твоя энергия передавалась детям, чтобы даже самые не заинтересованные захотели включиться в процесс. Словом, нужно все время быть на виду и быть заряженным на оперативное и положительное решение любого вопроса. Это, безусловно, трудно. Поэтому нужна сильная мотивация. У меня она на достаточно высоком уровне, потому что в школу я пришел осознанно, плюс искренние эмоции детей меня по-настоящему радуют и заряжают.

Жизнь идет, ее условия меняются, а, значит, меняются и дети. Сегодня встречаются дети с совсем другими ценностями, продиктованными временем. К сожалению, сейчас зачастую на первый план выходят два критерия хорошей жизни – обеспеченность и популярность. Для них, нынешних подростков, это очень важно. Но это ценности, навеянные временем. А есть ценности, которые вечны – независимо от того, в какую эпоху мы живем: любовь к детям, уважение к старшим, помощь ближнему, бескорыстие, сострадание...

Эти ценности никуда не делись, они есть и в современных детях. Но вот то, какие ценности станут основными для этих детей во взрослой жизни, зависит от родителей и учителей. Мы должны научить их расставлять приоритеты, научить пониманию, что вечно, а что преходяще. Дети взрослеют, меняется их мышление, характер мыслей становится иным. И, я твердо убежден, что центр тяжести у большинства детей смещен все-таки в сторону тех самых вечных ценностей.

У современных детей очень много талантов и способностей, много возможностей все это развивать. Возможно, в школе они просто не могут найти себе применение, и тратят таланты на стороне. Чтобы такого не было, мы поставили перед собой задачу – максимально выявлять таланты наших детей и создать условия для применения детских талантов в стенах родной школы, чтобы его энергия выплескивалась в школе и была направлена на созидание. А взрослым просто надо постараться направить энергию талантливого и активного ребенка в нужное русло.

Последние школьные стандарты нацелены на то, чтобы школа быстрее приблизилась к тому, чтобы называться «школой будущего». Мы живем в такое время, когда новые технологии очень быстро устаревают, когда информация меняется с каждым часом, да и сам мир несется на скоростях вперед. Перед школой сейчас ставится задача – ученик должен быть не просто носителем знаний, а быть компетентным человеком, который может быстро сориентироваться в

бурном потоке информации. Поэтому мы должны воспитывать людей, умеющих выделять рациональное зерно, работать с источниками информации. Сейчас в Татарстане современная материально-техническая база школ хорошая: интерактивные доски, ноутбуки, электронные дневники и все прочее. Это, конечно, делает школу более современной. Но я убежден: кадры по-прежнему решают все, и главное место в школе будущего я все-таки отвожу учителю.

Безусловно, техническое оборудование очень важно в современном процессе обучения. Но вот в Советском Союзе у школьного учителя из всего оборудования были доска и мел. А та система образования до сих пор считается лучшей в мире. Да и средний уровень образованности советского школьника был очень высоким. Знаете, а ведь ничего больше и не нужно. Так что, повторяюсь, я убежден: для школы и хорошего образования, в первую очередь, нужен хороший учитель. А потом уже технический инструментарий. Поэтому школа будущего, это, в первую очередь, школа профессионалов.

Десять лет назад я и не подозревал, что стану учителем. А сейчас я знаю: где бы и кем бы я ни был, я точно буду помогать другим открывать себя и находить свое место в жизни, реализовывать свои мечты.

Я нашел себя и свое место в жизни. А потому я, наверное, счастливый человек. ▀

► Елена Штанько

РОССИЙСКАЯ ШКОЛА:

Совсем немного осталось до начала учебного года, и родители школьников готовятся вновь взвалить на свои плечи тяжесть получения отпрысками среднего образования. А ноша эта с каждым годом все увесистее.

Прошлый учебный год во многом запомнился казанцам вспыхнувшей дискуссией о национальных языках, которая обнажила многолетние проблемы школьного обучения в республике. Это и слабость педагогических кадров, и отсутствие достойных методик преподавания, и невнятная позиция республиканского руководства по языковому вопросу. Но самое главное, что родители в очередной раз убедились: школьное образование их детей все меньше в зоне ответственности государства.

МАМА, ПАПА, Я – ШКОЛЬНАЯ СЕМЬЯ

Новоиспеченный родитель первоклашки уже в сентябре озадачен на весь будущий учебный год. Классный руководитель объяснил ему на первом родительском собрании, что учиться в школе не только его ребенок, но и он сам – родитель! Озвучивается необходимость домашнего разбора тем, которые проходят на уроках, совместного выполнения домашнего задания. Словом, весь год происходит процесс перекладки на плечи родителей.

На самом деле, это начинается еще в старших группах детского сада, когда родители шестилеток решают, в какую школу ребенок пойдет «на подготовишку». В «подготовишке» детям дают по большому счету то же самое, что и на занятиях в детском саду, но «в школьной атмосфере». Чтобы к первому классу у ребенка был необходимый набор знаний и умений, нужный для начала обучения в школе. Ведь в школах категорически приветствуется, если первоклашка умеет читать и писать. Настолько, что «продвинутых» детей собирают в отдельные классы. Но разве не задача школы научить семилетнего ребенка азам чтения и письма?

Самое интересное, что немалое количество родителей вполне справляется с задачей обучения чтению и письму самостоятельно. У кого-то этому помогает садик, у кого-то на помощь приходят разнообразные развивайки, а кто-то просто читает на прогулке вслух вывески.

НАИМЕНОВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ	ДОЛЖНОСТЬ	ФАМИЛИЯ, ИМЯ, ОТЧЕСТВО (ПОЛНОСТЬЮ)	СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ЗА 2017 ГОД ЗА СЧЕТ ВСЕХ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ	СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ЗА 2016 ГОД ЗА СЧЕТ ВСЕХ ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ
МАОУ "Лицей- Инженерный центр" Советского района г. Казани	Директор	Хайрутдинова Венера Кашфиевна	148.597,25	
МАОУ "Гимназия № 19"	Директор	Талманов Андрей Львович	138.515,40	126.632,40
МАОУ "СОШ № 146 СУИОП"	Директор	Каримова Диляра Салиховна	128.433,00	115.007,44
МБОУ "Средняя общеобразовательная школа № 179 СУИОП"	Директор	Наумова Эльвира Викторовна	109.474,79	83.094,74
МБОУ "Средняя общеобразовательная школа № 177 СУИОП"	Директор	Имамов Ильдар Фаизович	98.978,76	84.699,91

В какой-то момент можно обнаружить себя полностью погруженным в процесс обучения, причем даже не вместе, а вместо своего ребенка.

Затем родители обнаруживают, что все их свободное время должно быть отведено контролю обучения детей: как заполняет дневник, какие домашние задания должен сделать, сколько клеточек отступит от полей, какие карандаши и краски должен принести завтра на рисование, понял или не понял новую тему. В какой-то момент можно обнаружить себя полностью погруженным в процесс обучения, причем даже не вместе, а вместо своего ребенка.

И многие справедливо задумываются: а для чего вообще школа в ее нынешнем виде? Громоздкая, неповоротливая машина, энерго- и финансовозатратная?

ПЛАТИТЬ, ПЛАТИТЬ И ПЛАТИТЬ

Школа – не только образование, но и возможность общения среди равных, скажут нам в ответ. Но в нынешней школе равенства, увы, нет. Как зеркало, она отражает все то, что происходит в обществе, и в первую очередь, заметное расслоение граждан по уровню доходов. И очень часто родительские чаты в мобильных мессенджерах взрываются сотнями сообщений именно из-за сложности договориться по финансовым вопросам.

Семьи с доходом выше среднего могут и не подозревать, каких трудов стоит менее удачливым родителям собрать ребенка в школу. А родители

с доходом ниже среднего стараются не скрипеть зубами, когда на обсуждение выносятся очередной поход куда-нибудь/организация мастер-класса/покупка принтера для учителя и сумма взносов с каждого. Что уж говорить о подарках учительнице к 8 Марта и на день рождения, которые в иной семье могут пробить серьезную брешь в бюджете. (Кстати, в детских садах картина та же, разве что сумма взносов чуть меньше).

И, как правило, донести до других родителей,

Ведь вопрос оплаты обучения в формально бесплатных муниципальных школах – один из самых острых для родителей школьников.

что исходить надо из минимальных возможностей родителей, довольно сложно. «Теперь я в классе белая ворона, на меня все шипят», с горечью рассказала мне мама девочки, осмелившаяся оспорить необходимость взносов за охрану. Она оказалась единственной, кого возмутила обязательность «охранных» сборов, которые к тому же проходили в образовательном учреждении как благотворительные взносы.

В марте этого года одно из казанских электронных изданий опубликовало сведения по среднемесячным зарплатам директоров казанских школ. Обычных, муниципальных, общеобразовательных. Зарплатная вилка оказалась внушительной – от 23 до 148 тысяч рублей. В пятерке лидеров, к примеру, три находящиеся недалеко друг от друга школы Ново-Савиновского района – 177-я, 179-я, 165-я. Они считаются престижными, туда хотят попасть. Директора этих школ зарабатывают в месяц более 90 тысяч рублей. А в среднем казанские руководители школ получают около 60 тысяч рублей в месяц.

Любопытно, что школы, директора которых каждый месяц становятся богаче на сто тысяч рублей или около того, оказались в самом низу рейтинга ЕГЭ. А те, у которых

Что в школах учат так себе, знают и родители, многие из которых приходят к закономерному решению – перевести чадо на семейное обучение.

зарплата меньше 50 000 рублей, наоборот – сумели поднять свои школы на самый верх этого рейтинга. Это, к примеру, директор 12-й школы Ольга Трупп, или директор школы «СОЛНЦЕ» Павел Шмаков. Это ли не показатель отношения к работе? И наступят ли времена, когда директор школы, получающий в месяц 100 тысяч рублей, не будет требовать от родителей, получающих в месяц 20 тысяч, чтобы они поделились со школой своими деньгами?

Ведь вопрос оплаты обучения в формально бесплатных

муниципальных школах – один из самых острых для родителей школьников. Они, словно имеющие бездонный карман, черпают и черпают оттуда на нужды класса, на нужды школы, на нужды учителя.

УХОД В АВТОНОМНОЕ ПЛАВАНИЕ

«Перспектива», «Россия 21 век», методика Петерсон – знакомые названия? Почти каждый родитель с разбегу назовет две-три программы, по которым учатся его дети. Назовет, потому что программы эти все время меняются. Школам спускают

директивы сверху, а учителя доводят до сведения родителей, что в новом учебном году надо будет скидываться на учебники других авторов. Разные методики заставляют учителя, который уже наработал по предыдущему стандарту приличный объем уроков, влиять как маркитанская лодка, чтобы и федеральные указания соблюсти, и детей хоть чему-то научить.

Учить получается плохо – качество школьного образования катастрофически падает. Это подтвердила и новый министр образования РФ Ольга Васильева, запустив в прошлом году очередную школьную реформу: в ее планах сократить количество учебников, ввести новые предметы (теология, астрономия, трудовое воспитание), запустить школьное телевидение и много чего еще.

Что в школах учат так себе, знают и родители, многие из которых приходят к закономерному решению – перевести чадо на семейное обучение. А почему бы, собственно, и нет? Дидактические материалы? Их масса в книжных магазинах, а уж в Интернете просто тонны и тонны. Социализация? Дети отлично социализируются, играя во дворе со сверстниками и посещая кружки. Вопрос только в

свободном времени у родителей и желании вкладываться в обучение.

Как правило, роль домашних учителей берут на себя мамы. Точной статистики по республике нет, но в группе «Семейное обучение Казань» в одной из российских соцсетей более трех тысяч человек. По данным Министерства образования республики, в 2016 году в Казани на семейном образовании было 148 детей, в Набережных Челнах – 23. И число таких детей растет. Кто знает, к чему приведет этот процесс лет, скажем, через двадцать. Возможно, к этому времени привычных нам школ не будет вовсе.

Возможно, это и к лучшему. Ведь получается, что наша школа опять в процессе реформирования, а длится этот процесс с небольшими перерывами уже 30 с лишним лет. И как поле, которое все время перепахивают, школа не может вырастить ничего толкового. Не пора ли остановиться? Не пора ли внести на поле побольше удобрений (читай – прибавить зарплату учителям, не директорам) и сажать то, что однозначно хорошо растет. То есть давать базовые знания, но давать их хорошо. И этого, мне кажется, вполне достаточно. С остальным дети и родители разберутся сами. ■

► Гульгена
Гимадова

ТЕАТР БЛИЗКО.

Как и где в Казани сделать первые шаги к сцене

Рассказываем о лучших стратегиях и тактиках подготовки в театральные вузы: где начать и сразу же попасть в руки маститых наставников, чтобы сохранять мотивацию и не бросить на полпути.

В Казани можно качественно учиться актерскому ремеслу еще будучи школьником, но этих мест не так много. Сначала вы можете натолкнуться на многочисленные курсы от непонятных организаций с невиданными ранее ни на одной сцене наставниками. Возможно, это и принесет пользу, но на дилетантском уровне. Чтобы понять, где можно получить в городе базовые актерские навыки, я пообщалась с руководителями студий и творческих лабораторий.

ЗАГОНИТЕ СЕБЯ В «УГОЛ» И РАВНЯЙТЕСЬ НА ТОПОВЫХ РЕЖИССЕРОВ

Творческая лаборатория «Угол» и Фонд поддержки современного искусства «Живой город» довольно часто – примерно каждые три-четыре месяца – проводят кастинги, причем набирают как профессионалов, так и тех, кто никакого отношения к театру до кастинга не имел. Так сформировался спектакль «Индивидуумы и атомарные предложения» комиссара Всеволода Лисовского: из всех

подавших заявки на кастинг выбрали немногим более десяти человек, куда вошли девятиклассница Медина и десятиклассник Никита. Спектакль молодой, но уже имеет статус одного из самых интересных, по мнению многих казанских и главных столичных медиа и ведущих театральных критиков страны. Другая примечательная история, когда всемирно известный режиссер Массимо Фурлан приехал ставить эскиз спектакля в рамках ежегодной театральной лаборатории «Свияжск АРТель» и работал исключительно с подростками, которые до этого театром не занимались. Это колоссальный опыт в сфере современного театра.

ЕЗДИТЕ НА ФЕСТИВАЛИ СО СТУДИЕЙ

Детская татарская театральная студия «Нур» при Союзе театральных деятелей РТ, скорее всего, неизбежно приведет к порогу театрального вуза. А дебютировать можно уже с первого класса. Но в целом, возрастной диапазон участников колеблется от семи до пятнадцати лет.

Каждый сезон команда преподавателей и учеников готовит постановки, впоследствии презентует на сцене и на фестивалях. Например, не так давно состоялся показ спектакля «Чарли и шоколадная фабрика» на малой сцене театра Камала. В дальнейшем студия планирует репертуар с акцентом на татарскую классику. Это отличный шанс испытать себя на профессиональной сцене с серьезной постановкой. Что касается основных направлений, то их всего четыре: вокал, актерское мастерство, сценическая речь, танцы. Стоимость восьми-десяти занятий: две тысячи рублей, но если привести с собой сестренку или брата, то эта сумма делится поровну на каждого. Дикое желание поступать в театральный вуз просыпается именно здесь, признаются преподаватели. Кстати, «Нур» проведет очередной кастинг 16 сентября в младшие и старшие группы.

РАСКРЕПОСТИТЕСЬ, НАКОНЕЦ

Если мечта стать почти и даже лучше Бенедикта Камбербэтча (можно и в юбке) никуда не девается, а такого уверенного самообладания в жизни и на сцене нет – курсы актерского мастерства от Санкт-Петербургской школы телевидения придутся вам как нельзя кстати. Причем, в среднем всего за шесть занятий, которые можно подстраивать под свой график. Группы по обыкновению разделены по возрасту: младшие – с

восемью лет, старшие – с тринадцати. Программы самые разнообразные – имеются курсы исключительно по ораторскому мастерству и даже курсы ведущих-конференсье, включая, конечно, и полный курс актерского мастерства. Правда, стоит отметить, что трансформация личности – удовольствие не из дешевых: сейчас по акции полный пакет курсов по одной дисциплине стоит в среднем двенадцать тысяч рублей, но сама школа периодически проводит акции.

ИМЕЙТЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ, С ЧЕМ ПРИДЕТСЯ СТОЛКНУТЬСЯ

Узнать примерно, с чем придется столкнуться на протяжении учебного года, и испытать себя на прочность можно на подготовительных курсах по творческим направлениям Казанского института культуры (КазГИК). Цены колеблются от семи тысяч до тринадцати – почти на год, зато это целое направление, состоящее из множества дисциплин, по которым обучаются самые, что ни на есть, студенты. Например, курсы по актерскому искусству подразделяются для артистов драматического театра и кино, артистов эстрады, артистов музыкального театра, артистов театра кукол. Сами курсы стартуют с 1 ноября – в зависимости от формы учебы (очной, заочной). Чтобы записаться на курсы, нужно будет предъявить паспорт и две фотографии размером 3x4. Важная деталь – документы принимаются за две недели, так что советуем заранее посмотреть программу и выбрать подходящее

направление. Запись на курсы производится в Инновационно-образовательном центре трансфера знаний КазГИК.

ИДИТЕ ТУДА, ГДЕ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕЧТЫ ВОЗРАСТ НЕ ВАЖЕН

Творческая лаборатория «Вентилятор» – фабрика по осуществлению театральной мечты и, причем, не только для «зеленых». Один из учеников старшей группы набрал сто баллов на вступительных экзаменах в один из питерских вузов. Качество тут напрямую связано с количеством титулованных преподавателей, среди которых Диана Нурмухамметова – художественный руководитель, окончившая ВГИК, Роман Владимирович Ерыгин, актер Казанского ТЮЗа и известный ведущий в одном лице, и другие. Обучение длится год с сентября по июнь и дробится на несколько дисциплин, каждый из которых проходит несколько недель и завершается зачетом, после чего начинается новая неделя с новой дисциплины. Тем не менее, прослушивания проводятся круглогодично, и можно стартовать в группе, которая только сдала зачет и идет дальше. Спектр курсов широк: от ораторского мастерства, пластики, разговора телом, вокала, гитары до барабанов, что может стать дополнительным преимуществом на прослушивании. Стоимость – три тысячи рублей в месяц.

ВОВЛЕКАЙТЕСЬ В МОЛОДЕЖНЫЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ТУСОВКИ

Кроме того, что вы пропитаетесь атмосферой одного из самых ярких театров Казани – Молодежного театра на Булаке, который запустил учебный проект, вишенкой на торте является сам факт, что вы поучаствуете

как минимум в одном итоговом спектакле. В театр-студию «ТпВ», расположенную в самом здании театра, можно прийти уже с шести лет, возрастной порог – до шестнадцати. Этот опыт дает полную возможность вжиться в образ вполне состоявшегося актера и понять, зачем вам это необходимо, здесь вы узнаете тонкости актерского мастерства, сценической речи, пластики, вокала и современного танца. Обучают актерскому искусству опытные актеры Театра на Булаке, среди которых фигурируют и преподаватели театрального училища, например Корнишина Татьяна (заслуженный работник культуры РФ). Занятия проходят по десять часов в неделю и длятся в таком темпе месяц, после которого начинается постановочно-репетиционная работа над итоговым спектаклем продолжительностью в два месяца.

ЕСЛИ АКТЕРСКАЯ ЛИХОРАДКА НАСТИГЛА НЕ В СЕМЬ, А В ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Можно вполне себе докопаться до сути ремесла в компании актеров «Театра.Акт» Родиона Сабирова и Ангелины Миграновой, готовых помочь людям с шестнадцати лет использовать техники актерского мастерства, чтобы определить новое отношение к жизни и использовать эти техники для достижения своих

целей и более комфортного и уверенного душевного состояния. Другая их задача – создать новый творческий коллектив, а это, если сильно постараться, впечатляющий бэкграунд для старшеклассника. Другое из важного: курс идет с января по апрель, одно занятие длится чуть ли не три часа дважды в неделю – вас ждет тотальная проработка стоимостью три тысячи пятьсот рублей в месяц. Проект свежий и только начинает свой путь.

УЧИТЕСЬ БЕСПЛАТНО В «ДИСНЕЕВСКОЙ БАШНЕ»

Детский центр «Экият» – кладезь всевозможных творческих курсов. В нем базируется и Детская художественная школа №1, где студенты Казанского художественного училища имени Фешина проходят практику. А в Детской школе искусств им. Балакирева, расположенной на первом этаже, имеется отдельное театральное отделение. Здесь на бесплатной и платной основе занимается около девятистот учащихся от трех до восемнадцати лет. Помимо чисто театрального отделения, весьма полезным могут стать посещения курсов в отделениях: музыкального исполнительства, декоративно-прикладного творчества и изобразительного искусства, хореографии, фольклора, истории культуры и краеведения.

Еще одно отделение со специфическим названием – комплексного эстетического воспитания, включающее в себя занятия по хоровому пению, танцу, основам изобразительного искусства. Однако, стоит заметить, что учиться бесплатно хотят все, а мест для всех точно не хватит. Чтобы попасть сюда, нужно будет сильно и долго трудиться. Как пришлось и нам, чтобы выяснить ситуацию вокруг студии творческого развития Хабенского, которая на момент написания статьи выехала на форум и ее руководство отказалось давать какие-либо комментарии, сославшись на занятость и на то, что «подкомиссия еще не приняла решение». Какое решение – остается загадкой. Мы выяснили самостоятельно, что занятия проводятся в трех возрастных группах: младшая (1 – 4 классы), средняя (5 – 7 классы), старшая (8 – 11 классы). Преподавателями

являются: Вадим Кешнер, Сергей Мосейко, Татьяна Сорокина, Наиль Ибрагимов, Наиль Фаткуллина, Рустам Фаткуллин, Александр Карпеев, Елена Семина. Все бесплатно.

БУДЬТЕ НАЧЕКУ

Новые амбициозные театральные студии открываются и, увы, могут тут же закрыться. Взять только, к примеру, судьбу постоянно кочующего

молодежного театра «Ерундопель», который порвал все отношения с Казанью и переехал в Санкт-Петербург. Театр долго не мог найти постоянного пристанища и в открытую заявил у себя на странице, что обижен на «людей, которые брали (и сейчас берут) на себя роль “помощника в развитии культуры среди молодежи”».

Так что планировать векторы театрального развития наперед – занятие не из самых практичных. Лучше выйти из зоны комфорта уже сейчас. Если не знаете, с чего начать, можно, например, с любительских форумов. Ищите союзников, завязывайте знакомства, общайтесь, находите экспертов. Но постоянно советоваться с одними и теми же экспертами – слишком простой способ саморазвития. Вы будете стараться соответствовать критериям узкого круга людей. Ничто не мешает вам следить за публичной деятельностью других топовых экспертов и сравнивать их мнения, отслеживать их блоги, выступления, бесплатные мастер-классы, даже если у вас ограниченные финансы на хороших преподавателей. Составьте карту лучших специалистов по миру театра, чтобы знать, кому задавать важные вопросы при случае. Помните, что лучший фидбек дают те, кто успешно занимается делом и умеет хорошо объяснять. И пусть удача всегда будет с Вами. ▀

► Фарид Каримов

ЗУЛЯ КАМАЛОВА: «ИЗ ВУЗОВСКИХ ПРЕДМЕТОВ МНЕ ПРИГОДИЛСЯ ДИАМАТ»

Известная певица, музыкант Зуля Камалова, проживающая в Австралии, в ближайшее время планирует записать свой второй альбом на татарском языке на стихи казанского поэта Йолдыз Миннулиной.

По словам Зули, в последние годы она особенно чувствует связь с родным народом и сейчас, в трудный для татарского языка период (он отменен в качестве обязательного языка для изучения), она считает необходимым продолжать работу в намеченном ею ключе. Естественно, и разговор наш начался с обсуждения готовящегося к выходу альбома «Алты көн ярату».

– Расскажите, пожалуйста, подробнее о новом альбоме и о сборах средств на его создание.

– В прошлом году я поработала с Михилем Холландерзом (будущий саундпродюсер проекта), моим давним знакомым. Я познакомилась с ним во время гастролей в Голландии. Мы долго не пересекались. А потом вдруг он откликнулся на мой клич сделать ремикс на песню, которую я написала по просьбе фотографа Ляйли Гимадеевой для ее художественного проекта. Нам понравилось вместе работать, и я предложила ему сделать целый альбом, но на это естественно нужны были деньги.

Ведь и музыканты должны кормить семьи каждый день! А так как я никогда раньше не предпринимала сбора средств методом краудфандинга, то я решила попробовать обратиться к своим поклонникам. В особенности еще и потому, что альбом на татарском языке. А хорошей музыки на татарском языке мало не бывает. Я подозревала, что легко не будет, и это действительно так. Я не очень публичный человек, а приходится постоянно бывать в сетях и твердить людям об одном и том же. Тем не менее,

есть и позитивные стороны – откликнулись бывшие поклонники, и мне было приятно вновь ощутить эту связь с татарским сообществом.

– Чем именно вас заинтересовали стихи Йолдыз Миннулиной? Как вы с ней познакомились?

– Я услышала ее стихи впервые в ее проекте «YRMK». Мне очень понравилось как непосредственно и свежо звучали ее стихи. Она прекрасно их читает. Я ей просто написала и пригласила посотрудничать. Она прислала мне стихи, и

**...Я УВЕРЕНА,
ЧТО ТАТАРСКАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ НЕ
ПРОПАДЕТ. ОНА
БУДЕТ ИЗМЕНЯТЬСЯ,
И МЫ МОЖЕМ САМИ
РАЗВИВАТЬ ЕЕ.**

я выбрала этот цикл «Алты көн ярату», потому что мне показалось, что из этого можно будет сделать цельное произведение. Но я хочу также, чтобы она написала текст и специально для песни.

– Кто в музыкальном сообществе поддержал идею создания альбома на татарском языке?

– Певцы и музыканты Ирина Богушевская, Сергей Старостин, Ольга Арефьева, Олег Нестеров, Юлия Зиганшина, Дмитрий Бикчентаев, Псой Короленко, Айдар Гайнуллин, Радик Тюлюш. Композиторы Радик Салимов и Эльмир Низамов, хореограф Нурбэк Батулла. Критик Артемий Троицкий, общественные деятели Радик Амиров, Табриз Яруллин, Гузель Сагитова, Нияз Игламов. Продюсер Александр Чепарухин.

– Очень понравился ваш альбом «Космостан». Планируются ли еще подобные опыты? Довольны ли вы судьбой пластинки в целом?

– Спасибо! Мне тоже очень нравится этот проект. Космостан – это пентатонический электропоп про татарскую принцессу Татаэли, которая живет на Марсе. Здесь использованы как элементы татарской музыки, так и электронной ретро-, поп-музыки. Мне жаль, что альбом остался неслышанным. То ли люди не созрели, то ли не было правильной раскрутки. Мне кажется, и то и другое. Мне, конечно, хотелось, чтобы эту пластинку услышало больше людей. Я надеялась, что она выйдет и в Европе. Но пока, похоже, мир не готов. Все знают, что музыки стало еще больше, и в этом море бесплатной музыки можно утонуть, и пока не понятно как с этим всем быть. Но есть и еще одна сложность – мой

коллега Герман Попов (ОМФО), с которым мы ее записали, живет в Амстердаме, а я в Мельбурне. Трудно гастролировать.

– Собираетесь ли вы в этом году гастролировать в России?

– Да, собираемся приехать в Татарстан буквально в конце августа. Мы примем участие в первом фестивале альтернативной татарской музыки «Таткультфест», который пройдет 30 августа. А также в этническом фестивале «Крутушка». Сыграем концерты в Уфе и Москве. Мы очень рады, что снова приедем всей группой, ведь в последний раз мы полноценно гастролировали пять лет назад.

– Как сберечь свои национальные традиции, культуру в условиях глобализации?

– Кажется очевидным, что имеет смысл начинать с языка. Трудно представить себе культуру без языка. А чтобы сохранить язык, нужно, чтобы он был актуальным. Чтобы на нем говорила и творила молодежь, чтобы ей было интересно это делать. Чтобы люди гордились своей культурой и традициями. А чтобы было чем гордиться, нужно растить и развивать их. Находить им место в мировом контексте. Не последнее место, конечно, у государства в проведении соответствующей политики. Но я понимаю, что там свои сложности. Я не претендую на какую-либо антропологическую или социологическую экспертизу, и, возможно, говорю известные всем вещи, но я уверена, что татарская национальная идентичность не пропадет. Она будет изменяться, и мы можем сами развивать ее.

– Как вы относитесь к новому статусу татарского языка в школах?

– Мне трудно ответить на этот вопрос. Сама я татарский в школе не изучала, потому что родилась в Удмуртии. И знаю его только благодаря бабушке и родителям. Мне бы хотелось знать татарский лучше, но в молодости я вряд ли это осознавала. Понятно, что времена были другие. Я хочу быть с вами предельно честной. Есть много разных ситуаций с языком, они все неоднозначны. Это сложный вопрос, который должны серьезно обсуждать эксперты из разных областей. И лингвисты, и социологи, и политики. Возможно, решение исключить татарский из обязательной программы было поспешным, в то же время я уверена, что оно не было легким. Я повторяюсь, это не однозначная проблема и я не владею всей информацией.

– Есть ли у вас какие-то яркие воспоминания, связанные со школой?

– Что касается школы, я почему-то помню всякие мероприятия. Сбор металлолома, конкурс инсценированной песни или бальных танцев, елку, где я была в костюме цыганки и пела «Ежедневно меняется мода», ну и дискотеку в 8 классе, где я ставила пластинки, то есть была диджеем!

– Что из вузовской программы пригодились в жизни?

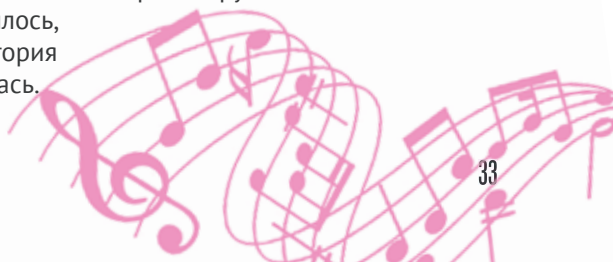
– В вузе я обучалась английскому и французскому, а также педагогике и философии диалектического материализма! Все пригодились, включая диамат, хотя нет, история КПСС, наверное, не пригодилась.

– Что думаете о ЕГЭ?

– Про ЕГЭ я не достаточно знаю, в мое время его не было, мне трудно судить хорошо это или плохо.

– Какие песни, альбомы вас зацепили в этом году?

– В этом году пока ничего особенного не попало. Последние пару лет люблю слушать альбом английской группы Goldfrapp Tales of Us. Стала больше слушать классическую музыку. Хотя до сих пор с удовольствием слушаю духовой панк группы de Kift из Голландии и старых бельгийских любимцев Think of One. Также мне очень нравится татарская группа Juna. ▀

Редакторы «ТАТАР-ИНФОРМ»: российское образование сложно назвать актуальным

Мы попросили руководителей авторитетного информационного агентства Татарстана высказаться на тему современного российского образования.

АЛСУ ИСМАГИЛОВА,
*шеф-редактор татарской
редакции
ИА «Татар-информ»*

Современное российское образование сложно назвать актуальным. В мире, в котором ценятся такие профессиональные качества, как креативность, находчивость, нестандартное мышление, а успешный процесс получения новых знаний носит динамический характер, современная российская школа продолжает выпускать ребят трех сортов – отличников, ударников и троечников, и двух видов – гуманитарии и математики. О развитии индивидуальных способностей речь вообще не идет. О профориентации ребят школа тоже не заботится. Ребенок выходит с результатами ЕГЭ и подает документы на инженера, и на всякий случай еще в медицинский, и на крайний случай – в нефтяной. Куда возьмут, туда и пойдут. Это не свидетельство разнопланового развития, а признак отсутствия профессиональной ориентированности. Мне близок

журфак, поэтому приведу его в пример. Сейчас там практически не учатся те, кто мечтает быть журналистом, а учатся те, кто прошел туда по ЕГЭ. И неважно, писал ли он в детстве статьи, есть у него публикации или нет. Еще скажу про десятый-одиннадцатый. Это уже не школа, а курсы подготовки к ЕГЭ, и у каждого родителя, наверное, встает вопрос – а стоит ли оставаться в старшей школе? Про качество образования, обобщая, можно сказать, что качество в российских школах делают репетиторы. У каждого ученика практически по 2 - 3 репетитора. Это признак несостоятельности системы образования. Ребенок, который отучился в школе без репетиторов (я сейчас не говорю о самородках и гениях), представляет собой недоученного отпрыска, который мало что знает. Я не понимаю, почему так происходит. Дети практически не имеют глубоких знаний. Всеобщая неграмотность, незнание элементарной географии, физики, хотя бы минимума литературы, незнание английского. Ощущение, что в школе даже не учились. Сегодня мы живем в мире, когда в работе ценятся не профессиональные качества. Но это уже другая тема....

АЯЗ ИСМАГИЛОВ,
*заместитель генерального
директора
ИА «Татар-информ»*

Волнует, разумеется, вопрос ущемления национальных языков и проблема преподавания языков в принципе. Русского в том числе. Не хочу никого обидеть. Знаю много

хороших учителей русского, но почему-то из школ выходят люди, которые абсолютно не умеют нормально изъясняться на русском языке. Я имею в виду тех, для кого русский – родной, а не выходцев из татарских деревень. Чаще всего это, казалось бы, люди, чего-то добившиеся в жизни и занимающие высокие посты. Малый процент выпускников школ владеет иностранным – тоже проблема. Считаю, надо сделать школьную программу более гибкой, больше

ориентированной на интересы и способности детей. Сегодня школа дает очень много бесполезного балласта. Кому-то химия не нужна, а он ее вынужденно учит. А если часы, отпущенные

на нее, использовать более конструктивно, пользы для ребенка в будущем было бы гораздо больше. Вот это самое главное, что волнует лично меня.

РАМИС ЛАТЫПОВ,
заместитель генерального
директора – главный
редактор татарской
редакции
ИА «Татар-информ»

Принято жаловаться: о да! Вот раньше было образование ого-го! Школы хорошие, учителя добрые, образование передовое. А сейчас что? Учителя бесправные, дети избалованные, а ЕГЭ – один большой ужас.

Это знакомое явление. Что самое дорогое на свете? Это молодость. Мимолетное, самое приятное явление в жизни. Мы всегда скучаем по ней. А все плохое забывается. Вот, например, наши предки, через что только они не прошли: и война, и голод, и разруха. А все равно скучают по тем временам. Почему? Да потому что молодые они были тогда.

Вот мы критикуем «ужаснейшее» российское образование. Но пройдет сорок с лишним лет, и пенсионеры шестидесятилетние, или, там, шестидесятивосьмилетние – смотря какой закон примут – будут скучать о милейшем российском образовании. Как мы сейчас с трепетом вспоминаем о летних лагерях

с кострами и приемом в пионеры, они будут вспоминать, как мило решали домашнее задание, списывая с Интернета, и как душевно раздевались при проходе через турникет для сдачи ЕГЭ.

Про сегодняшнее образование я не могу сказать ничего плохого. Есть прекрасные школы, есть прекрасные учителя. Да, в 90-е годы много случайных людей попало в систему образования и сейчас обучает детей. Да помилуйте, а не было ли их в советское время? Учителями становились вчерашние ученики после семилетки. Хорошими ли были они специалистами? Попробуйте объяснить это пенсионерке – его ученице – обратное. Да молодая она была тогда и была влюблена в него!

Да и многие молодые родители, которые пишут о советском образовании как о чем-то святом, взвыли бы от правил тех времен. Ведь, например, учителю ничего не стоило дать по голове нерадивого ученика, и никто на это не жаловался: так было принято. Сейчас об этом не вспоминают, как будто так было всегда: чуть что – родители жалуются в прокуратуру.

Ничего не бывает совершенно черным, так же как ничего не бывает совершенно белым. **А самое ценное в жизни – молодость. Мы будем всегда любить тебя, о молодость.**

СВЕТЛАНА БЕЛОВА,
заместитель главного
редактора русской редакции
ИА «Татар-информ»

На мой взгляд, современная система образования в России уступает системе, которая действовала в Советском Союзе. Взять хотя бы учебники – по каждому предмету на сегодня написано и напечатано немереное количество учебников. Это приводит к противоречиям и разногласиям. Авторы по-разному трактуют, к примеру, исторические факты, или не уделяют должного внимания тем или

иным темам. Если раньше советская система образования считалась едва ли не одной из самых лучших в мире, то сейчас немалое количество выпускников имеют пробелы в базовых знаниях. Что касается ЕГЭ, на мой взгляд, спорный вопрос насколько он отражает реальные знания человека. Пример этого года: в одной из школ Татарстана учитель русского языка, обращаясь к двоим из выпускников – мальчику и девочке – сказала: «Прошу вас, пожалуйста, напрягитесь и, хотя бы, перейдите порог “двойки”». В результате оба написали тест хорошо так за 90 баллов, что называется, «методом тыка», проставив галочки. Что сказать? Остается задумываться. ■

Будет ли печатная пресса в XXII ВЕКЕ?

В следующем году одному из самых старейших изданий России, журналу со звучным названием «Журналист», исполнится 105 лет. Когда-то располагавшаяся в самом центре Москвы на Арбате, 25 редакция сегодня находится в уютном дворе на ул. Черняховского, в районе метро «Аэропорт».

Мы встретились с главным редактором издания «Журналист» Любовью Владимировной Петровой. В главное издание журналистов она пришла, имея за спиной высшее филологическое образование и опыт рекламной и редакторской работы. Более десяти лет вела один из самых популярных разделов журнала «Идеи газетного бизнеса», была заместителем главного редактора. А в октябре 2015 года возглавила медиагруппу «Журналист» и журнал «Журналист» в качестве генерального директора и главного редактора.

– «Журналист», который я выпускаю с момента вступления в Союз журналистов России, за последний год очень сильно изменился и стал более полезным в редакторской работе. На его страницах отслеживаются все современные тренды в масс-медийном пространстве. Одним из нынешних достоинств является новое иллюстративное оформление. Что ждет читателей в ближайших номерах?

– Летний период особенный, кто-то в это время сокращает количество выходов, а мы решили выпустить два спецномера: июльский о дизайне печатных изданий, августовский - о digital. Были опасения – как воспримет читатель номер, посвященный одной теме, но вышедший журнал о дизайне нарасхват,

фото Юлии Замятиной

кто не успел подписаться, срочно оформляют редакционную подписку на сайте. Кстати, она дешевле, чем по каталогу. Июльский номер стал своего рода методическим пособием и может стать хорошим помощником в работе не только дизайнера, но и редактора. Авторы Дмитрий Сурнин и Сергей Мешавкин, ведущий рубрики «Школа дизайна», эксперт-консультант проекта «Золотой фонд прессы». Его почта есть в журнале, поэтому если редакция хочет получить профессиональный совет, то может напрямую к нему обратиться.

Сегодня грань между новыми медиа и традиционными стерлась. Новые стали «неновыми». И это очень важно понять и принять. В августовском номере эксперты-практики расскажут о том, как эффективно использовать современные технологии, какими инструментами пользоваться для успешного перехода на новые платформы, каким должен быть текст на сайте, пост в соцсетях и других мессенджерах, как монетизировать контент, сделать привлекательным сайт, увеличить аудиторию. Успех пришел к тем, кто уже работает по-новому.

Сентябрьский номер уже выйдет в обычном формате. Главной темой станет национальная пресса, жизнь которой намного сложнее обычных печатных изданий. Приглашаю и вас к разговору. Поделитесь своим опытом, идеями.

– Вспоминаются те времена, когда издания Республики Татарстан активно принимали участие в выставке «Пресса». В 2005 году оргкомитет выставки выступил с инициативой создания Всероссийского конкурса на соискание Знака

отличия проекта «Золотой фонд прессы». Какие преимущества получают редакции, участвующие в этом масштабном мероприятии?

– Восьмой год журнал «Журналист» занимается проектом «Золотой фонд прессы». И могу с уверенностью сказать, что он способствует сохранению качественной журналистики. Экспертиза контента, дизайна, сайтов изданий дает возможность взглянуть на свое детище глазами сторонних профессионалов, получить от них оценку деятельности, что, на мой взгляд, очень важно.

Экспертизу проводят преподаватели факультетов журналистики ведущих вузов: МГУ, МГИМО, Института полиграфии и печати им. Федорова (издания на национальном языке отправляем на факультеты с национальным языком), лучшие медиаэксперты по дизайну и digital. По итогам редакции получают протоколы, в которых указаны не только ошибки, но и конкретные рекомендации. При заинтересованности редакции могут быть организованы и индивидуальные

консультации. Итоги подводятся в конце года, после чего списки вывешиваем на сайте, а с января издания, получившие Знак отличия, могут его ставить в своем издании. Вручение же самого Знака проходит на Деловом форуме. Цель, которую мы преследуем, не только организация площадки для дискуссий, что крайне важно, но и получение новых знаний, дополнительного опыта и консультаций. В этом году начали прием заявок с 1-го июля, по просьбе Экспертного совета, чтобы не создать им авральной работы.

Раньше мы активно сотрудничали с Республиканским агентством по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа», однако в последние годы, к сожалению, участников от Республики Татарстан единицы. То же самое можно сказать и о подписке на «Журналист». А было время, когда выходили спецвыпуски, посвященные СМИ Татарстана, с Президентом республики на обложке, анализом состояния национальной прессы в республике, которые вызывали большой интерес у профессионального сообщества.

– Сегодня сайт является естественным дополнением к печатному изданию. Какие новые проекты, наряду с образовательными вебинарами, вы планируете запустить?

– Точнее было бы сказать, что печатное издание является дополнением к сайту. Нам нужна новая, в том числе и молодая аудитория, которая в основном «живет» в Интернете, бумагу практически не читает. Сегодня все больше людей читает на гаджетах. Меняется мир, меняемся и мы. В начале года объявили: digital first, а это значит, что сайт

стал первичным и материалы первоначально выкладываем на сайте, а затем отбираем в печатную версию, правда, есть какая-то часть текстов, которая все-таки готовится для бумаги. На сайте развиваем и региональную тематику. Речь идет не только о технологиях. Интересно о чем пишут региональные СМИ. Так появилась тема: лучшая региональная статья, которую включаем в еженедельный дайджест «Журналиста». Освещение локальной темы становится известным всему российскому медиасообществу. Предлагаю и вам принять участие в этом проекте и присылать новости, наиболее интересные статьи. Журналисты национальных изданий могут прислать перевод с указанием ссылки на первоисточник. Таким образом можно анонсировать интересный материал на актуальную тему.

Работаем с аудиторией в Фейсбуке и ВКонтакте, создали свой Телеграмм-канал Клуб Журналиста (<https://t.me/sovetOt>), где даем полезные советы и рекомендации.

Вот уже больше года развиваем на сайте Клуб «Журналиста». Его членами автоматически становятся и подписчики журнала. Члены Клуба могут вести собственную колонку или блог, общаться и вступать в дискуссии с экспертами, делиться опытом и идеями, первыми получать доступ к успешным кейсам и эксклюзивным материалам, пользоваться системой привилегий от Медиагруппы «Журналист» и партнеров. В Клубе уже началось «разделение по интересам» – сформировалась группа преподавателей, работающих на журфаках, преподающих журналистику в медиашколах. Они делятся своими наработками, мнениями, опытом. Членам Клуба предоставляется возможность бесплатно участвовать в вебинарах.

Членство в Клубе – это своего рода бонус подписчикам бумажной версии.

Более подробно о Клубе можно прочитать на сайте: <https://jrnlst.ru/>, там же представлена подробная информация о проектах и образовательной программе (даты и темы вебинаров, семинаров).

Для начинающих есть Клуб молодого журналиста (КМЖ). На сайте мы публикуем все, что присылают ребята, а вот в печатный журнал берем лучшее.

За счет сайта аудитория омолаживается. Статистика показывает: 40 процентов посетителей сайта – пользователи в возрасте от 18 до 34 лет.

– На фоне резко падающей подписки и закрытия печатных изданий все редакторы задаются одним вопросом: выживем или закроемся? Каким вы видите будущее печатной периодики?

– Если говорить о будущем издания, то я думаю, печатка будет более нишевая, более сегментированная, корпоративная: для полиграфистов, медиков, педагогов и т.д. Им проще выжить, поскольку это продукты со своей понятной целевой аудиторией.

Сегодня самым ценным является время, которого не хватает. Прежде чем ты найдешь нужную информацию в Интернете, сколько минут или часов потратишь, при этом еще нужно и знать, что ищешь. А в издании специалисты уже проделали за тебя эту работу: подобрали новое, дали обзор тенденций, проанализировали то или иное событие. А вот, если полученной информации не достаточно, тогда эту тему можно развивать по запросу в поисковике. Если несколько лет назад популярностью пользовалась «желтая пресса», то сейчас от нее все устали – востребованной становится качественная

журналистика: аналитика, мнение экспертов. Хочется читать текст с проверенными фактами, информацию, которой можно доверять. Несомненно, изменения коснутся ряда газет и журналов, возможно, не будет общественно-политических изданий, их заменят информационные агентства.

Печатные СМИ будут пока живы наши родители и поколение, которое начинает свое утро с чтения бумажной прессы. Вот только, к сожалению, не всегда эта возможность есть. К утреннему кофе издание не попадает даже в городах, не говоря уже о сельской местности. Система распространения, по-прежнему, остается на очень низком уровне, несмотря на то, что где только эту проблему не обсуждают. Причем вопрос не только в почтовой доставке, которая, несмотря на все увеличивающиеся тарифы, лучше не становится, но и в уничтожении киосков печати, мест, где можно купить печатное издание. В Москве с киосками все наладилось. Иногда даже около метро можно увидеть не один киоск. Но в большинстве регионов картина очень печальная – киоски уничтожаются, а это значит, что многие лишаются доступа к информации, отвыкают покупать газеты, журналы. Но все-таки есть области, к примеру, Липецкая, где власти понимают социальную значимость периодики. При поддержке местной администрации установлена льготная аренда земли под объекты, торгующие прессой, существуют длительные договоры аренды, всевозможные налоговые преференции. Устанавливаются павильоны с широким ассортиментом товаров и услуг. В павильоне можно не только приобрести печатное издание, но и воспользоваться Wi-Fi, ксероксом, здесь же тебя могут угостить и чашечкой кофе.

– В Татарстане несколько лет назад была предпринята попытка создания аналогичной системы кioskов, однако она провалилась...

– Видимо не нашла заинтересованных лиц. Очевидно, для продвижения данного проекта должна быть государственная поддержка.

– Одна из сложностей, с которыми сталкиваются молодые редакторы, это привлечение новых кадров. По своему опыту преподавания в КПФУ, могу отметить, что из 20 выпускников с профильной кафедры напрямую с журналистикой готовы связать 2-3 человека и то предпочтительно с телевидением. Особо острая беда ощущается с национальными кадрами для периодической печати. Сталкиваетесь ли вы с этой проблемой?

– У нас в издании небольшой, но устоявшийся коллектив. Есть свои постоянные авторы из числа авторитетных медиаэкспертов и журналистов. Активно сотрудничаем с факультетом журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Декан

факультета, доктор философских наук Елена Вартанова является председателем комиссии «Золотого фонда прессы».

Сегодня нас в прямом смысле атаковали студенты журфаков, причем, не только московских вузов – просят на практику. Мы стараемся всем найти задания. При наличии Интернета, это сделать не сложно. Поработав в журнале, некоторые продолжают сотрудничать, и, что отрадно, начинают читать журнал.

– Как считают мои коллеги, одной из причин стагнации печатной периодики, к которому приводит неинтересный контент, наличие самоцензуры редактора и, как следствие – журналистов, является тот факт, что многие редакторы занимают кресло нескончаемо долго. Мне запомнилась объяснительная записка Дмитрия Муратова читателям «Новой газеты» об уходе с поста главного редактора (он остался работать в газете председателем совета директоров и

редакционного совета): «Если мы за сменяемость власти снаружи, почему бы не руководствоваться теми же принципами внутри?»

– Проблема, на мой взгляд, даже не столько в том, что главный редактор занимает долго этот пост, а в том, что многие «успокаиваются», теряют интерес к профессии, работе, не понимают, что время изменилось, и хочешь ты этого или не хочешь, но тебе тоже нужно меняться, иначе у издания нет будущего. И сейчас для этого есть все возможности и не всегда обязательно куда-то выезжать, многому можно научиться онлайн. Например, мы два раза в месяц проводим вебинары, для членов Клуба они бесплатные (это еще один бонус нашим подписчикам) по самым актуальным темам: как монетизировать контент, развивать сайт, продавать рекламу, создавать интересные спецпроекты. Темы образовательной программы есть на сайте.

– В этом году Союз журналистов России отмечает свое столетие. Одним из мероприятий станет Медиафорум в Сочи. Кроме того, ожидается «Информум Союза журналистов России» и XXII фестиваль «Вся Россия». Стоит ли надеяться на что-то новое?

– В этом году его будет проводить обновленный Союз журналистов России во главе с новым председателем Владимиром Соловьевым. Заявлен новый формат. Думаю, обязательно нужно поехать, это великолепная площадка для общения с коллегами. Без общения нет обновления. ■

Сюмбель Таишева

Поэт, пародист, издатель, родился в г. Невель Псковской области. С 1973 по 1990 г. работал в Витебске инженером и преподавателем труда в средней школе № 15, а затем в Иерусалимской школе. Общий педагогический стаж 37 лет. Автор одиннадцати поэтических сборников и книги прозы, председатель Международного союза писателей Иерусалима, член Союза писателей Москвы, издатель и главный редактор журнала «Литературный Иерусалим», член редколлегии журналов «Дети Ра», «День и Ночь», альманаха «День поэзии». Лауреат Третьего поэтического фестиваля памяти Поэта (Израиль), а также премии журнала «Флорида» и премии Литературной газеты «Золотой телёнок». Награждён медалями С.Я. Маршака и М.Ю. Лермонтова за вклад в российскую литературу.

Евгений Минин

ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ, ИЛИ МОИ ДЕТИ

Отрывок из будущей книги

СЕРЁЖА, ИЛИ БЕЙ СВОИХ

История эта произошла давно, когда я работал в средней школе в Витебске. Пришёл я к первому уроку и почувствовал, что в воздухе царит какое-то напряжение, словно произошло что-то из ряда вон выходящее. Дежурная учительница, отвечая на мой вопросительный взгляд, сказала с возмущением: «Сходите, посмотрите, что сделали наши "отличники" с кабинетом географии!» Выйдя из вестибюля и обойдя школу, сразу же за углом наткнулся на грудку осколков. Кабинет географии выглядел так, словно неподалёку преодолел звуковой барьер современный истребитель. Но, надо отметить, это был другой истребитель, истребитель стёкол, меткий и беспощадный, не пожалевший ни одного квадратика рамы. Мститель поработал на совесть и, помножив месть на меткость, выразил всё, что накипело в его душе за продолжительный период обучения в школе. Подошла директор школы, горько вздохнула и попросила меня подняться в пострадавший класс — помочь завхозу, который всюду занимался вытаскиванием осколков из рам.

— Кто же это? — риторически спросил я, уже предугадывая ответ.

— Неуловимые мстители, — вздохнула директориса. — Учим мы их, учим, а они...

Я поднялся на второй этаж в кабинет географии, привёл в порядок класс под укоризненным взглядом Миклухо-Маклая, следившего с портрета за уборкой и остеклением класса. Полагаю, что даже для него, знакомого с нравами папуасов Новой Гвинеи, зрелище было жутковато.

Окончив работу, мы с завхозом кивнули друг другу и разбежались по своим делам. Но жгучее любопытство — узнать имя мстителя — не давало мне покоя. На следующий день у меня были уроки в седьмых классах. Должен же был кто-то проболтаться или, в крайнем случае, намекнуть. Но, увы... Все, кого спрашивал, увиливали от моего вопроса или вообще молчали. Последний урок был в седьмом «А», классным руководителем которого была та самая учительница географии. Думал, может здесь кто-нибудь расскажет из чувства обиды за классную.

Ни-че-го!

Уже после звонка возле меня задержался умница и отличник Петя:

– Напрасно вы ищете, Евгений Аронович! Никто ничего не скажет. Тут можно только дедуктивным методом Шерлока Холмса.

– То есть как, дедуктивным методом? – ошарашенно спросил я, хотя сам с детских пор был поклонником героя Конан Дойла.

– Да всё просто, – лукаво произнёс Петя. – Вчера была контрольная по географии. Возьмите журналы и посмотрите – у кого самая низкая оценка, тот и...

Последнюю фразу мой консультант закончил, уже закрывая дверь класса. И, вообще, как я сам не додумался!

Иду после уроков в учительскую, просматриваю журналы. В седьмом «В» напротив фамилии Серёжи красовалась бесподобной величины единица. То, что в школьном обиходе называется коротким и ёмким словом «кол». Неужели всё так просто?!

На следующем уроке, задержавшись у рабочего места Серёжи и дождавшись, когда останемся одни, я спросил:

– Зачем ты разбил окна?

– Это не я, – буркнул тот, опустив голову, орудуя напильником.

– Я не спрашиваю, ты это или не ты, я спрашиваю – зачем?

Сергей раскололся со второго раза:

– За то, что она поставила кол. И за то, что терпеть не может меня. И... вообще, за всё.

Я молчал. Как мне в данную минуту расхлебать кашу за всю нашу педагогическую систему? Где-то я был на стороне Сергея, как бывший хулиган с четвёркой по поведению за четверть. А с другой стороны, понимал, что дурной пример заразителен. И если промолчать, то предугадать последствия не так уж сложно. Окон в школе было много.

– Вот что, Сергей, – начал я с вопроса. – А чего ты не побил окна в наших мастерских? Смотри, так удобно. Во-первых, первый этаж – целиться не надо. Во-вторых, целых шесть окон вместо трёх. Во где разгуляться душе!

Сергей поднял изумлённый взгляд на меня, словно на сошедшего с ума от всего виденного:

– Вы чего! С какой стати я должен бить у вас окна! Что вы мне сделали! И у меня пятёрка по трудам!

– Да ты пойми, чудак, сколько в школе мужиков – завхоз и я, значит, нам пришлось и стёкла вставлять в кабинете географии. А я высоты боюсь, мало ли что, ещё свалюсь. А тут – первый этаж, не работа, а удовольствие, бей, сколько хочешь. Получил двойку по химии – бей в столярной мастерской, по физике – в слесарной, по пению... кстати, как ты поёшь?

– Нормально пою, на четвёрку, а что? – отвечал Сергей, глядя на меня, как на ненормального.

– Так вот, когда в следующий раз вставлять будем стёкла, приходи, споёшь что-нибудь. Ты же знаешь, Серёга, под музыку и работать как-то полегче. В общем, договорились. А директорсе ничего не скажу, обещаю, – и как ни в чём не бывало пошёл между верстаками, помогая и подсказывая мальчишкам. Прозвонел звонок, я принимал у мальчишек работу, ставил оценки. Сергей подошёл последним. Получив пятёрку и пряча дневник в портфель, недоверчиво переспросил:

– Неужели не расскажете никому?

– Да что ты волнуешься, я уже забыл. Иди на свою географию.

Я сдержал слово и о выходке Сергея никому не сказал. Стёкла в школе больше не разбивались...

Родилась в Казани в 1999 году. Актриса творческой лаборатории «Театр-Вентилятор». Дважды лауреат детской независимой литературной премии «Глаголица», финалист Всероссийского поэтического конкурса «Дети читают и пишут стихи». Публиковалась в журналах «Казань», «Путеводная звезда», критическая статья вошла в антологию «Русская поэтическая речь-2016. Аналитика: тестирование вслепую».

Карина Ермолаева

«Я НА КАРТЕ ИЩУ СВОЮ ЛИЧНУЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ...»

Преподаватель истории любит, когда я держу спину прямо,
И я держу,
Не потому, что хочу, потому, что могу.
Я повторяю цитаты, инициалы, формулы, правила,
Не пережёвывая,
Быстро глотаю их на бегу.

«Вы должны запоминать намертво, молниеносно, мгновенно,
На секунду увидев, не забывать уже никогда»
В мире цифр и букв, безоружный задержанный пленный,
Я уже не сражаюсь, а молча сдаю города.

Я сдаю имена, список связанных с ними событий,
Я сдаю направления, авторский замысел пьес.
Я боюсь закрывать страницу и оставлять укрытие,
Ведь суждения, роли, слова потеряют свой вес,

Если выбросить их необдуманно и без защиты,
В дикий, ожесточённый, желающий жертвы мир,
Если мысли ещё не оформлены, не обжиты,
Они быстро станут шаблонами, истаскавшись до дыр.

Я на карте ищу свою личную точку зрения,
Но никак не могу отгадать, чем закончится бой.
Я держу спину прямо, чтобы не допускать подозрений,
Что весь мир окружающих чисел и звуков – не мой.

ЗА ГИПСОКАРТОННЫМ УГЛОМ

С трашно, когда дверь закрыта на две трети, а открыта на треть, и я не могу незаметно выйти в коридор.

Когда рядом два человека на один квадратный метр, а кажется, что нет никого.

Когда душно, и хочется расстегнуть блузку, а на полу обжигающе холодная кафельная плитка.

Самое страшное место не подвал, не подземелье и не заброшенный завод, а коридор. Обыкновенный коридор, который непременно есть в каждом здании и в каждой квартире. Коридор – это место, за которое никто не отвечает. Он ничей, общий, то есть – никому нет до него дела. Но страшнее, что в нём ежедневно бывают десятки и даже тысячи людей, если это офисное здание посреди города, и каждый хладнокровно проходит мимо, не замечая переходного пространства. Важно то, откуда ты вышел и куда идёшь, а коридор – время от куда до откуда, и на самом деле этого места нет. Никто не задерживается в этом недопространстве, все пытаются хоть куда-то по нему дойти. Если долго стоишь в коридоре, люди перестают тебя замечать. Раньше бы они прошли мимо коридора, а теперь проходят мимо тебя.

Мне тесно, ведь здесь, в коридоре за этим углом, нас двое на один квадратный метр, и это слишком близко.

Пол обжигаете холодный, а мне душно, и от диссонанса бьёт дрожь. Похожую дрожь ещё называют смехом, если только она следует за шуткой. Но ты не шутила, я тоже, а нас здесь всего двое.

Мне душно стоять за углом, когда ты лежишь на обжигающе холодном полу и не чувствуешь, что я стою рядом. Тебе всё равно, что в коридоре так тихо, а ты кричишь так громко. Тебе всё равно, что кто-то может услышать, потому что ты — одна, а мне не всё равно, потому что я за углом, уже слышу, и нас двое.

Кто придумал телефон? Зачем? Теперь новости доходят молниеносно, но одно дело узнать их от живого человека из плоти и крови; его энергия и взгляд смягчают смысл услышанного. В телефоне же слова попадают прямо из диафрагмы говорящего в твой разум через коридор радиоволн, такие грубые и неправильные.

Когда у тебя зазвонил телефон, мне захотелось его разбить, но я была за углом, а по меркам пространства это другое измерение, не важно, что мы находимся в метре друг от друга. В телефоне ты подпускаешь всех на одно и то же расстояние. На расстояние от трубки до уха, что слишком близко, а живой человек, стоящий в метре от тебя, автоматически становится далёким.

Я не хочу, чтобы ты отвечала на звонок, не хочу, не хочу, не-хо-чу!

Душно ещё и оттого, что я бежала, чтобы оказаться рядом с тобой. Дыхание не выравнивается, и я зажимаю себе ладонью рот, чтобы ты не слышала моих судорожных вдохов. Я рядом, но как же я далеко!

Невыносимо знать, что ты плачешь.

Ты плакала, а я стояла рядом и ничем не могла помочь. Мне хотелось лежать рядом, сидеть рядом, стоять рядом. И я медленно сползала

спиной по стене, не ощущая острых выступов шершавой стены и царапая кожу. Знаешь, я и сейчас, спустя месяц, не могу заставить себя с тобой увидиться. Как только слышу твой голос и вижу твою фотографию, я снова стою в коридоре, в этой сводящей с ума тишине. Мне говорят, что это глупо, что я сама себя накручиваю, что нет того, чего нельзя пережить. Но можно ли стереть из закоулков памяти всё волнующее, чтобы стало всё равно? Всё равно семантически похоже на «никак». Я не хочу, чтобы мне становилось никак. Мне как, очень даже как!

Если бы там не было так тихо, твой крик не был бы таким громким. Если бы хоть один шорох разбавлял эту монолитную тишину, твой крик не был бы таким режущим. Режущим насмерть, по-живому. Незаметно и я начинаю кричать в унисон с тобой, только бесшумно, звуки бескровны, бестелесны, ведь и меня здесь по сути нет. Для тебя — нет.

Страшно, что ничего нельзя сделать. Страшно, что можно любить до смерти. А после неё? Можно.

Там, откуда ты ушла, а я убежала в поисках тебя, пульсирует музыка, ты её не слышишь, а я слышу и сейчас. Слышу голоса, много голосов, смех, грохот стульев, шорох одежды, запах праздника, кружащий голову. От здесь до там — четырнадцать ступенек вверх, и это до безобразия далеко. Хотя как можно измерить расстояние, если знаешь только количество шагов? И как можно узнать время, если есть лишь холодный пол и шершавые стены? Я впервые замечаю слева перегоревший светильник и два окна на скате крыши, синхронно смотрящих в нашу сторону. Я замечаю всё, до ненужных подробностей. Настолько ненужных, что они засели в моей голове навсегда.

Только я не заметила, что дверь теперь открыта на две трети и закрыта на треть, и, значит, ты знаешь, что я здесь. Ты знаешь, что я здесь!

Наконец-то нас двое.

А вдвоём не так страшно. ▀

Родился 14 октября 1965 г. Окончил в Казани школу № 132, затем КГТУ-КАИ (факультет технической кибернетики и информатики, 1989). Работает инженером-электроником на заводе «Оргсинтез». Посещал ЛитО при музее Горького в середине 2000-х (при Виле Мустафине и Алёне Каримовой). Сегодняшняя публикация – дебют автора.

Аскар Богданов

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Как-то утром, часов около девяти, я оказался в районе речного порта — кого-то провожал. Захотелось перекусить, и я зашел в кыстыбейную. Кафе «Кыстыбый» было известно узкому кругу как очень уютное место, где можно хорошо поесть в приличной и даже несколько романтично-ресторанной обстановке за небольшие деньги. Более того, в наши дни я сводил туда буквально всех друзей (местных и приезжих). Там мы устраивали посиделки, встречаясь с однокурсниками, дабы отведать кыстыбый как редкий вид татарской кулинарии. К сожалению, с полгода назад заведение прекратило существование, уступив помещение более прибыльному бизнесу... Но история, которой я невольно стал свидетелем, осталась...

Я был единственным и, скорее всего, первым посетителем в это утро. Набрав нехитрой снеди, с аппетитом приступил к её поглощению. Сидел я лицом к раздаче. Несмотря на некоторую гламурность для совкового заведения (например, наличие кабинок полуоткрытого типа), обслужить себя каждый посетитель должен был сам — набрать на поднос еды, питья и даже спиртного на разлив и расплатиться на кассе. В этот момент в кафе вошла парочка бомжеватого вида — мужчина и женщина. Казалось, они всю ночь провели за питием.

Тогда отношение к таким людям не было столь категоричным. Спивались все — интеллигенты, рабочие, директора, приличные (и неприличные) женщины. В их облике не было ореола романтики,

но был отпечаток личной драмы, творческой или производственной неурядицы.

Нецензурная брань, попросту говоря, трёхэтажный мат, которым они разговаривали друг с другом, диссонировал со всей обстановкой чудесного утра. В их диалоге не было живого места, хотя иногда проскальзывали слова, несущие смысловую нагрузку: «Ты где вчера была?..» (эпитеты, характеризующие ответчицу, её родственников и весь род людской). — «А ты...» (художественный свист).

Веселенькая парочка набирала на подносы салаты, вторые блюда и питьё, — какие ни есть, но средства у них, видимо, были. Дама, расплатившись, первой отошла от кассы и двинулась к столикам. Пройдя три-четыре шага, она вдруг стала терять сознание. Колени её подогнулись, поднос вывалился из рук, она рухнула на пол и забилась в конвульсиях. Спутник подскочил к ней, бешено жестикулируя и взывая к окружающим. В то же время сам он будто находился в оцепенении и не мог помочь ничем путным лежащей у его ног женщине. Обильно посыпаемые матом, выскочили посудомойки, поварихи, уборщицы, кассир и солидная дама, по виду бухгалтер или администратор заведения. Совместными усилиями они уложили бедную женщину на поставленные рядом стулья, вызвали скорую помощь и стали наблюдать за несчастной. Видимо, это был обычный эпилептический припадок. Солидная дама расцепила пострадавшей зубы большой ложкой, оставив её во рту. Затем со спо-

койным видом удалилась, дав знак всем расходиться по рабочим местам — всё, мол, будет в порядке. Кое-кто ушёл, но многие остались и вместе со мной стали свидетелями дальнейших событий...

А они оказались совершенной неожиданностью. Мужчина, не далее как несколько минут назад матерящий свою спутницу на чём свет стоит, опустился перед ней на колени, называя прекрасными словами. Милая, восхитительная, единственная... Слова были самые обычные, но как они были сказаны! Вряд ли даже великий актёр мог передать эти эмоции. Это было искреннее, обнажённое излияние собственного чувства. Словно по мановению волшебной палочки, матерные слова исчезли из его речи, лишь изредка появляясь в этом удивительном признании, когда накал чувств говорившего достигал апогея. Он умолял возлюбленную не оставлять его одного на всём белом свете, корил себя за невнимательность, чёрствость, давал обещания измениться немедленно и жить далее только для неё, призывая в свидетели небеса, Создателя и окружающих. Он увещевал неизвестно какого волшебника, чтобы тот спас эту женщину для него, и обещал ему за это любую награду, вплоть до самой своей никчемной жизни. Сейчас я не могу вспомнить и четверти слов признания. Но ощущение... Это ощущение чего-то прекрасного, запредельного, что есть даже в самом низком и омерзительном, осталось со мной... Последователи Будды говорят: «Цветок самого прекрасного лотоса появляется из грязи». Может быть, это называется словом Бог. Ведь Бог — это любовь.

Мужчина тем временем, не теряя пафоса речи, поминал недобрым словом «скорую», которая не ехала спасать умирающую. Вся сцена заняла не более пяти минут: очнувшись от созерцания, я обнаружил в руках у себя надкушенный кыстыбый.

Мужчина, утомившись от бурных излияний чувств, положил голову на замызганную блузку любимой. Наступила неестественная тишина. Женщина стала приходить в себя, веки её дрогнули, глаза приоткрылись. Она подняла слабую ещё руку и медленно, с трогательной нежностью, запустила пальцы в пепельно-серую шевелюру мужчины, поглаживая давно не мытые слезавшиеся пряди. Не было сомнений, что она, будучи в обмороке, слышала все его слова, по её лицу ручьём бежали слёзы...

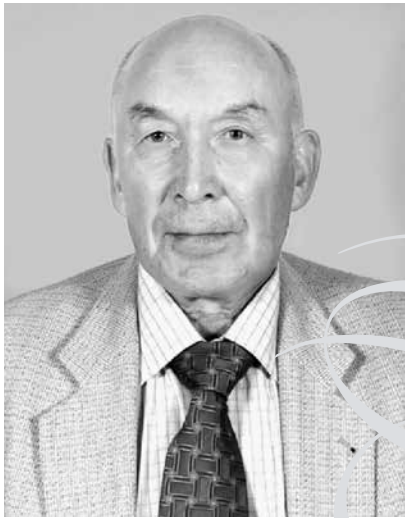
Происходило ли то, что написано выше курсивом, мне неизвестно. Можно предположить, что сказка закончилась так. На самом деле, положив на тарелку недоеденный кыстыбый и не притронувшись к другим блюдам, я вытер салфеткой руки и демонстративно покинул заведение. Шагая по залитому ярким солнцем тротуару, вдыхая девственный аромат воскресного утра, я бормотал про себя упрёки злосчастной парочке, которая испортила аппетит и настроение. Неожиданно стало ясно, что аппетит тут ни при чём. У горла стоял горячий давящий ком. Помышлять о еде в таком состоянии было просто немыслимо. Случившееся, которое казалось прежде омерзительным, предстало вдруг трогательным и восхитительным.

Признаюсь, до сих пор, по прошествии многих лет, эти противоположные чувства вспыхивают во мне одновременно, когда я вспоминаю эту ничем не примечательную историю. Детали стёрлись из памяти. Но я прекрасно помню, что ком исчез из горла, и грудь моя наполнилась неожиданной свежей радостью.

Навстречу теперь шли совсем другие люди. Внешне они по-прежнему были унылые, жалкие, озлобленные, безразличные ко всему, но я уже знал, что это всего лишь маски. Что внутри они прекрасные и возвышенные, только очень скрытные, боящиеся, что кто-то заметит их сентиментальность, их истинное лицо — лицо Бога, может быть.

Отчего не говорим мы замечательных слов своим близким и возлюбленным, детям и родителям, друзьям и соседям? Нас приучают доказывать всё поступками, а затем молчать о них, исполнившись важности от содеянного. Редко кому из нас доведётся прочесть первые строки Евангелия от Иоанна (не от Матфея!), потому что оно идёт третьим или последним во всех изданиях. Иоанн начинает своё повествование так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога. И Слово было Бог».

Вот так последними строками испорчен весь рассказ. Он приобрёл налёт божественной юродивости и сопутствующего ей неуместного пафоса. Не знаю, отчего я, человек столь далёкий от Бога, христианского и иудейского, мусульманского и кришнаитского, вставил эти строки в своё повествование. Право, глупо было бы полагать, что выкинь я эти строки, рассказ мой стал бы более привлекательным.

Равиль Файзуллин

Поэт, общественный деятель. Народный поэт Татарстана. Родился в 1943 году. Окончил Казанский университет (1965). В 22 года стал самым молодым членом Союза писателей СССР. Автор более пятидесяти книг. В 1989–2013 годах – главный редактор журнала «Казан утлары» («Огни Казани»). Заслуженный работник культуры РСФСР. Награждён орденом Дружбы. Лауреат Государственной премии РТ имени Г. Тукая, Республиканской премии имени М. Джалиля. Живёт в Казани. Стихи даны в переводах авторов – участников ЛитО и творческих вечеров в музее Горького.

Два клада драгоценных сохрани –
кладбище предков и собрание книг!
Живи, святые ценности любя!
Базар не пропадёт и без тебя.

Перевод Вячеслава Баширова

ДЕВУШКА ПОЗИРОВАЛА СКУЛЬПТОРУ

Улыбалась юная гордячка,
про себя смеялась: «Мастер, мастер,
мёртвый камень так и будет камнем,
а ведь я-то всё-таки живая...»

Время шло. Ушёл из жизни мастер.
Но – живут задор и юность в камне.
Сгорбленная белая старушка
вечный мрамор трогает и... плачет.

Я букет цветов багряных
собирал невдалеке.
Прибежал, но ты упрямо
уплывала по реке.

К огонькам рвалась ты, к счастью
на другом конце реки!
По воде с тоскою страсти
били нервные гребки.

Б. Урманче Разорвал речной покой
крик недоуменья: «Ой!»

...Говорить не собираюсь
слов, которые круты.
Мне на локоть опираясь,
на песок ступаешь ты.

Незадачливую лодку
я сушу на берегу.
Я чиню её без толку,
но иначе не могу.

Перевод Равиля Бухараева

Богатая осень всегда хороша,
но всё же, но всё же...
мне бедной весны нет дороже,
когда оживает больная душа,
и сам я, и сам я моложе.

Ах, первая зелень и зябкий росток,
в проталинке леса подснежник,
а рядом чуть дышит валежник,
и солнце едва освещает восток
забытой надежды, забытой надежды.

Всё тихо и робко. Там капля горит
земным нескудеющим светом,
а там словно птицы взлетают с горы, –
то рощи наполнились ветром.

Что девушкам снится в больших вечерах,
их сны так легки, бестревожны?
Как старые листья, забыто «вчера»,
а «завтра» – в намёке звезды осторожной.

Нет, осень иная, в роскошной листве,
она – точно голос прощанья,
где нить паутины пустых обещаний
дрожит, угасая, на слабой траве.

Тогда среди ночи глаза распахнёшь,
и миг промелькнёт удивленья:
весна тебе машет платком в отдаленье,
а в окнах октябрь и пронзительный дождь.

Рассыпаешь, развеваешь
семена свои, цветок!
Разве ты не понимаешь,
что у ветра путь далёк?
Не на камни ли кидаешь,
поразмысли хоть разок!

«Я цвету и зрею смело,
буйный ветер сеет сам».
Им до бури что за дело,
неожившим семенам!

На всех земля одна,
в снегах или зорях пылающая.
Но язык у народа свой,
память своя и своё кладбище.

Перевод Рустема Кутуя

Эх, канаты бы обрубить,
на плотках по Волге уплыть!..

Если жизнь и впрямь хороша –
задохнётся от счастья душа,

ну а если в ней что-то болит –
пусть застонет, заплачет навзрыд.

Эх, канаты бы обрубить,
вниз по волнам уплыть!..

Только Волга душу вместит,
и поймёт меня, и простит!

Перевод Николая Беляева

КОГДА ТЫ ПЛЕЧ МОИХ КОСНУЛАСЬ...

Ночью, когда бунтовала пурга,
Мы сидели вдвоём, в тишине – и вдруг...
Моего плеча коснулась твоя рука,
Как апреля луч среди зимних вьюг.

Разбежались по телу синие ручейки,
Запах тёплых дождей коснулся моей щеки,
и глаза от радости широко распахнулись,
словно тьму ночную до дна прозрели,
и слова, ненароком прихваченные с окрестных улиц,
как монеты потёртые, закатились в щели.

Деревянная ручка на моём столе распустила листья!
Вещи стали шептаться, точно ожили тоже
(это было так на что-то из детства похоже!),
И машинки печатной клавиши – сами! –
Написали слова – человеческие самые...

Тоненькая рука твоя мне
Показалась радугою в окне,
И под ней мимо комнаты моей небольшой
Человек открытой души прошёл...

Этой ночью холодной, когда город тонул в снегу,
Ты ко мне привела весну –
С радостью, с радугой, с ливнями, с листьями...
Но если в каждую комнату
Ты вносишь весть о весне –
Ой, нелегко будет мне!

Перевод Лидии Григорьевой

НАША ЗЕМЛЯ

Край родимый покидая,
смуглокожий пел джигит:
«Здесь вода едва живая –
Шурале и тот сбежит...»

Возвращаясь в край родимый,
седовласый пел старик:
«Здесь ласкает паутина,
соловья поит родник...»

Писатель, литературный критик, общественный деятель. Родился 10 декабря 1948 г. в Мамадышском районе Татарстана. Окончил КГУ (факультет татарского языка и литературы). Работал редактором на телевидении, журналистом, главным редактором журнала «Казан утлары», директором Татарского книжного издательства, более 10 лет руководил Союзом писателей Татарстана. С 2005 года – главный редактор газеты «Татарский мир» в Москве. Лауреат ряда премий, в том числе Государственной премии Татарстана имени Тукая (1993). Пишет на татарском языке.

Ринат Мухамадиев

ПЕРЕМЕННАЯ ОБЛАЧНОСТЬ

Рассказ (в сокращении)

Москва, начало двухтысячных. Я работаю в Международном сообществе писательских союзов заместителем председателя – Сергея Михалкова. Сидим в историческом «Доме Волконских» – месте первого бала Наташи Ростовской из «Войны и мира». На первом этаже – ресторан, куда обычно спускаемся пообедать вдвоём с председателем.

– Ринат, есть к тебе просьба сегодня, – обратился он ко мне во время одной из таких трапез. – Сегодня к четырём зовут в Дом журналистов. Там встреча преподавателей русского языка и литературы со всех концов мира. Обещал прийти, да не могу. Причина очень важная – свидание с прекрасной дамой. Только ты можешь меня выручить, – добавил патриарх то ли в шутку, то ли всерьёз.

– Причина, вижу, в самом деле важная, – сказал я. – Однако в данном случае, Сергей Владимирович, я не смогу вас заменить. Им не я нужен, а знаменитый поэт Михалков. Вдобавок, говорите, специалисты по русскому языку... Не разбегутся ли, услышав мою фамилию? Может, мне на правах вашего зама лучше на свидание к той красавице пойти?..

Знает аксакал цену хорошей шутке, от души смеётся:

– Ну и хитёр же ты. Не татарин, часом?

...Деваться некуда, пришлось согласиться. Не впервой: бывало, и в семь мест разом его приглашали. Не откладывая, отправился я в назначенное место. Там уже предупреждены о моём приходе, радушно принимают, угощают, сажают в президиум. Пришлось выступить от имени писателей и творческого сообщества. Ну, а искренние и живые речи съехавшихся со всех уголков мира специалистов по русскому языку и литературе оставили поистине неизгладимое впечатление. Где только не изучают, оказывается, язык и литературу русского народа – в Японии и Китае, Австралии и Африке, Латинской Америке... Выступили даже представители таких отдалённых островов, названий которых не слышал и я, много повидавший и поездивший на своём веку.

Домой вернулся довольно поздно. Выпив чаю, по обыкновению включил телевизор. Перебирая программы, к своему удивлению обнаружил на одном из столичных каналов трансляцию круглого стола с участниками конференции, с которой

только что пришёл. Конечно, принялся смотреть и слушать.

Вот эту привлекательную японку со своеобразным акцентом я сразу приметил. А вон тот парень из Бразилии всех покори́л, читая наизусть Есенина... А темнокожая дама средних лет, вроде и не красавица, но с необъяснимым обаянием, представляет Кубу. Вспомнил — в перерыве даже парой слов удалось с ней перекинуться. Сама подошла поприветствовать меня — видимо, узнав, что я от писательского союза. Представилась, да тут же выскочило её имя из головы. Говорит, писала в молодости стихи, а сейчас преподаёт русский язык и литературу в университете Гаваны. Всё ей было интересно — и где работаю, и кем, и какие произведения написал... Я не успел ответить — подбежал старый приятель Александр Арцыбашев, заключил меня в объятия. Оборвалась беседа — то ли женщина сама ретировалась, то ли с приятелем за беседой ушли в сторону — уже и не помню...

А на экране ведущая обращается к гостям с интереснейшим вопросом:

— Уважаемые дамы и господа, не расскажете ли нам коротко историю возникновения вашего интереса к русской литературе? С чего всё началось?

Один сказал, с романов Льва Толстого. Другого ещё в юности поразили произведения Достоевского. Раз за разом звучат имена Пушкина, Лермонтова, Есенина...

Очередь профессора из Гаваны. А она почему-то, погружённая в свои мысли, пребывает в нерешительности.

— А Вы, донья Алеида, что скажете? Почему молчите?..

— В семнадцать лет я была влюблена в парня из России, — она как будто растерялась от нахлынувших воспоминаний.

Зашушукались коллеги за круглым столом, поразило их это признание. Некоторые заулыбались, засмеялись даже. И ведущая подхватила:

— Интересно, чрезвычайно интересно. Не расскажете нам об этой любви?..

— Не о чем рассказывать, — вздохнула женщина. — Тот парень ни слова не знал по-испански, а я — по-русски... Не смогли объясниться. Он уехал и исчез без следа. А я дала себе слово — во что бы то ни стало выучить русский язык. Хотя и в

мыслях не было — на математика думала учиться.

— Вы видели ещё этого парня? Искали?.. — оживилась ведущая.

— Ну что Вы говорите, где Куба и где Россия... Где уж там искать... Это моя первая поездка за границу, мечта юности сбылась — приехала в Москву.

— А скажите, пожалуйста, хотели бы Вы найти того парня?

— С тех пор прошло много времени, — смутилась дама, осторожно убрав с виска тронутую серебром прядь. — Видите ли, мне ведь не семнадцать уже. И его молодые годы тоже прошли...

— И всё же? — продолжала упорствовать ведущая.

— Я не его искать приехала, — сказала дама, как будто утвердившись в мыслях. И вдруг, от воспоминаний ли далёкой молодости, навернулись в уголки её глаз слёзы, она вытерла их краешком платка. — Не ожидала, но я ведь его встретила.

— Встретили?.. — ведущая от удивления метнулась вперёд.

Услышав это, и сидящие застыли с раскрытыми ртами, не зная, верить или не верить своим ушам.

— Узнали?.. — спросил кто-то.

— Я узнала.

— А он?

— А он меня не узнал...

— Вот-вот, таковы они, мужчины. Нечего от них и ожидать другого, — подхватили сидящие рядом женщины.

Ох, даже учёные дамы солидарны в отношении к мужчинам!

— Сеньора Алеида, — ведущая вновь обратилась к темнокожей даме-профессору, — а если предположить, что этот парень... Хотя, конечно, давно уже не парень, а, скажем, господин — если он вдруг видит Вас сейчас по телевизору, что бы Вы ему сегодня сказали?

Дама ответила тотчас, не раздумывая.

— Люблю, сказала бы. По-прежнему люблю... Я часто возвращаюсь в родной город Варадеро, где выросла. Когда гуляю одна по горячему песку на берегу океана, иногда кажется, будто вернётся моя далёкая юность... Да, я узнала теперь и Ваше имя, и фамилию, но не скажу, чтобы не ставить Вас в неудобное положение. Одно только скажу: видите, я выполнила своё обещание — выучила русский язык. А Вы...

Я переключил телевизор на другой канал — наступало время футбола. Переключить — то переключил, а всё стоит перед глазами эта уже начавшая полнеть темнокожая женщина. Горячие слезинки из её глаз будто по моим щекам текут. «Варадеро... горячий песок на берегу океана... Я выучила, а Вы...»

Варадеро, Варадеро... Погоди-ка! На Кубе, в Варадеро, и я ведь бывал. В начале восьмидесятых областной комитет профсоюзов Татарской республики отправил меня на Остров Свободы руководителем туристической группы. Хорошо помню — мне, как руководителю делегации, даже валюты побольше выдали, семнадцать долларов. А туристам, если не ошибаюсь, по двенадцать. Впрочем, им палец в рот не клади, все — труженики, как говорится, советской торговли — завмаги да завсклады — в те годы для всех нужные люди. Как работали — не знаю, а вот в отдыхе они знали толк: каждый день праздник да застолье.

На меня взвалили ответственность за каждого члена группы. Перед поездкой в какие только инстанции не вызывали, от инструкций и предостережений голова кругом шла... Этого нельзя, туда не ходи... А вот моим завмагам, как говорится, закон не писан. Соберутся толпой на берегу океана, режутся в карты, прихлёбывая привезённые с собой дорогие крепкие напитки, и сам чёрт им не брат. На языке — деньги да барахло, барахло да деньги. А мне, не привыкшему к деньгам молодому татарскому писателю, все эти слова чужды. Коммунизм ведь мы собирались строить — без денег, без товаров.

Невесело мне среди них, места себе не нахожу. Под каким-нибудь предлогом ухожу в сторону, растягиваюсь на горячем песке с томиком Хемингуэя. Нашёл эту книгу на русском языке в книжном магазине в Гаване. Любопытно читать произведения писателя именно там, где он жил и творил. Припечёт солнце — окунаюсь в воду, качаюсь в океанских волнах, плаваю всласть. Испытать такое наслаждение в середине января — мог ли даже мечтать об этом?.. Из Казани выезжали — тридцать градусов мороза было, а тут такая жара. Местных — то не так много у воды. Спросишь, почему, отвечают: «Холодно, зима же». Нам, конечно, смешно.

В один из дней лежу вот так с книжкой на песке, загораю. Торгаши мои шумно веселятся: беспрепятственно рассказывают анекдоты, хохочут, играют на деньги в карты, курят, звенят стаканами да бутылками.

В какой-то момент поднимаю голову, смотрю — один из нашей группы нетвёрдыми шагами двинулся к лежавшей неподалёку с книгой юной темнокожей девушке. Уже и присел на корточки рядом с ней. Как выпьют — все смелые: вон уже и руки тянет. А девушка — то не хочет с ним говорить, уткнулась в книжку, резко боится ответить, лишь мягко отводит его руку. Тот не отстаёт, как назойливый комар, вьётся вокруг. Может, и следовало мне подойти, объяснить земляку, что нельзя так приставать к иностранцам, но я постеснялся шум поднимать.

В конце концов, закончилось терпение у самой девушки, она резво вскочила, схватила босоножки, книгу и зашагала в мою сторону. Прошла по краешку воды мимо меня. Мягкие волны, накатываясь, ласкали её ноги. Не показывая виду, украдкой наблюдаю за ней... Раз увидев, и взгляд — то не оторвёшь. Грациозная, как ива, шагает — будто плывёт. Глаза — горящие угольки, тонкая прямая шея, золотом блестят на солнце ниспадающие на плечи чёрные, как смоль, волосы. На стройном гладком теле — два чудесных бугорка... Нет слов, чтобы описать всё очарование её фигуры и движения: чтобы это выразить в полной мере, надо быть прирождённым живописцем или музыкантом. Только здесь, на подобном земному раю острове, посреди тёплого океана могло родиться и вырасти такое грациозное дитя природы.

Девушка нашла себе новое место поодаль. Ритмично и плавно, подобно беззвучной мелодии, вновь растянулась на песке. Устремила взор в книги. То одну читает, то в другой что-то высматривает. Нет, это не притворство, она по-настоящему что-то изучает...

А тем временем опять показался назойливый дядька — идёт, посвистывая, по краешку океана мимо меня.

— Наиль абый, — сказал я ему, будто ничего не видел и не понял. — Куда путь держишь?..

— Да вот, иду русалку искать...

— Наиль абый, прошу, не приставай ты к девушке, к экзамену, наверное, готовится — вон, даже говорить не хочет.

— Сам знаю, что делать, братишка, — отмахнулся он от меня огромной ладонью и продолжил путь.

— Ну ладно, если знаешь, — сказал я и лёг к нему спиной, решив больше не смотреть в ту сторону. И всё же то и дело долетали до моих ушей обрывки русских и татарских слов, которыми Наиль абый продолжал донимать девушку. Сделаешь замечание — шум поднимет, не иначе. Остаётся терпеть...

Немного погодя бросаю туда взгляд и что же вижу — опять поднялась девушка. Думая, видимо, как избавиться от навязчивого незнакомца, оглянулась по сторонам. Схватила книжки и двинулась в мою сторону. Прямо ко мне направилась. Чувствую, сейчас скажет: «Остановите этого нахала, пусть отвяжется от меня, а не остановите, закричу». Только этого не хватало!

Не дойдя пары шагов до места, где я лежал, она внезапно встала. На душе тревога, жду — что скажет. А она вдруг как улыбнётся, блеснув белоснежными зубами за пухлыми губами!

— Буэнос диас, — сказала она и начала сыпать мягкими и благозвучными, но непонятными словами.

«Добрый день» только понял. И смех и грех, но когда перед тобой такое создание, разве можно не поддержать разговор?

— Буэнос, буэнос, — вставил я, недолго думая.

Она ещё что-то пояснила. Я ничего не понял, но кивнул. На удаляющегося к себе, как ни в чём не бывало посвистывающего Наиля абья взглядом она указывала.

Опять произнёс я «буэнос, буэнос». Что ещё скажу — не знаю испанского! А девушка-то — щетунья, слова со скоростью пулемёта вылетают. От неожиданности и те несколько слов, что в первые дни выучил, из головы выскочили — не могу вспомнить, хоть тресни.

Девушка, даром что юная, на удивление сообразительная оказалась. Как будто получив от меня позволение, там, где стояла, постелила на песке полотенце да сложила на уголок свои книжки. И ловко, плавно склоняясь, как тростинка на ветру, улеглась. Хоть и старался не смотреть, врезались в память яркий блеск её чёрных, как черёмуха, глаз, и тонкая — в браслет бы поместилась — талия.

Наиль-абый молча прошагал, больше не приставал, голоса не подавал. Смотрю, девушка как погрузилась в свои книги, так и продолжает их

прилежно читать. Всё равно ей теперь — есть ли кто рядом, нет ли. И сам я, успокоившись, увлечённо принялся за Хемингуэя...

— Командир, на обед-то уж не пойдёшь, я смо-
тряю?

Это Наиль абый обо мне печётся. Его коллеги-торгаши вереницей, как гуси с водопоя, побрели к гостинице. И мне пора. Всё не мог решиться уйти, гадал, что же сказать на прощание чернокожей русалке.

Она тоже почувствовала, что мне пора идти: повернув голову, кивнула, подарила ещё одну улыбку. Благодарит, похоже — защитил ведь её.

— Адюс! — сказал я. — Аста луэго, — добавил ещё. Всё, что знал, выложил. Хватило бы и простого прощания. Зачем было ещё «до встречи» добавлять?..

После обеда наша группа съездила на экскурсию по местам жизни и творчества Эрнеста Хемингуэя. До сих пор в памяти, для меня это было очень важное и долгожданное событие...

Дни, счёт которым и так был невелик, проходили один за другим. С утра до вечера валяемся на горячем песке, купаемся. Для этого ведь и прибыли мы на остров на краю земли.

Приближался день отъезда, когда неожиданно на берегу океана показалась та милая девушка... Не сказать, что забыл её: каждый день, придя к морю, ощущал её отсутствие, но мало ли в этой жизни появляется людей, что завладеют нашим вниманием, а потом теряются из виду без следа. Обычное дело.

Не я первый увидел появление девушки, и в этот раз Наиль абый опередил всех. На весь пляж слышно было, как он радостно возвещает мне:

— Командир, открой глаза, солнце выглянуло, солнышко...

Слышать приятно, но сравнение не такое уж удачное, подумал я — солнце-то здесь с рассвета до ночи светит, не прячется.

Океан без краёв, горячий песок растянулся золотым ковром от горизонта до горизонта. Везде — простор, местного люда совсем нет у воды. Да и туристы кучкуются лишь в двух-трёх местах. А девушка, как будто больше места нет, с охапкой книжек опять в нашу сторону шагает. Уже собрался проводить её взглядом, а она возьми да остановись прямо там, где я лежал... Поздорова-

лась, вопросительно взглянула, будто разрешения спрашивая, я кивнул. Можно подумать, забронировала это место с прошлого раза — опять его заняла, улеглась.

Одним глазом в книгу смотрю, другим — на эту зреющую чёрную ягоду. Кто знает, может, уже и созрела... Заметив ли, как я украдкой смотрю на неё, улыбнулась ослепительной улыбкой рассветного солнца. Достала из книжки клочок бумаги и заговорила:

— Большое вам спасибо, товварич, — сказала, запнувшись на последнем слове. — Я сдала экзамен на отлично.

— Поздравляю, — сказал, — но мне-то за что спасибо?..

На русскую речь и ответил по-русски, но она ничего не поняла. Улыбка её уступила место беспокоейству. В смятении она принялась листать толстую книгу, что держала в руках. Оказалось — испано-русский словарь. Попробовала и мне протянуть томик. А мне что делать, поглядел, как в афишу коза, да и вернул ей книгу.

— Вы хороший товварич, — начала она снова, кинув взгляд в свою бумажку.

— Спасибо, — только и оставалось мне ответить. Это она поняла и как же обрадовалась! Даже в ладоши захлопала.

Похоже, в дни, пока не появлялась на побережье, не только сдала она свой экзамен, но и подготовилась принять другой экзамен — у меня. Столько у неё было вопросов. Постепенно совсем освоившись, так и сыпала ими, заглядывая в блокнотик.

На вопрос «какая жизнь в СССР» поднял я большой палец. Спросила сколько лет. Три раза показал по десять пальцев, ещё два-три пальца погибать не стал — чего мелочиться.

— Кем работаете? — спросила. Показал, как будто пишу что-то в воздухе.

Не поняла. Не стал долго ломать голову, помахал книжкой в руке, повторяя: «Хемингуэй». Вроде поняла — улыбнулась и в восхищении даже головой покачала...

У меня тоже были вопросы, наверное. Да как спросишь. Она по-русски не знает. Пытаясь объяснить, кто я, повторял: «Татар, татар» — не нашёл понимания: похоже, не слышала. Понимала бы по-французски — хоть кое-как объяснились бы. Нет, не знает...

Пусть и не понимали мы слов, но как же радостно было в эти минуты чувствовать её взгляд, слышать голос, просто сидеть рядом и смотреть на неё. Вскоре опять раздался голос:

— Командир, на обед пора...

Я вздрогнул. Нет, не испугался — успел уже сдружиться с этим дядькой, и звучал его голос теперь доброжелательно и даже сочувственно.

Увидев, что двинулись мои спутники, девушка, кажется, поняла, что и мне пора. Приподнялась, села, сверкнула глазами. Обычно на послеобеденное время у нас намечалась какая-нибудь поездка, в этот день нас собирались повезти на завод по производству напитков, а точнее — рома. Долгожданная экскурсия...

— Аста маньяна, — сказала она. Это значит — «до завтра», одно из тех семи-восьми выражений, которые я знал.

Если бы утвердительно кивнул, был бы обманщиком. Ведь завтра утром мы должны были отправиться в обратный путь. Автобусом из Варадера в Гавану, оттуда — самолётом. Как же объяснить это девушке? Прямо застыл на месте, не мог слов подобрать. Собравшись с духом, жестом изобразил взлетающий самолёт, а голосом — гул: «Бу-у...»

Ребячьи мои жесты, похоже, рассмешили её. Но от неожиданной ли новости тут же упало её настроение. Глаза затуманились, печальны. Совсем растерялась, губы дрожат, вопросительный взгляд то в словарь устремляется, то на меня. Ищет что-то в книжке, не может найти. Я помахал на прощание и, повернувшись, зашагал прочь. Что делать, что ещё я мог? Она вдогонку как будто что-то произнесла. Я, обернувшись, ещё раз помахал. Девушка подняла руку и повторила произнесённое слово... Погоди-ка, что же она сказала? Слово, которое я никак не мог понять — не имя ли её это было?.. Да, кажется, «Алеида». Алеида...

Лихорадочно оборвав трансляцию футбола, включаю московский канал. Увы, круглый стол уже закончился. Женщина-синоптик завершает прогноз погоды на завтра: «Переменная облачность, кратковременные дожди...»

Вот тебе на! «Переменная облачность...», — раз за разом повторяю про себя. Что ещё остаётся сказать... ■

(Перевёл Ильдар Сафуанов)

Литературное объединение при музее Горького в пору Марка Зарецкого посещал и «отшельник казанской поэзии» Сергей Кудряшов. Он «удивляет своей зачарованностью культурой, типичной для авторов 1970-х годов, но редкой для представителей его – более молодого – поколения, – пишет литературный критик Никита Васильев. – ... Автор знает о невозможности спастись стихами, но постоянно настаивает на том, что ими можно хотя бы утешиться». Читатель, попробуй, а вдруг получится!

Сергей Кудряшов

Родился 24 декабря 1964 года в Казани (Верхний Услон). Там же живёт и работает. Автор двух сборников стихов: «Теория непостоянства» (Казань, 2001) и «Человек из сна» (Казань, 2008). Публиковался в журналах «Октябрь», «Зинзивер», «Идель», «Аргамак», «Казанский альманах», в поэтической антологии «Как время катится в Казани золотое...».

...нетерпеливый каблучок,
и жаркий шёпот дурачок,
мы не дотянем до полочки;
и скрип несмазанных петель,
и будто взорвана постель,
и сохнет зонт в углу без ручки
...гадать, что будет впереди,
гляди: Наташка в бигуди
стоит, нагая, на балконе;
и каждый день наперечёт,
и свет доверчиво течёт
в её невинные ладони
...затем доешь вчерашний плов,
открой окно, вруби битлов,
под рёв соседей сколько можно!
сгребь оставшуюся медь
и, сосчитав её, ответь
пока чертям не станет тошно
...и не спасут ни сон, ни хмель,
ни электрическая дрель,
ни ваши псы, ни ваши кошки,
когда мы вечером придём
с добытым в тире медведём
и с мятным леденцом в ладошке

нелётный серый день и серенький пейзаж
который не обнять крылом аэроплана
испытывая лень графитный карандаш
привычен обтекать картин такого плана
чем вызван этот трюк тяжёлой головой
мельканием полос на зебре перехода
семь вёрст тебе не крюк по мокрой мостовой
для бешеных колёс и псов того же рода
воздвигнем сей вердикт как уникальный прут
для умных обезьян в тени гашишной будки
по счастью наш реликт и даром не сопрут
пока мы мнём бурьян понюхать незабудки
и время не стоит обросшее по дну
ракушечником от и до латунных ручек
под ним унылый гид твердит всегда одну
из множества острот о мести самоучек
но радостен процесс ничтожный результат
не в силах отменить горенья керосинки
покуда давит пресс покуда мнёт прокат
он может осушить две маковых слезинки
сам бо ему судья и мастер карате
бонжур япона мать и жгучая обида
фанерная ладья в весёлом варьете
как способ обтекать картин такого вида

Всего лишь миг, недолгий и нерезкий,
 один из многих, канувших из рук.
 Но обрати внимание, мой друг:
 о как сквозит! как дышат занавески! –
 хотя б затем, чтобы понять: о как
 тревожит дух, доселе спавший в теле,
 гуляющий по комнате сквозняк!
 И не забыть потом заделать щели?

Ирония? Скорее, горечь тут.
 Запить её, чем с вечера осталось.
 Такая, понимаешь, в теле вялость,
 что думаешь: виной ли ей фастфуд
 или вообще нехватка витаминов
 в преддверии весенней кутерьмы.
 Окинув взором, отличаем мы

себя от тех, кто взором нас окинув,
 себя уже не может опознать
 по макияжу и татуировке.
 А мы с тобою божики коровки
 и там на небе встретимся опять
 назло предубеждению, что визу
 не выторговать в ангельский покой.
 И стоит ли слоняться по карнизу,
 изящно балансируя рукой.

о чём стараешься, викарий,
 свечой пытая старый текст?
 твой запоздалый комментарий
 не оживляет тёмных мест,
 где на пергамент вязь рустики
 и консонанты, как могли,
 в прохладном мраке базилики
 во время оное легли;
 что между строк – неровность камня
 и пятна тёмные от рук –
 тебе поведали, веками
 не отзываясь, умный друг,
 на заклинанья о беседе,
 когда затворнику весь день
 упрямо просится в соседи
 его же собственная тень?
 не заглушает ли латыни
 и арамейского – в углу
 неслышный шёпот из пустыни –
 песка на мраморном полу?

Они вынашивали их под звёздным небом мироздания,
 они под звёздочками их печатали и под названьем,
 они здоровались «старик!» и называли счастье «прухой»,
 а он прикусывал язык и вообще писал под мухой;
 она гуляла по окну и томно ползала по лампе,
 по шерстяному полотну как по ворсистой сочной пампе,
 она гудела у виска и приводила мысль в систему,
 весьма условную, пока не привела в движение тему;
 от темы требуется что? анализ всех явлений жизни,
 жены в сиреновом пальто и чувства смутного к отчизне,
 горшка с цветами на окне, грибов неведомых в лукошке,
 народа грозного, но не... нет, изменившего гармошке;
 гармошка – это инструмент, который выстрадали бабы,
 ему продлён ангажемент, но, ах, не те уже масштабы,
 и я, сражённый новизной, не предложу её завклубу,
 с его ментальной кривизной предпочитающего тубу;
 из тубы можно извлекать всё, что угодно, даже пасту,
 а взяв палитру, представлять собою замкнутую касту
 тех живописцев, что в свои мансарды стройных женщин водят,
 картины пишут, пьют Аи и грязь на лестнице разводят;
 разводят также пауков тропических в стеклянных банках,
 и вислоухих простаков, большие ссуды взявших в банках,
 а также полчища мышей, не видя прелести в картинке
 (без красок и карандашей) котёнка, спящего в ботинке;
 в шузах и шкарах, и тэ пэ, в чём не нуждались наши боги,
 но позволяет нам в толпе не отдавить друг другу ноги,
 вот даст ли вытянуть мотив (тут я сбиваюсь на банальность),
 презреть её императив и сохранить свою тональность?

Не говори: да будет свет. Он хлынет так: потоком в устье
 зрачков, и двойственный налёт с преобладанием в нём грусти
 покроет плёнкою люмен поверхность каждого предмета;
 не говори: да будет день – он отзывается на это,
 бесстрастно выявив фрагмент из неподвижного сплетенья
 усталой мебели и лент декоративного растенья,
 и лишь фарфоровый олень и бра пластмассовая клипса
 отбросят ломаную тень на бюст философа из гипса.
 Мудрец, венчающий буфет, один не выглядит нелепо,
 из темноты на этот свет смотря насмешливо и слепо.

Он знает, что тщета речей и сотой части не оплатит
 забавы, стоящей свечей тому, кто тратил их и тратит.

ОПЫТ МОМЕНТАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ

...и ни в одном – приметы сна; обои в розоватых рунах
нерасшифрованных, стена, а за стеной – брэнчанье струнных;
зрачка подвижный уголёк, на потолке смятеные пятен,
плафон светильника далёк и безотчётно неприятен;
у пятен бледного огня ни тени общего с пожаром,
но от дыханья веет жаром, и жар касается меня;
чем обернётся этот блиц? найдутся утром на подушке
десяток пломб, стекло и дужки среди обугленных ресниц

...сначала нехотя, не скоро, потом быстрее и быстрее,
бегом спускается под гору цепочка бледных фонарей,
чтоб, отскочив от серой дамбы, пуститься рысью вдоль реки,
приплясывая в ритме самбы, и осветить особняки;
дома, скорее, для забавы, чем для тепла и очага,
когда весь день холодной лавой лениво катится пурга;
пейзажа нового причуды: шламбаум крашенный и бак
«для мусора», на баке «ссуды за пять минут»... ну как-то так

...а, может быть, виной – в крови холестериновые бляшки?
уже ни слова о любви без драматической натяжки,
уже горенье не с руки, гуденья нет в горниле дружбы,
быть может, тлеют угольки, но и они по долгу службы;
и вера – вылитый расчёт: а как иначе, век короткий,
и кто там знает, что за чёрт призывно машет сковородкой

...(когда земля была ничьей, тогда её хранили боги,
и был их голосом ручей, древесный шорох, шум дороги,
и проступал в слепящем блике на водной глади чёткий лик)...
бетонная ограда, крики, какой-то внутренний пикник,
массивные ворота, будка, оставленный ребёнком круг,
авто, оскаленная жутко собачья морда; а вокруг,
как в ожидании ареста не знающий покоя вор,
бесцельно бродит гений места и слепо тычется в забор

...на пыльный жертвенник пенатам; зелёный солнечный июль
мерцает красочным закатом сквозь мнемоническую тюль;
эффект обратной перспективы, раздутый линзой горизонт,
раскрывшийся в трамвае зонт и нераскрытые мотивы
чего угодно, что опять не в состоянии, вон из ряда,
панических метаний взгляда, случайно брошенного вспять

...всё это, видите ль... ну, да; и, тем не менее, вся эта
игра теней и буйство света не исчезают без следа;
и вот уже маститый мастер, глухой, как пень в глухом лесу,
рукой незрячей взял фломастер и ковыряет им в носу;
и то сказать, нашёл палитру; пугливой музы не смутив,
шепните на ухо, дай вытру – взревёт, что твой локомотив;

забив в косо́й ботинок пятку, он посещает магазин,
не вспоминая про бензин, чтоб напоить свою девятку –
и попирает тротуар и пешеходные полосы,
покуда мир, удобно плоский, не спохватился, что он шар

...вот с этой гущею на дне – гадалка вмиг озолотится
(о чём не ведаёт патриций в своей наивной простыне);
коты от страсти млеют, крыша – живая жесьть; готова месть,
в подвале маршируют мыши; ладонь раскроешь, пальцев шесть
иль семь, не меньше: умноженье бессонных сущностей – конёк
рассудка праздного; денёк привёл всех демонов в движенье;
и наплывает мокрый стог, и ни души в рассветном поле;
и подбираешь поневоле повыше тогу, мохноног;
под утро телефонный зуммер на ухо рывкает пароль:
король, как говорится, умер; итак, да здравствует король

...я разогнал остатки сна стаканом огненного чая
и выпал в общество; качая небесный купол, шла весна,
девиц раскованных товарка, у них в крови адреналин;
я шёл вдоль вымытых витрин, читая: «чайник», «ментоварка»...
чего-чего? вернулся, чтоб взглянуть на странную посуду
(врывались в уши отовсюду людская мова и топ-топ),
успев подумать: дело скверно, и продолжается мой сон;
я заблудившийся Ясон меж сном и явью где-то, верно,
и обречён в их колесе на счёт раз-два и три-четыре
крутиться вечно в скользком мире, спеша как белки эти все

...не отрастить ли бороды и не махнуть ли с ней на север
(купе, объёмистый бюстселлер и ящик огненной воды)?
порой нужна бывает встряска в среде взволнованных тетерь;
на карте есть ещё Alaska и новый перечень потерь;
попытка жалкого подлога; ничто в душе не моросит;
прощай, любимая берлога! билеты, курица, exit

...«блуждая медленно по карте увлажненным слезою взором,
я так скучаю по плацкарте! не стать ли коммивояжёром?» –
«меня Киприда покарала практически во цвете лет,
весенним рёвом а́марала обезобразив мой портрет;
пойти и ей испортить рожу? а всё высокое, клянусь,
я на Аляске отморожу и этим самым исцелюсь» –
«нет, нет, высокие болезни, то, что Асклепий прописал!
когда иллюзии исчезнут, чем будет промышлять Дедал?» –
«как говорил Дедалу Минос, с ним обходя под ручку Кносс:
а есть торговлишка на вынос, вот сел в плацкарту – и повёз»

...ноябрь в поношенном пальто, на сердце мёртвая усталость;
ничья вина, родная, что тебе в нём места не осталось;
умалишённый под замком в себя приходит поневоле,
но как унять горячий ком из всех углов кричащей боли?

никак, родная, и к чему? пусть жизнь идёт своей дорогой,
кивая шагу своему, подобно страннице убогой

...полдня потратив на колядки, в костюме местного вождя,
увитый лентами дождя, с самим собой играя в прятки,
уже который километр, браня невинную округу,
бредёт заезжий геометр, предположительно, по кругу;
что *verba volant scripta manent!* – она мертва давно, латынь;
одна надежда на орнамент, традиционный для пустынь;
сотри, одышливое время, с холста сахемов и богов,
шаманов с бубнами, всё племя – ты не сотрёшь моих кругов

...мелькает царское мгновенье среди шутов, среди шутих,
отличное от малых сих пугливых подданных забвенья:
вот утро морщит мягкий нос, вот нежно жмурятся закаты,
вот лужиц мелкие ушаты, вот осень мокрая от слёз

...вниз головой на водоёме лежит созвездие Стрельца,
висит луна в дверном проёме, сверкает наледь у крыльца,
сияет золото окошек, за ними праздник и уют,
там гнут полы, пугают кошек, гремят посудой и поют;
два деда, наигравшись в пони с оравой цепкою внучат,
устало курят на балконе, роняют искры и молчат;
шажок от «мала» до «велика» – насытаться мелкой суетой,
устав от собственного крика – закончить полной немотой;
бросает ночь широкой кистью мазки небрежные на лёд,
прощальный бал последних листьев, звезды медлительный полёт

...она развлекалась, чем только могла,
а именно: смесью кино и попкорна,
что кажется жизнью, а значит, бесспорно,
здоровой девицей была и плыла
Офелией, чудно упавшей на плот
в объятия радостных рук плотогонов,
притянутых к иве игрой гравитонов,
которые будут открыты вот-вот.
Прости, моя радость, за дикий пролог.
Не тычь каблуком сапога в бандарлога,
он занят созданием личного бога,
съедобного идола, вот и сволок
всю сдобу на пробу в свою антресоль.
А вовсе не признаки белой горячки.
Отсыпь лучше соли из начатой пачки
и хватит совать мне под нос парасоль.
Не то чтобы жизнь, но полжизни прошло,
и святки опять наступают на пятки,
повсюду детишки, отсюда колядки,

тулуп наизнанку, бутылка Merlot.
Вот сэндвич, завернутый в список свобод.
Особо отмечены общее право
использовать омуты для переправы,
свобода печали, отдай бутерброд.
Да полно, не мог я тебя напугать.
Меня только зеркало утром боится,
подумаешь с бритвой, могу и не бриться,
и выглядеть вовсе, как святочный тать.
Могу и не выглядеть. Что это я.
Не всякого дарит вниманием Яков,
закон вообще не для всех одинаков,
а нынче особенно, радость моя.

оставим товарищ словесные блудни
достанем чернильный снаряд из пенала
восславим стихами нелёгкие будни
товарищ технического персонала
товарищ уборщица есть афродита
из мыльной рождённая пены и хлорки
она проплывает сверкая сердито
очами пропорционально уборке

уборщица с венником смотрит на чётки,
рассыпанные под растерзанным стулом,
не всё, мой товарищ, начавшись с чечётки,
стремится органичным закончиться гулом;
на бусы, товарищ, они прикасались
когда-то к затейливо сложенным косам,
а те возвышались, товарищ, казалось,
подобно турусам, подобно колёсам;
на зёрна от фиников, видимо, мало
теперь уже зрителю стало попкорна,
и наши арены, товарищ, и залы
покрыли собой эти липкие зёрна;
на пули, конечно, неловкий убийца
их выронил, вон он с пустым барабаном
крадёт, товарищ, как он удивится
своей непричастности к хрипам органичным,
к стаканам не чокаясь поднятой водки,
к тому, что со всё нарастающим гулом,
в углу начинаясь знакомой чечёткой,
привычно закончится сломанным стулом

С МОРЯ

...веди Вергилий; да, похож – и профиль тот, и артистичен,
но до чего же саркастичен, а, впрочем, что с него возьмёшь;
сплошной, как водится, экстрим, туман, тропинка, все незримы,
в тумане спорят пилигримы о том, кто больше пилигрим:
а у меня радикулит – а у меня четыре грыжи,
того гляди отброшу лыжи – коньки? – смотря чего болит;
и он смеётся: вот так прыть, я обделён, мне не додали;
но нет ещё такой медали, чтоб не хотелось возвратить

pardonne moi, любезный князь, за нарушение покоя;
мы со товарищи вчерась за наш успех... и всё такое;
обычай есть зело дурной; я в самомнении великом
предстал пред хмурою женой с сияющим чрезмерно ликом;
и сообщил: иду на Крым; вы, князь, жену мою видали:
вулкан, сплошной огонь и дым; итог, grandissimo scandale;
с тех пор иду куда подале, лишённый напрочь, и тэ дэ...
где продаются, князь, bidets? какие, к дьяволу, медали

...не парасоль, но плотный зонт; чернильная на небе клякса,
невозмутимый профиль Макса и бесконечный горизонт –
два молчаливых визави, две вечности, а под навесом
раздолье крупным поэтессам и их стенаньям о любви:
с глазами куклы виноватой, застёгнутой на все крючки,
передо мною сквозь очки явился ты, продолговатый;
обманет наледь на шоссе, и над глухой трясинной ряска,
и на лице блудницы краска, о как же, господи, мы все

опустим мелкие детали; возьмём излюбленный сюжет:
учёного на склоне лет, иной размах, иные дали,
опишем отрочества муки, глубокий интерес к науке,
припомним сразу за беседкой тропинку узкую к реке,
и с любознательной соседкой игру на пыльном чердаке –
рекомендуясь той Софи как docteur en philosophie –
и уточним затем, печально уставясь в тёмное окно,
что ей-то было всё равно, какой там доктор изначально

...лагман, шурпа, харчо, поджарка; скосив глаза, гляжу в меню,
наверное, раз пять на дню, останусь ню, а здесь нежарко,
и даже более того, в виду осеннего прибоя
сдаются столики без боя, вон за соседним – никого;
над головою плещет тент, волна морская лижет шузы,
по счастью, ни одной медузы, не сильно жалуется клиент
желеобразное вовне родной среды, а в ней подавно;
уже несут, ну вот и славно, чего ещё-то надо мне

премудрость милая, тебя я разгрызал молочным зубом
и чахнул над возгонным кубом, рукой пипетки теребя;
я током бил лягушек так, что те давали лапой сдачи,
и, от досады чуть не плача, нитратом ртути тёр пятак;
и он блестел как пятьдесят копеек небывалых денег;
я не был радостный бездельник, что на дверях всегда висят
и тырят мелочь на буфет и сигареты по карманам,
и был учёным великаном, а впрочем, не годится, нет

...на деревянном лежаке среди хлопочущих полотен
в измятом сером пиджаке сидит поэт угрюм и плотен;
перед глазами якоря, брожение смутное в затылке,
в руке осколок янтаря, а может быть, пивной бутылки;
как все, минует этот день, без сожаления, без боли;
и он поднимется, и в тень войдёт, бубня чего уж боле;
набьёт каштанами карман и, размышляя, будь что будет,
закрутит бешеный роман, и кто, скажи, его осудит

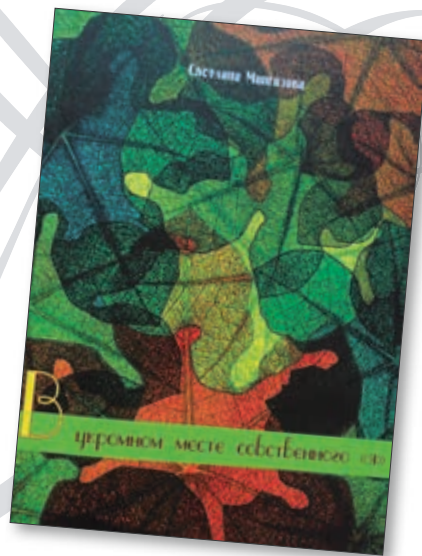

Светлана Мингазова

Родилась в с. Сурское в Ульяновской области. Закончила Красноярский строительный институт (1969) и в этом же году переехала в Казань. Работала инженером на обустройстве нефтяных месторождений Тюменского севера, в строительных и проектных организациях г. Казани. Победитель городского конкурса бардовской песни «Песня, гитара и я» (2009). Лауреат международного поэтического конкурса «Золотая строфа» (2010). Победитель и лауреат IX Международного фестиваля литературы и культуры «Славянские традиции» (2017). Публиковалась в журналах «День и ночь», «Казань», «Казанский альманах», газете «Поэтоград». В 2009 – 2011 гг. посещала литературное объединение им. М. Зарецкого при музее Горького. В начале этого года у поэтессы вышла третья книга стихов – «В укромном месте собственного "я"».

«Я предпочитаю устраивать не творческие вечера, а презентации своих новых книг», – говорил Виль Мустафин. Сегодня «Идель» знакомит читателей с поэтическими подборками из новых книг Светланы Мингазовой и Глеба Михалёва.

СТАРЫЙ ДОМ

Последнее свиданье с домом:
Приму тяжёлую из чаш.
Сиротской думою ведома,
Шепчу в дороге «Отче наш».

И вот он, узкий переулок,
Калитка, старенький забор...
Ты смотришь отчуждённо. Гулок
Ветров чердачных разговор.

Ещё в лучах, подслеповатый,
Ловлю твой безучастный взгляд.
Не мы с тобою виноваты,
И вряд ли кто-то виноват.

Как по усопшему, слезами
Исходит сердце. Ночь не сплю.
В кутке, у полки с образами
За дом я Господа молю.

Родимый дом! Скрипучий, слабый.
(И я старела вместе с ним!)
Но что ему мой причет бабий? –
Ход времени необратим.

А были годы молодые!..
В доме соседнем – никого.
С колонки принесу воды я
Для омовенья твоего.

Столб фонарный. Сумрак. Полночь.
Заметённый снегом путь.
Мне ночная темь не в помощь:
Глаз до свету не сомкнуть.

Снег. И шляпы до надбровий
Нахлобучили дома.
Над моим жилищем вдовым –
Хлопьев белых кутерьма.

В полусне моей темницы –
Восходящая строка.
Но бессонница глумится
Над бессильем языка.

Колобродят мыслей стайки,
Только эти пришлецы –
Пустозвонье балалайки,
Шутовские бубенцы.

На излёте зимней ночи
Не родясь, почил шедевр.
Спать хочу, устала очень.
Закрываю секретер.

БОЛЕЗНЬ

...И падает бетонный потолок...
Во впадины кессонных перекрытий,
Сквозную в небо пробивая брешь,
Спиральные вонзаются торнадо...

Светильников стеклянные шары
Для восхождения моего – преградой,
Что маятников бешеным движеньем
Нарращивают волны амплитуд.

На окнах – сеть ползучих традесканций,
Чьих лезвий истончённая листва
Взрезает мне бугристый жгутик вены
И пол пятнает липкость вещества...

И гусеницы красные ползут...
Спалённые недугом альвеолы
При выдохе свистят на все лады,
В полубреду реальность растворяя...

За каплей – капля. Колба – пробкой вниз
В полукольце треного штатива...
Я возвращаюсь. Остро, ощутимо
Больное тело обретает вес.

Вот кто-то рядом тихо говорит
И ложечку к губам моим подносит.
Неясный выступает силуэт:
То женщина в халате бирюзовом...

Но выход в космос наглухо закрыт.
Задраены озоновые дыры...
Открыта дверь палаты в коридор:
Снуют в крахмально-белом практикантки,

Одна из них мне градусник несёт.
Я вижу мир, я слышу, осязаю,
И точно знаю, что теперь – живу...

ОСЕНЬ

Ветер с верёвки рвёт свитер линейный.
Осень последний свой день разменяла,
Подслеповатая, в рваном тряпье.
Где же одежда твоя золотая?
Денежки медные в косы вплетала,
Тихо звенели кружочки металла...
Всё это – в прошлом. И ты – в забытьё.

Всякому – путь свой, но коротки сроки.
И не сияет уже на востоке
Утром холодным твоя красота...
Ты в созерцанье чреды быстротечной
Сыплешь дарами златыми беспечно,
Но под ногами – лишь мёртвые листья,
В чёрных деревьях сквозит нагота...

Мокроносый щенком
ткнулся в ноги ручей-озорник.
То незлобно ворчит, то у камня
лепечет напевно.
Вдруг почудилось: леший смеётся,
косматый, дремучий старик,
И тихонечко плачет, в лесу
заблудившись, царевна.

Пролилась наконец-то прохладная
влага с небес.
Поднималась цветная дуга
над поляною волглой.
Лес умытый сиял, а за ним –
отдалённые, где-то за Волгой
Грозовые прощальные сполохи...
радости летних чудес!

Колокольцы синели повсюду:
то в россыпь, то в ряд.
Медуница звала любоваться
душистой периной.
Поднялся из дупла
боевитый пчелиный отряд,
Прогудел над желтевшей внизу
слепотою куриной.

Все силёнки собрав для полёта –
совсем еще мал!
На крыло становиться пытался
когтистый орлёнок.
Нас морквашинский лес,
как желанных гостей, принимал!
В животе округлённом
толкался мой первый ребёнок.

Здесь, за рекой – другое время,
Летит и бьётся в небо семя,
Рассеяв сладкую пыльцу.
И мы ни в чём не виноваты,
Когда, зелёной тьмой объята,
Стоим опять лицом к лицу,
О дне и ночи не гадая,
Когда трепещет грудь нагая
И ветер вдруг сбивает с ног.
Когда немеют в жажде губы,
Когда уже объята грубы
И словно яд – любовный слог...
Раздался гул над тихой кручей –
То самолёт вонзился в тучи,
Качнулось небо под рукой.
Там, вдалеке, уже смеркалось.
Но в жарком мареве осталось
Другое время за рекой!

*...Мело весь месяц в феврале...
Б. Пастернак*

Почти лежу в пружинных ветра струях,
Но двигаюсь напористо вперёд.
Февраль! В твоих студёных поцелуях –
Горячий лёд.

Кляня и снег, и стужу раздражённо,
Народ поднял до глаз воротники.
Взметаются белёсые знамёна –
Экстаз пурги.

Мело всю ночь. Я вслушивалась в стоны
Не умолкавших бешеных стихий.
И снежной рати шли квадриллионы,
И шли стихи...

Глеб Михалёв

Родился 22 марта 1967 года в городе Юрга Кемеровской области. В Казани с 1984 года. Учился в КАИ и КГУ, выпускник физфака университета. Первая публикация – в журнале «Идель» (1994). Публиковался в журналах «Октябрь», «День и ночь», «Юность», «Новый берег», «Бельские просторы». Финалист конкурса им. Н. Гумилёва «Заблудившийся трамвай» (С-Петербург, 2005, 2006). Автор книг стихов «О жизни комаров. И прочих...» (2016) и «51» (2018).

КОГДА

- 1
когда уже под небом серым
я окажусь не ко двору
я заболею эсэсэсэром
и от него потом помру
не то чтоб мечь или расплата
но просто в памяти всплывёт
что он родил меня когда-то
и только он меня убьёт
- 2
когда друзей – по пальцам на одной
зато тревог – куда ни посмотри
писать стихи – становится войной
одна строка считается за три
всё грезится прелестный завиток
беспечный ангел в травке луговой
но в результате – короток итог
и горек словно дым пороховой
- 3
так жить – отточия оттачивая
и даже не понять когда
вдруг приплывёт твоя трёхмачтовая
под чёрным парусом беда
и поплывёт твоя мелодия
над чьим-то дружеским плечом
уродливая и юрдивая
но – не жалея ни о чём

ДВА ИЮНЯ

- 1
...весь день нелепой суетою занят
и долог, как гомеровский гекзаметр
а в голове горячей – всякий бред
о том, что где-то грека через реку
всё едет... вот неймётся человеку
туда-сюда по эдакой жаре
плывёт скороговорочка чудная
нет, с греком нам не по пути – я знаю
и сам себе твердить не устаю
что вдоволь за окном тепла и света
что впереди ещё не Лета – лето
и медленный господствует июнь
- 2
...и чувство локтя в «пазике» молчащем
оттачивая, думаешь всё чаще –
вот это будет первая глава:
о жизни холостой и пустяковой
о том, как не жалеешь ни о ком и
ещё – земля качается едва-
едва...
ещё – кипит асфальтом чёрным
июнь, пока ещё летают пчёлы
вокруг твоих распаренных хором
и за окном дожди холодным хором
не завели – о расставанье скором
и – до июля – в отпуске Харон...

сегодня родина в окне
и завтра будет снова
тяжёлый век тяжёлый снег
тяжёлый сок сосновый

уедешь в лёгкие края
под тёплые созвездья
и только родина твоя
останется на месте

пусть страны на краю земли
кружатся мотыльками
и только родина вдали
лежит тяжёлым камнем

вот уже опять города в тоске
холода сугробы

мы живём с тобой на одном языке
под одним небом

на одном языке нам бы петь с тобой
только нет песен

то ли плох язык, то ли холод злой
то ли рот тесен

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКАЯ КУХОННАЯ ПОЭМА

1
вот чайник маленький лопочет о любви
сковорода ему, уверенная, вторит
на этой кухоньке кого ни назови
все о любви теперь, наивные, гуторят

и кран ворчащий, и картина над столом,
и полка старая, и самый гнутый вертел –
на этой кухоньке, напоенной теплом
все – о любви теперь
и только я – о смерти

2
там, за окном – Борис и Глеб
и улица дождём умыта
а здесь, на кухне – рис и хлеб
и прочие приметы быта

и если форточку открыть
ворвётся в комнаты цветущий
прохладный май. и может быть
проветрит этот дом, где – тучи

где чёрен чай и чёрен хлеб
а белый рис и белый сахар
ещё теряются во мгле
наполненной полночным страхом...

3
однажды почувствуешь остро
так, словно под рёбрами – нож:
как суп из пакетика – просто
и очень невкусно живёшь

а жизнь (хоть сравнениям грубым
ты сопротивлялся всегда)
уходит по фановым трубам
как всякая, впрочем, еда

и хмуришься, высоколобый
от мысли, что это – твой крест:
жить словно лапша из столовой
пока тебя время не съест...

4
...отыскивая потаённый смысл
в неторопливой чайной церемонии
как ложечкой чайинку ловишь мысль –
«стихи в поэте – косточки в лимоне» и
глядишь, как зайчик солнечный дрожит
придавленный тяжёлым подстаканником
и тает жизнь – попробуй удержи –
как струйка пара над кипящим чайником...

5
вот хлеб и чай
и чайник греется
и лук зелёный на окне

весною всё на всё надеется
а осенью, обычно – не

но если снова зиму прожили
сними уныние с лица

раз на окне рисуешь рожицы
и чай заваривается

6
во мне однажды кончится завод
и мой матрас меня переживёт

и я уйду. и шторы на окне
прощаясь, из окна помашут мне

стакану, умывальнику, игле
пускай легко живётся на земле

обидно только – всякая фигня
намного долговечнее меня

Пока играет Вольфганг Амадей,
я понимаю, что люблю людей.

И эта вот весёлая игра –
как яркий свет, как тонкая игла.

И, тоненькой уколотый иглой,
я становлюсь спокойный и не злой.

И верю – всё, что люди говорят
мне про тебя – всё выдумки и зря.

Ах, как чиста игла! Как ярок свет...
Но музыка всё врёт.
А люди – нет.

Родился в 1962 году в Башкортостане. В 1984 году окончил Бирский государственный педагогический институт (физико-математический факультет), по распределению попал на Дальний Восток, работал учителем, был классным руководителем. Заочно окончил Томский институт автоматизированных систем управления и радиотехники. Первая большая работа – запуск полностью автоматизированного мини-завода ЖБИ (Амурская область).

Илгиз Ахметов

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

«Я должен был остаться в институте, заниматься научной деятельностью. Но в том году сверху пришло распоряжение – отправить сто пятьдесят молодых специалистов в эти неизведанные дали. Из этого числа – сто человек с нашего физмата. Тогда проректор по научной работе, мой научный руководитель, Варисов Альберт Заитович вызвал меня к себе: "Приказывать не могу... Но я прошу... Может, поедете?" На следующий день мы, молодая семья, то есть я со своей беременной женой пришли в деканат записаться первыми добровольцами. А за нами уже потянулись... "Трудно будет – дай знать. Отзовём". Но разве я отступлю? Да, трудности были на каждом шагу. Мы оба работали в школе. Я был классным руководителем первого выпуска. Там, на краю земли, родились трое наших детей... То, о чём я пишу, это мой путь. Не всегда однозначный, порой противоречивый. Я хочу, чтоб больше никогда не повторялось то, через что мне пришлось пройти...»

Повесть (в сокращении)

Глава 1. Юрий Васильевич

Белый потолок над головой был уже противен – я знал наизусть каждое пятнышко, каждую царапину...

Наконец меня перевели в общую палату областной больницы... С левой стороны у стены неподвижно лежал худой жилистый человек с впалыми глазами. Изредка он делал какое-нибудь простое движение. Как робот. Или механический манекен. Я ворочался, то и дело издавая отрывистые звуки...

– Ворочаться долго будешь? Будешь стонать – пинка получишь!

Я лежал, пытаюсь заставить себя не стонать, лишний раз не двигаться. А сам украдкой на его сторону поглядывал... И что я увидел – на полу, под кроватью, лежат две ноги – два протеза: одна ниже, другая выше колена... Боже! «Пинка получишь!..»

– Что? Копыта мои увидел? Делать нечего – без них мне никуда... Хоть и деревянные, носят меня. Ну что, отлежал бока-то? Айда, поднимись, посиди малость, легче станет.

Только присел на край кровати, чувствую, воздуха не хватает, голова как будто не своя.

— О-о-о... Рановато ещё, оказывается, тебе подниматься... Сделай вдох поглубже. Чутко удержи дыхание. Выдыхай. Слегка нагнись вперёд. А теперь — вдох. Выпрямляйся со вдохом. Ну как, легче?

Прошёл час. Мне действительно стало лучше. За это время мы уже успели познакомиться: его слова лечили меня, успокаивали, вселяли уверенность... Юрий Васильевич, так звали моего собеседника, оказался прекрасным рассказчиком.

* * *

Много лет назад, рано потеряв родителей, Юра попал в детдом. Повзрослел рано. Закончив школу, оказался на улице: родной дом давно чужие люди заняли... Попытался доказать кулаками — оказался за решёткой. Объяснили. Жёстко и доходчиво. Пришлось уехать — хоть куда, лишь бы подальше. Он и мешки выгружал в порту, и дворником устраивался ради жилья, но как только узнавали, что жизнь его началась с решётки, сразу желали доброго пути. Шли дни. Серые, похожие один на другой. Без веры и надежды на будущее. Наверное, так и пропал бы Юра. Если бы...

В тот день он, как обычно, отправился разгружать вагоны. Только что ушёл пассажирский скорый поезд. На перроне остался только один человек. Он стоял, опираясь на костыли, и тяжело смотрел на чемоданы...

Юра заметил его ещё издали:

— Ну что, пойдём, помогу...

За последние полгода Юра впервые увидел доброе человеческое лицо.

— Ну пойдём, коли так. Похоже, меня всё равно никто не встречает.

Седоволосый инвалид оказался подполковником в отставке. Ногу отняли в этом году — и сразу в отставку.

— Эхо войны, — сказал он. В голосе прозвучали нотки нестерпимой боли...

Разговаривали долго, это было приятно обоим. Со стороны, наверное, казалось, что внук бережно ухаживает за дедом. Имя «деда» в памяти не сохранилось. Остался лишь «товарищ подполковник»...

Небольшой домик с видом на Волгу в пригороде Волгограда встретил их без особого оптимизма.

— Ммдааа-а... Домочадцы мои и не появлялись здесь. Грядки бурьяном заросли. Дом паутиной покрылся. Забросили гнёздышко...

Юра вмиг изменился, проснулось какое-то чувство — доселе ему неизвестное. Он поймал себя на мысли, что хочет сделать что-то хорошее этому человеку... Они оказались рядом — два одиночества. Как пара костылей...

День пролетел в одно мгновение. Юра успел и бурьян прополоть, и двор подмести, а к вечеру на столе пел самовар, на плите варился борщ, наполняя ароматом весь дом.

— Ужин готов! Прошу занять позиции, товарищ подполковник!

— Да ты настоящий солдат, Юрий! Из тебя замечательный офицер получится!

Слово было сказано. А подполковник слов на ветер никогда не бросал. Значит, так тому и быть...

...Через несколько лет Юра стал таким, про которых говорят: «Рембо отдыхает». В его группе все были настоящими воинами: справлялись с любым заданием, отлично управляли любым наземным, водным и воздушным транспортом, прыгали с парашютом, владели любым оружием в совершенстве. Они были элитой вооружённых сил.

Десять лет пролетели как один день. По случаю присвоения очередного воинского звания — капитана, его наградили отпуском. Юра, теперь уже Юрий Васильевич, одетый в парадный мундир, сошёл с трапа самолёта; такси мчал его через весь Волгоград. За окном весна благоухала запахом черёмухи; вокруг всё было просто хо-ро-шо! Прибыли. Знакомый дом. Всё та же калитка. Только деревья стали повыше...

— Вы к кому?

Юрий Васильевич стоял как парализованный. Он ничего не слышал и не видел. Только сердцем чувствовал — опоздал...

— Товарищ военный, вы кого-то ищете?

— Здесь подполковник в отставке жил...

— Так он ведь умер давно. Уж два года как. А вы кем ему будете?

— Сын... я... его... — наступила тяжёлая пауза. — Приёмный...

Почему он так сказал? А ведь сказал не он сам, а его сердце...

— Ай-яй-яй... Сын... Да ещё военный... Где же ты был, сын? Последний год водичку ему подать некому было...

Юрий Васильевич грузно упал на колени. Огромный букет белой сирени рассыпался перед калиткой. Никто не слышал, как он плакал. Только слёзы обжигали тропинку, где когда-то ходил подполковник...

... Через полчаса поезд увозил его и эту неподъёмную ношу, его неоплатный долг перед памятью теперь уже навечно своего старика, чьё седое лицо олицетворяло всё хорошее, что только было у него в жизни. Каждый свой шаг теперь он делал во имя искупления этого долга. И это становилось частью его долга перед Родиной.

Глава 2. Винтик, отслуживший винтик

Юрий Васильевич становился всё малословнее, совершенство его боевой подготовки — всё более фантастическим. Армия была для него всем: и семьёй, и домом, и работой, и досугом, и даже развлечением. Один простой пример: он пальцами запросто мог выдернуть из забора старый гвоздь и, бросив, сбить летящего воробья.

Их подковывали в духе марксизма-ленинизма: политинформации, политзанятия, индивидуальные беседы. Каждый из них был винтиком огромного механизма. Винтики можно использовать, отложить про запас, потерять или просто выбросить — никто и не заметит! Так происходило часто. Создавали, потом засекречивали, потом отправляли на запас, на хранение, в архив — куда угодно, лишь бы подальше. А потом выбрасывали... как туалетную бумагу...

Одна африканская страна, условно назовём её Анголой, стала зоной жизненных интересов СССР. Партия решила, что в этой стране будет политический переворот, и он случился.

Группа Юрия Васильевича сбросилась под утро: часы показывали 3 ч. 30 мин. Время, когда хочет спать каждая клеточка нормального человека. Потому их никто не заметил, да никто и не ожидал. Эта тёплая ночь для спокойной тропической страны оказалась последней мирной.

Время было распределено по секундам. К 10 часам утра вся «работа» была выполнена. Правительство свергнуто, здание правительства взорвано. Теперь можно и домой. Обратный путь к заданному квадрату пролегал меж двух развалин. В целях осторожности Юрий Васильевич стал подниматься на пригорок справа. Только группа вошла в коридор, произошёл взрыв чудовищной силы. Шансов выжить не оставалось.

Когда Юра пришёл в себя, сразу понял, насколько сложна ситуация. Правая нога вывернута ниже колена. Большое бурое пятно крови говорило об открытом переломе. Живот тоже был мокрым. А дальше было ещё хуже. Через правый край живота, насквозь пронзив всё тело, торчала арматура. Снять себя он не мог. Время работало против него: кровопотеря продолжалась.

Послышались голоса. Это на грохот взрыва пришли местные стражи порядка. Похоже, старший шёл впереди. За ним ещё трое при оружии. Юру они не видели: изломанная бетонная плита была хорошим укрытием. Пришпиленный арматурой, он не мог ничего. Чтобы не сдаваться, на всякий случай приготовил пистолет. Не понадобилось. Когда группа подошла к центру взрыва, неожиданно прозвучали выстрелы. Сначала два, почти дуплетом, спустя секунды ещё два. Стреляли метко. Точно в голову. «СВД, снайперская винтовка Драгунова? — подумал Юра, — так ведь здесь наших быть не должно...» Но почерк знакомый. Ещё выстрел. Потом ещё один. Пистолетные. «Кольт, — промелькнуло в голове. — Ликвидатор... Неужели?» Не верилось. Мысли путались.

Но не это теперь было главное. Юра снял поясной ремень, вскрыл экстренный комплект. Ампулы под левым подкладом тоже уцелели. Надо отключить боль. Но дотянуться до позвоночника было невозможно: арматура не

давала. Укол пришлось сделать внутримышечно. Время пошло. Через 3–5 минут начнёт действовать, через 4–5 часов перестанет. Надо успеть.

- Солдат должен жить! Выжить! Героем!
- Есть выжить! Товарищ подполковник!

Юра размотал нить пилы с алмазной пудрой, пропустил её под собой — на это ушло больше часа. Зато спилил за пять минут! Он понимал, что спиленная арматура начнёт падать, потому подготовился заранее: в рану сверху влил вторую ампулу, проверил, нет ли заусенцев на распиле. Только потом допилил. Арматура оторвалась, стала падать, Юрий Васильевич молниеносно схватился и выдернул её. Потерял сознание.

Когда очнулся, птицы клевали его застывшую кровь. А он — беспомощный, израненный, переломанный, лежал на этой чужой земле, которой он, кроме горя, ничего не принёс... Спешно обработав, зашил раны на животе. Обнадёживало то, что кишки и печень не пострадали: железка прошла через мягкие ткани, но Юра на всякий случай оставил дренаж, изготовив из бельевой резинки, из трусов выдернул. Это уже потом он убедится, что правильно сделал — гной перестал идти только через неделю. А вот нога была действительно безнадежна: мало что открытый перелом, да ещё птицы поклевали...

Солнце пекло всюду. На пригорке началась роща. Надо добраться. Вколочил в колено последнюю ампулу и пополз. Сначала попробовал на спине. На левом боку оказалось менее болезненно. Вот, наконец, долгожданная прохлада тени. Подобрал две деревяшки, наложил на ногу шину, обвязав всем, что было — в ход пошли ремень, лоскуты гимнастёрки и даже нить пилы. Сам того не подозревая, спрятал инструмент на сломанной ноге...

Вдруг почувствовал еле уловимый запах. Это оказался запах брошенного бычка «Беломора».

– Неужто наши... — горькая мысль снова обожгла душу.

Значит, чутьё не обмануло. Недалеко лежал труп. Две раны. Два выстрела. Кольт. Второй выстрел — контрольный. В голову. Юра его знал — занимались вместе. Из одного котелка

хлебали. А как обернулось... «Жизнь одного человека ничто во имя судьбы партии» — промелькнули в голове слова политука.

Осмотревшись, Юра заметил кровь чуть на стороне. Переворачивали. Значит, ловушка: граната под трупом. Он заметил невидимые простому человеку две нити. Осторожно выдернул край ветровки, вырезал оттуда ампулы: это единственное, чем мог услужить его старый знакомый...

А на далёкой Родине родные снайпера Сироткина получают пакет со штампом, где будет сказано, что он героически погиб, исполняя долг перед Родиной, партией и советским народом. Похоронят закрытый пустой гроб... Когда-нибудь взорвётся граната под ним... Разбросает его прах. Это будет его последний салют. Винтик отслужил. Списан. Выброшен. Забыт...

Укол подействовал почти сразу. Боль отступила. Юрий Васильевич пополз. Он отчётливо помнил карту местности. До границы — километров тридцать. Далековато. Но это единственный шанс выжить. По пути нашлась удобная палка. Идти стало легче и быстрее... К рассвету позади осталась почти половина пути.

У ручья остановился на привал. Жадно пил. Организму требовалось много воды, чтобы компенсировать потерю крови. Он промыл раны на животе, отстирал тряпки и сделал перевязку. Разрезав брючину, осмотрел ногу, промыл, туго забинтовал. Как жаль, что фляжка со спиртом раздавилась, хорошо бы ногу обработать.

Наверное, на кровь от бинтов в воде стали собираться рыбки. Сначала мелкие, потом и покрупнее. Когда появилась одна за полкило, у Юры даже глаза заблестели. Спешно отрезав кусок тряпки с засохшей кровью, он проткнул его прутиком и воткнул в мелкоте почти у берега. Долго ждать не пришлось: крупная отгоняла мелочь и была почти рядом. Выждав момент, рогатиной прижал рыбу к твёрдому дну. В следующее мгновение проткнул её насквозь второй палкой. Чувствовал, что сил маловато, потому и не спешил: ждал, когда рыба ослабнет. Только потом перебрал её на берег.

– Завтрак — главная трапеза дня!

– Да, товарищ подполковник!

Глаза заморекрили... «Сила бойца на кухне куётся!»

Разжечь костёр не составило труда: он отрезал узкую полоску ремня, натёр до нагрева две сухие деревяшки и вмял меж ними ремешок... Пошёл дымок... Затем — пламя. Жаль, что чай не в чем вскипятить. И шоколада нет. Юра улыбнулся: «Не хочу чай без шоколада!» Как мало человеку для счастья надо! Всего лишь победить. Одолеть себя. А потом сытно и вкусно поесть...

Глава 3. Ампутация

Юрий Васильевич не ожидал, что так легко перейдёт границу. Ни на этой, ни на той её стороне никто не встретился. Раз его не нашли пограничники, он должен найти их сам... К вечеру впереди появились постройки. Местного языка он, конечно, не понимал, потому и решил: будь что будет. Его появление заметили не сразу. А может, просто не обращали внимания. На земле валялась посуда. Взяв её, Юра пошёл к колодцу, типа нашего журавля. Зачерпнул ведро воды, отмыл начисто посудину, натирая песком, сполоснул, стал пить. Потом зачерпнул ещё раз, поставил подальше от колодца, сел и начал разматывать повязки на сломанной ноге. Угроза гангрены была реальной. «Товарищ подполковник, по вашим стопам иду...»

Становилось ясно, что нога не заживёт. Подошли несколько человек, молодой мужчина прикоснулся к его плечам и заговорил на своём языке, показывая то на сломанную ногу, то в сторону домов. Было понятно, хотят помочь, надо куда-то идти...

Его отвели в медпункт... Появилась маленькая надежда. Однако воспаление, характерный запах, выделение тёмной жижи — всё говорило о неминуемости гангрены. К рассвету стало понятно — без ампутации не обойтись. Утром, когда подошли люди, Юра стал им объяснять, что ногу придётся отрезать: они очень огорчились. Труднее всего было объяснить, что нужно вскипятить масло и им прижечь срез. Когда поняли, женщины стали плакать, обнимали его за голову, целовали, становились на ко-

лени. По всему было понятно: они спрашивали, нет ли другого способа. Медить было нельзя. Воспаление поднималось всё выше. Уже началось заражение в суставе. Значит, колено не сохранить... По просьбе Юры позвали двоих мужчин. Операция началась. Вколдовали обе оставшиеся ампулы, отключили ногу. Наложили жгуты. К тому времени Юра успел объяснить, что и как нужно делать. На случай потери сознания. Он терпел: помогал, когда отрезали сухожилия, поднимали мышечную массу. Когда стали пилить кость, не выдержал. Отключился.

– Понимаю, тяжело. Но жить надо. Надо выжить!

– Есть выжить, товарищ подполковник!

Очнулся от влажного прикосновения. Юра открыл глаза. Женщина вытирала ему лицо. В её глазах бриллиантами блестели огромные слезинки...

Нога уже была отпилена, накладывали последние швы. Слышно было, как где-то рядом разогревают пальмовое масло... Странно, боли не было. Наверное, организм ещё не оценил потерю. Вот начали заматывать верхнюю часть ноги поверх бинтов столовой клеёнкой, защищая от лишнего ожога. Никто, наверное, не знает точно, кто и где изобрёл этот варварский способ прижигать раны кипящим маслом, но его использовали ещё в глубокой древности. И до сих пор не придуман более действенный и безотказный способ...

От боли ожога Юрий Васильевич опять провалился в бездну. Огорчённо смотрел седой подполковник, покачав головой, пытался успокоить: «Без ноги тоже можно жить. Была бы голова, а шапка всегда найдётся...»

В этот раз он пробыл без сознания намного дольше. Когда пришёл в себя, солнце уже стояло высоко. Рядом сидела молодая африканка в белом халате и дремала. Окна были открыты. Оттуда доносился шум детворы, птичье пение. Здесь жизнь течёт своим чередом. И народ живёт в мире и согласии. С соседями, с природой: вот ему помогли... А ведь он не с миром пришёл... Как это плохо — быть пешкой в чужих руках, быть винтиком.

Девушка вздрогнула, проснулась. Заулыбалась, радостно вскрикнула, соскочила и под-

бежала к открытому окну. Что-то крикнула в окно и сразу же вернулась обратно к нему. Влажной тряпкой вытерла его лицо, руки. Ему было просто хорошо. Как будто не было беды. Забежали дети, окружили его, тумбочки обставили букетами цветов, а сами говорили, говорили... Перебивая друг друга... Они восхищались им. Да и белого человека они видят не каждый день. А может, и впервые. Для них он — герой. Сильный, всемогущий человек.

Дня через три-четыре за ним приехали представители власти и увезли. Юра был почти уверен, что его сдадут в посольство, а потом он отправится домой.

Глава 4. Побег

Но его привезли в частный зажиточный дом. Спустились вниз, завели в комнату. За спиной лязгнули тяжёлые засовы. Единственное окно было с решёткой, и у самого потолка. Были умывальник, туалет и два топчана. На одном лежал молодой африканец крепкого сложения, босой, в сильно изношенной одежде.

Снаружи послышался шум. Открылось окошко в двери, появилась голова пожилой строгой женщины. Африканец, улыбаясь, разводя и размахивая руками, стал подходить к двери. Но после нескольких её слов присмирел и сел на место. Дальше она говорила так, что Юра приблизительно понял. Она приказала африканцу отнести еду на стол для Юры. Окошко закрылось, и африканец с важным видом подошёл и забрал чашку. Юра погрозил пальцем и помотал головой: нельзя этого делать, но африканец нагло показал фигу. Не раздумывая, Юра схватил фигу и сжал в кулаке. Приглушённый гортанный звук и хруст пальцев прозвучали почти одновременно. Коронный удар левой в ухо надолго успокоил верзилу. Ведь всё просто — веди себя как человек, разве он не поделился бы?..

Прошло несколько дней. По просьбе Юры дважды в день приходил санитар. Обрабатывал ногу и менял повязку. Юре также дали столярный инструмент и дерево, чтобы мог изготовить себе протез. Африканец во всём ему помогал. Говорят, дурной пример заразителен. Оказывается, и положительный

тоже! Впервые взяв в руки столярный инструмент, молодой человек увлёкся работой.

Они учили друг друга языку, каждый своему. Самое смешное, что наряду с «да» и «нет» африканцу легче всех запомнилось «ё-моё».

Наконец наступил пасмурный февральский день, когда перед ним открыли двери. Моросил дождик. Юрий Васильевич посмотрел на небо. Тяжёлые облака висели низко и быстро плыли на север. «В нашу сторону...», — с тоской подумал Юра.

Оказалось, его просто купили. Как товар. Как собачку на птичьем рынке. Значит, это была не частная тюрьма, а отстойник. Здесь торговали людьми.

На следующий день он и стал цепным псом, охраняющим дом своих новых хозяев. Всю дорогу Юра проспал. Видно, в бутылке минеральной воды было снотворное. Потому он и не заметил ни перелёта, ни таможни. Его посадили на инвалидную коляску, сняли с ноги протез. А на таможне сказали, что он только заснул, боли сильные, лучше не беспокоить. И не беспокоили. За деньги, разумеется. Сказали, везут на лечение. За протезом едут.

Юра проснулся только на следующий день в такси. Они ехали по объездной дороге большого города. От лошадиной дозы снотворного ломало всё тело, болела голова. Но Юра всё же увидел кое-что важное. Это были знаменитые «тарелки». «Город Касабланка? Когда успели? Ведь это несколько тысяч километров!»

Всё предусмотрели, сволочи. Протез сняли. Костюм надели с пришитыми рукавами... Не шелохнёшься. За городом проехали ещё с десяток километров. Солнце справа. Значит, едем на север. Слева должен быть порт. Должно быть много кораблей, может, и наши есть...

Ещё несколько минут езды — и машина остановилась, заехав во двор. Юру отвели к стене сарая и посадили на перевёрнутое старое ведро. В какой-то момент все враз набросились на него, повалили на землю и держали, как кабана при забое. Надели на здоровую ногу кольцо типа кандалов, электросваркой приварили цепь. Пахло горелым мясом, а сварщик продолжал варить... Наконец всё

закончилось. Облили ногу холодной водой. Металл шипел. От ожогов нога покрылась волдырями. Отпустили. Все отошли. Встали полукругом. Смотрят. Любуются на своего нового «охранного пса». Такое унижение...

Юркина жизнь превратилась в собачью. Еды давали не всегда, иногда даже воду забывали приносить. Юра потерял счёт времени. Оброс. Иногда и жить не хотелось. Но даже самоубийство совершить нечем. Он вспомнил, как собаки прячутся от жары. Юра стал рыть землю. Это хоть как-то отвлекало от тяжёлых мыслей. И вдруг — удача! Откопал обломок старого напильника. Медлить было нельзя. Левая нога на месте сварки болела постоянно. Место ожога не заживало. Если так лежать — и вторая нога пропадёт.

За неделю упорного труда на стальном кольце появились два надреза. Теперь оставалось только ждать. И долгожданный час настал. В те дни шли ливневые дожди. У хозяев был праздник. Видимо, очень значимый — Юре вынесли большую чашу еды. Было даже мясо. Очень кстати. Подкрепившись, Юра на то место, где обычно лежал, набросал землю, накрыл лохмотьями. Только потом раздвинул и отломил кольцо на ноге. Надел протез, взял своё единственное оружие — обломок напильника. Если всё будет нормально — до утра не хватятся. Значит, есть время, почти семь часов, это хорошая форa. На улице никого не было. По пути снял с забора проволоку, примотал к костылю.

Сквозь ночную темноту Юра пробирался туда, где на зеркальной морской глади стояли корабли. Впереди его ждала свобода. И, конечно, дорога домой.

По лаю собаки и отрывистым звукам Юра понял — обнаружили его исчезновение. Спасительная вода становилась всё ближе, вот уже и омытый приливом песок. Тут проваливаются его костыли. Юра падает, как обидно!

— Вперёд! Только вперёд!

— Есть, товарищ подполковник!

— Если ноги бессильны — руки выручат!

Сильные руки волокли тело к воде. И вот вода! Юра отстегнул протез, скрутил вместе с костылями проволокой и, опираясь на них, как на плот, поплыл. Когда на берегу появи-

лись люди, он был уже очень далеко: приблизился к судну, стоящему на рейде. Ослабший Юра схватился за якорную цепь...

С первыми лучами солнца судно дало длинный гудок. Якорь стал подниматься, и Юра оказался на судне, вернее, в якорном тоннеле... Берег отдалялся. Судно вышло в море, взяв курс на север. Юрий Васильевич из последних сил вскарабкался по цепи и, падая на палубу, потерял сознание.

Вахтенный с рубки, увидев его, поднял дежурную группу... Юра оказался в корабельной санчасти. Его бессознательное состояние сменилось сладким мирным сном. Впервые за полтора года он помылся, побрился, поел по-человечески.

Судно было английским. На всякий случай Юра сделал вид, что языка не знает: осторожность не повредит. Нашли матроса, знающего русский. Юра рассказал, что он турист, во время экскурсии заблудился, сломал ногу, его нашли африканцы, отрезали ногу, продали в рабство. Юра показал место сварки кольца цепи на левой ноге, приподняв брючину, и понял, что ему не верят. Оказывается, им по радио уже передали о побеге из тюрьмы опасного преступника и обещали вознаграждение. Юра делал вид, что не понимает, благодарил за спасение. А в ответ услышал на английском: «Да тебе спасибо за такую сумму!»

Сначала за ним следили, а через час совсем забыли: «Куда сбежишь — кругом вода!» А бежать надо. Если сдадут — шансов не будет. На леере правого борта Юра заметил аварийный комплект: ящик оранжевого цвета. Он знал: внутри находятся самонадувной плот, 5 жилетов, аварийный буй. Сигнал о вскрытии поступает вахтенному. Опытный глаз быстро нашёл кабель сигнализации, надо лишь его перерезать. Украсть скальпель в санчасти нереально. Осталась столовая. Кухонный нож. Годится. Решено. «Цепи сигнализации европейских кораблей выполнены по однопроводной системе с напряжением 110 вольт и работают на замыкание цепи...» Всё, как по учебнику.

Во время ужина Юра, будто нечаянно, на свой поднос вместе с ложками и вилкой положил два сервировочных ножа. Один из них

незаметно перекочевал в карман. Сразу после ужина и осуществил задуманное. Обмотал полоской столовой клеёнки ручку ножа для изоляции и выполнил задачу без сучка и задоринки. Уже через несколько часов стемнело. Далеко на восточном горизонте замигали огни. «Так это что — Лиссабон? Испанский берег? Португалия!»

Юра быстро связал протез и костыли. Жилеты были со светоотражающими полосками. Он вытащил буй, отрезал на нём питание, закрепил костыли и выбросил за борт. Следом выпрыгнул сам.

Когда покидаешь борт таким образом, самое главное — чтобы тебя не затянуло винтами. Поэтому надо оттолкнуться, как можно сильнее. Сделать это трудно, а одноному — ещё труднее... Но ему повезло! Да ещё как повезло! Такое везение можно сравнить разве что с божьей милостью. Если бы он опоздал ещё на два часа, уже ничего исправить было бы нельзя.

Луна только поднималась: начинался прилив. Течение несло Юру к берегу. Да и он плыл изо всех сил. Особенно после того, как увидел катер, который нёсся на предельной скорости к только что покинутому Юрой английскому кораблю.

Глава 5. Глухонемой мастер-калека

Выбравшись на каменистый берег, Юра стал искать временное убежище. Надо быть готовым ко всему. Вот-вот начнётся отлив.

— Хвосты надо отрубать вовремя!

— Есть, товарищ подполковник!

Отмотал проволоку, освободил буй и толкнул его подальше, предварительно надрезав с одного края английским столовым ножом. Волны подхватили добычу и, обняв могучими волнами, унесли обратно в море. Юра прополз по каменистому берегу ещё с десятков метров и, добравшись до двух огромных камней, заполз в маленькую уютную пещеру, где и вздремнул, точнее, отключился от усталости.

Очнулся от звуков сирены пограничного катера. Оказывается, эти идиоты в поисках Юры прочёсывали прибрежные территориальные воды чужой страны. Но граница — святая

линия. Она охраняется законом. И никто не вправе её нарушать... Друг за другом ушли две ракеты. А дальше — как в песне: «Вдали пожар и смерть, удача — с нами!» Право, радоваться чужому горю нехорошо. Но что поделаешь, нет худа без добра.

Юра проснулся с первыми лучами солнца, внутреннее чувство подсказывало ему, что всё позади. Только неясно, откуда такие предчувствия... Он в чужой стране, без документов, денег и вообще нелегально. Допустим, он обратится в посольство, что скажет — правду? Тогда он преступник. И не просто преступник, а международный террорист. Пожалуй, единственно верный путь — стать невидимкой. Глухим, немым, безликим. Таких много в любой стране.

Итак, в путь! Юрий Васильевич надел протез, взял костыли и пошёл навстречу неизвестности. Но во всём можно найти рациональное зерно. Ведь оказаться здесь лучше, чем быть прикованным к цепи. Да и домой вряд ли есть смысл возвращаться. Если взорвали те, кто стрелял, значит, был приказ уничтожить его группу как ненужных свидетелей.

Ещё в детстве Юра познакомился с глухонемым парнишкой. Многие его жесты хорошо запомнились ему. Теперь это кстати. У жестов нет национальности.

Юра уходил по заросшей травой обочине всё дальше и дальше от берега. Когда возле него остановилась машина, он вздрогнул, повернулся. Вышел молодой мужчина, пересадил жену на заднее сиденье, к детям, было понятно, что хочет помочь. Юра с трудом сел в машину, сняв протез. Дети с заднего сиденья смотрели и шептались между собой. Наверное, они впервые видели человека без ноги...

Ехали долго. Юра, усталый, голодный, вздремнул... Остановились на заправке. Решив выйти по нужде, он надел протез, взял костыли. Но когда вернулся, их уже не было. Что ж, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь...

— Уныние — удел слабых.

— Да, товарищ подполковник.

Солнце уже клонилось к закату. Подъехала красивая машина с открытым верхом. Вышла элегантно одетая молодая женщина. Встави-

ла заправочный пистолет и пошла к окошку. Может, боялась испачкаться, может, просто не умела — но пистолет под напором бензина из горловины выпал. Юра бросился к машине, сумел остановить колонку. Большая лужа бензина растекалась по бетонным плитам и медленно впитывалась через щели и трещины. Испуганная женщина, скороговоркой поблагодарив, сунула ему приличную сумму. В этот момент к заправке свернула другая машина. Юра ещё издали заметил сигару у водителя и изо всех сил поспешил навстречу. Успел. Машина остановилась метрах в тридцати от лужи. Прибежал, задыхаясь от волнения, пожилой оператор-заправщик. Когда недовольный водитель, наконец, всё понял, то изменился в лице. Он оказался местным фермером и в благодарность оставил целый ящик спелых, красных помидоров.

Позже, когда Юра стал понимать по-испански, узнал: оказывается, многие ехали именно к этой заправке специально, чтобы показать детям, как трудится глухонемой да ещё безногий человек. Но это было потом. А в этот вечер они вдвоём — Юра и заправщик — дружно подмели заправку, всё почистили и вытерли. После ужина Юра там и остался. Дворником при заправке. На целых полгода.

В течение дня он подметал территорию, вытирал окна, протирал стёкла машин. Естественно, водители платили, он не отказывался.

Насколько велико было удивление хозяина заправки, когда вечером Юра принёс все деньги в кассу. Хозяин оказался хорошим человеком: помог ему с документами. Сделать это было просто невозможно, но удалось найти лазейку в законе и получить условное удостоверение личности. Это позволило оформить его на работу, дать право на жильё. Так Юра стал почти гражданином Португалии. Хозяин дал ему комнату, недалеко от заправки, где у него был ещё и небольшой автосервис.

Юра просыпался рано, выходил во двор и делал утреннюю гимнастику. Выходил он без протеза, в футболке и трусах, качался на турнике, ходил на руках. В завершение давал круг вокруг двора. Он часто замечал, как за ним подглядывают. Если смотреть со стороны,

казалось что он действительно бежит, только почему-то перебирая руками верхушки забора. Потом он умывался, завтракал, надевал спецовку и принимался за работу. Подметал возле дома, автосервиса, потом шёл к заправке. К тому времени он изготовил себе новый протез — с коленным шарниром. Даже стопа была как настоящая. Ребята из автосервиса помогали, чем могли. Юрий Васильевич постепенно научился обходиться без костылей. Его успехам радовались все, особенно хозяин. Ещё бы! Ведь с появлением Юры у него от клиентов отбоя не стало.

Несколько лет жизни в этой тихой и спокойной стране, возможно, были бы самыми счастливыми в жизни Юры. Но всё чаще он видел во сне белые берёзы, живописные берега Волги-матушки, вспоминал старый дом отставного подполковника, яблони, чьи ветки гнулись от тяжести спелых плодов... Там Родина. Там его корни, его прошлое...

В один прекрасный день Юра услышал на заправке родную речь. Сам того не ожидая, он подошёл и протянул руку:

— Здорова, земля что ли?

— Ты что, русский?

Родной язык ласкал уши, ожило какое-то необъяснимое чувство, доселе дремавшее в потайном уголке его души.

Глава 6. Домой!

Родная речь. После стольких лет немой жизни впервые произнесённые слова...

— У нас ведь теперь перестройка! Свобода! Демократия! Возвращайся смело! Кто тебя, инвалида, преследовать будет! Да и не до тебя им, властям. У всех на уме одно — приватизация...

В общем, Юра улетел в Союз.

Он смотрел в иллюминатор и улыбался. Белые облака стелились до самого горизонта, как символ чистоты и бескорыстия. Он невольно закрыл глаза и начал строить планы на будущее...

На таможне у Юры потребовали снять протез для досмотра. Вернули только через четыре часа — в разобранном виде. А чтоб собрать, даже элементарную отвёртку отказались дать.

Когда протянул руку, чтобы забрать алюминиевые стойки протеза, какой-то придурок, позарившийся на цветмет, кинулся в драку. Драка была короткой: Юрий Васильевич схватил его кисть левой рукой и сжал. Глаза у смельчака выкатились, как фары на «Запорожце»... Он сам согласился собрать протез. Но подлым людям верить нельзя. В следующее мгновение на руках Юры сомкнулись наручники. Ударом в затылок его сбили с ног и принялись избивать. А в завершение тот самый придурок схватил основу протеза и с криком: «Ах, тебе нога твоя нужна? Получай!» — ударил по кости левой ноги. От перелома Юра потерял сознание.

— Страшно не тогда, когда враг перед тобой. Страшно, когда враг среди своих.

— Так точно, товарищ подполковник!

Юра очнулся на бетонном полу в одиночной камере. Всё тело болело. Открытый перелом ноги имел явные следы заражения, костный мозг разорван, стопа и пальцы не чувствуют. В этот момент он уже понимал, что нога безнадежна. Лишь бы успеть до гангрены. Он порвал на бинты рукава рубашки и практически без обработки забинтовал.

Глава 7. Допрос

Юру, избитого, без протезов, притащили и посадили на табуретку. Комната допросов была небольшая: два с половиной на три метра. Пол, стены — обиты резиной. Единственная мебель — стол, и тот прикручен к полу. Сняли наручники. Вопросы задавал капитан — совсем ещё молодой, жаждущий повышения. Два лейтенанта стояли позади в позе гестаповских полицаев: широко расставив ноги; с заведёнными назад руками. Среди трёх амбалов Юрий Васильевич казался маленькой букашкой, которую вот-вот раздавят...

— Ваше настоящее имя, фамилия?

— Коваль. Юрий Васильевич. Майор спецчасти №ННН.

— Майор Юрий Васильевич Коваль погиб в 1978 году при исполнении служебного долга перед Родиной. Кто вы, на кого работаете?

— И где же я похоронен? А ребята мои Иванов, Петров, Сидоров? А снайпер Сироткин,

который погиб тогда? Кто его напарник?

— Здесь вопросы задаю я! Отвечайте, кто вы?

— Это действительно я. Взрывной волной меня отбросило. Я был ранен. Позвольте мне встретиться с моим непосредственным начальником подполковником Грибовым.

— Не позволю!

— Доложите тогда подполковнику Грибову о возвращении майора Ковалья!

— Лейтенант, доложите генералу Грибову, — капитан ехидно улыбнулся, предвкушая зрелище.

— Я рад, что его повысили. Я выжил, благодаря его наукам.

— Да кому ты нужен, калека безногий. Руки оторвать — совсем колобком станешь.

Второй лейтенант, который остался, ехидно усмехнулся и добавил:

— Разве что детей пугать.

Зря он это сказал. Ох, зря. Но слово — не воробей. Вылетело — не поймашь...

С грохотом открылась кованая железом дверь, появился генерал Грибов.

— Встать, когда старший по званию заходит!

Эти слова были последней каплей в чашу терпения. Но майор держал себя в руках. В этот момент он уже понимал, что остался один вариант — принять бой. А значит, действовать молниеносно и точно: другого шанса не будет. Он попытался подняться, но разбитая левая нога не могла удержать, и он невольно опустился обратно...

— Лейтенант! Поставьте этот кусок мяса по стойке смирно!

Ехидно ухмыляющееся лицо генерала было в шаге от Юры. Лейтенант уже протянул руку, чтобы схватить и поднять, как требовал генерал, но не успел. Железная хватка левой Юркиной руки изменила всё. В следующее мгновение обмякшее тело лейтенанта с вывернутой шеей уже упало к ногам генерала. Тот нервно вытащил пистолет — и... ошибся. Крепкая рука чуть изменила направление: генеральская пуля попала прямо в голову молодого капитана. Теперь уже вечно молодого капитана...

Юра молниеносно переметнулся на спину своего наставника. Генерал оказался полно-

стью под властью Юрия Васильевича...

— Я говорю — ты слушаешь. Лишнее движение — ты труп. Я спрашиваю — ты отвечаешь. Обманешь — ломаю пальцы. Всё понял?

— Дddd-aaaaa...

— По уставу, тварь, отвечай!

— Так точно...

В это мгновение прибежали два солдата. Иного варианта не было. Прозвучали два выстрела. Стечкин — пистолет безотказный. Юра, как великий кукловод, подчинил своей воле каждую клеточку генеральского тела.

— За что мою группу?

— Мне приказали...

— Ответ неточный! — Юра до треска сжал генеральский палец...

— ...убрать свидетелей...

— Обойма есть?

— Две. Одна в левом кармане.

— Всё будет нормально — выживешь. Совершишь ошибку — шансов не будет. Ты и так уже троих... Пистолет твой — стрелял ты... Всё понял?

— Так точно...

— Выйдем вместе. Вызовешь журналистов. Это — твой единственный шанс. Не заставляй меня тебя убивать. Мне нужны твои ноги.

— Ты не выберешься — тебя снайпер на выходе снимет...

— Не беспокойся за меня. Я не один. Есть ты... Так что умрём вместе, мой генерал.

Юра был как рюкзак на генеральской спине, как всадник, слившийся со скакуном... А генерал — его руками и ногами. Только не головой...

Длинный коридор вёл к выходу, дверей с обеих сторон было много. Надо быть начеку. Надо совершить невозможное — выйти из этого осинового гнезда живым. Грибов, полностью подвластный Юре, даже дышал с ним в унисон...

Застывший от страха на середине коридора третий солдат убежал назад. Медлить было нельзя.

— Вперёд! На выход! Прикажешь бросить оружие, обеспечить транспорт. Как нас учил, так и поступай. Любая ошибка — последняя. Для обоих.

Вышли. Генеральская чёрная «Волга» стояла в трёх метрах от крыльца. После второго шага рука Юры автоматически поднялась вправо-вверх. Прозвучали два выстрела. Чутьё не обмануло. С крыши четырёхэтажного здания конторы с грохотом упала СВД у самой стены. Спустя секунды, приземлился и хозяин с пробитой головой. Так и не выполнив своё последнее задание.

Грибов был человеком твёрдым и потому не любил чехарду кадров. Водитель и телохранитель у него был тот же, что и семь лет назад. Он узнал Юру. Взгляды их сомкнулись, оба всё поняли. В следующее мгновение все трое были уже в машине и мчались в южном направлении. «Ты спросил, кто Сироткина... Ты сбил его напарника. Снайперы долго не живут...»

События эти совпали с другими не менее важными: в стране началась политическая неразбериха. Через неделю никто уже не вспоминал ни о выстрелах, ни о Юре, ни о генерале, подавшем в отставку... и тем более о событиях семилетней давности. Осталась только неподъёмная ноша боли. Как будто кто-то украл его жизнь...

* * *

Вот и всё, повесть дописана. Как будто груз неподъёмный упал с плеч. Я отдал долг Юрию Васильевичу и вечно живому «товарищу подполковнику», истинным сынам Отечества... И в моей жизни были моменты, когда не оставалось ни единого шанса, и я прижимал дуло к виску. И тогда я слышал:

— Надо жить! Выжить надо! Будь сильнее!

— Есть выжить! Есть быть сильнее! — отвечал я, вытягиваясь по стойке «смирно».

А седой подполковник улыбался...

Он всегда радуется моим успехам. ▀

Родилась в Ангарске Иркутской области. Выросла в Димитровграде Ульяновской области. Окончила Куйбышевский плановый институт. Работала программистом, бухгалтером, экономистом, преподавала экономические дисциплины в димитровградском филиале Ульяновского университета. Публиковалась в журналах «Симбирск», «Казань», «Казанский альманах». С 2015 года живёт в Казани. Пишет стихи, сказки, рассказы для детей и взрослых, занимается переводами. Победитель I Международного литературного конкурса «Рух» в номинации «Поэзия: сборник стихов» (Казахстан, 2017)

Рауза Хузахметова

АКЧАЧАК*

На краю села жила старушка. И был у её дома небольшой палисадник с цветами. Очень любила старушка свои цветы. Ухаживала за ними, поливала каждый день, а воду приносила из родника.

Вот однажды несёт она ведро с водой. Увидела её соседская девчонка Чачак:

– Дай, помогу тебе, бабушка.

Донесла ведро, полила цветы:

– Тяжело тебе в такую даль ходить...

Стала она приходить к этой старушке. Смотрит на неё старая и радуется:

– Тебя зовут цветком, ты и сама, как цветок, и за моими цветами ухаживаешь.

Вырос в палисаднике куст удивительный: пышный, белыми бутонами покрыт. Утром бутон развернёт белоснежные лепестки и благоухает весь день. К вечеру отцветёт и осыплется. На следующее утро новый бутон раскрывается. Смотрит старушка и удивляется. «А ведь лепестки не желтеют и не вянут, соберу-ка их, может, на что и пригодятся».

Закончилось лето. Отцвели цветы, у старушки полная корзина лепестков набралась.

Давно не заходила к ней Чачак. Однажды взглянула старушка в окно и увидела её. Вышла из дома и спрашивает:

– Ты что же, доченька, какая грустная?

– Завтра большой праздник, – отвечает она. – Все на поляне соберутся петь, играть да танцевать. Мне и пойти-то не в чем. А я так хотела взглянуть на одного человека.

– Уж не на Айрата ли, что на мельнице работает? – улыбнулась старушка. – Нравится он тебе?

– Да, – прошептала Чачак, потупив глаза, а щёчки у неё так и вспыхнули.

– А ты ему?

Кивнула девушка, не поднимая глаз.

– Что же он к тебе тогда не посватается?

– Не отдадут меня за него, – задрожал голосок у Чачак. – Сирота он, на мельнице живёт.

Мои родители хотят калым за меня получить.

– Не горюй, приходи завтра утром, что-нибудь придумаем.

Вернулась старушка в дом. Достала корзину с лепестками. Взяла самую тонкую иглу, шёлковую нитку и стала эти лепестки сшивать.

Вот приходит утром Чачак. Выносит ей старушка платье и говорит:

– Ну-ка примерь!

Взглянула девушка и ахнула.

Надела платье, наглядеться не может – белоснежный длинный подол из лепестков; кру-

жевные рукава, как лёгкие крылья, колышутся, а нарядный камзол зелёными листьями расшит.

— Какая же ты красавица!

А девушка и впрямь расцвела — глаза блещут, на смуглых щёчках румянец горит, а лицо в улыбке так и светится.

— Ах, бабушка, как же мне тебя благодарить? — обнимает старушку.

— Жаль только, калфак* не успела сшить, — отвечает она. — Ну, да найдётся украшение для твоих чёрных волос.

Достала из сундучка серебряные мониста и с молитвой привязала к девичьим косам.

— Эти мониста счастье тебе принесут, — говорит. — Ну, иди на праздник.

Побежала Чачак, только лёгкий звон в воздухе слышится.

На поляне уже народ собрался. Встали все в круг, в центре батыры бьются, а люди их подбадривают. Подошла Чачак к подружкам, те стали её разглядывать да ахать. Кружится перед ними Чачак в новом платье, смеётся, а сама в круг посматривает: там Айрат борется. Сильный батыр перед ним, только Айрат не уступает. Изловчился он, схватил соперника, поднял над собой да и сбросил на землю, как мешок с мукой, и прижал коленом. Закричали все, поздравляя победителя. Вышел в круг аксакал и вручил сильнейшему батыру приз — шёлковый, расшитый золотом халат. Накинул его Айрат, смотрит на зрителей, ищет Чачак. Встретился с ней глазами, так и просиял.

Зазвучала музыка, вышли девушки в круг петь и танцевать. Все красивы, а только на одну люди смотрят. Старушки перешёптываются: «Кто это?» Старики одобрительно кивают. Молодые женщины только губы поджимают. А парни гудят да языками прищёлкивают: «Ай да красавица!» Вокруг только и слышится: «Акчачак! Акчачак!» Так и стали её называть — Акчачак.

Вернулась Акчачак домой, а там — полный двор парней. Стоят перед её родителями и калым за неё предлагают. Акчачак и говорит:

— Я за того замуж пойду, кто завтра утром

принесёт мне калфак такой же белоснежный, как моё платье.

Разошлись женихи, а Акчачак взяла ведро и пошла к роднику. Идёт мимо мельницы, а мониста так и звенят. Услышал звон Айрат и побежал к роднику. Набирает воду Акчачак, а сама тихо говорит:

— Беги к доброй старушке, что на краю села живёт. Попроси сшить белый калфак и принеси утром в дом моих родителей.

Побежал Айрат к старушке. Велела она утром прийти, а сама села за работу. Утром подаёт ему белый калфак:

— Еслилюбишь девушку, возьми её за руку и приводи в мой дом. Места всем хватит.

Поблагодарил Айрат старушку и направился в дом Акчачак. Там уж полный двор женихов. Все держат перед собой белые калфаки. Обошла их Акчачак и говорит:

— Красивые вы принесли калфаки, да только ни один к платью не подходит.

Протянул Айрат калфак — такой же белоснежный, как платье у Акчачак.

— Вот этот калфак для меня.

Тут вскочил её отец и закричал:

— Не бывать этому! Не отдам тебя за бедняка! У него и крыши-то над головой нет. Выступил вперёд Айрат и говорит:

— Руки есть, голова — на плечах, проживём.

Взял он Акчачак за руку, и вышли они со двора.

Вот подходят они к старому дому, а старушка уже ждёт у порога. Обняла их:

— Заходите в дом. Живите дружно, работайте и будете счастливы.

Айрат отвечает:

— Спасибо, бабушка, на добром слове, да только твоя избушка скоро набок завалится. Буду строить новую избу. Да и ты к нам переберёшься.

Так и сделал. Продал расшитый золотом халат, а на вырученные деньги купил брёвна и поставил новый дом. И стали они все вместе жить — в любви и согласии.

А тут и сказке конец.

* Акчачак (тат.) — белый цветок

* Калфак (тат.) — головной убор

Родилась в 1965 году. Окончила факультет иностранных языков Казанского педагогического института. Рассказы «Синяя птица» и «Всё пройдёт» были опубликованы в газете «Комсомольская правда». Писатель, сценарист, художник. Живёт и работает в Казани.

Светлана Соколова

ДОРОГА В РАЙ

Брат умер неожиданно. Ильдус даже несколько раз переспросил жену: может, ослышался. Нет, всё верно. Умер.

В утро похорон чёрные джипы остановились у дома брата. Из них не спеша вышли солидные ребята в тубетейках и золотыми цепями на шеях. Чинно и уважительно поздоровались с женой покойного, затем расселись на скрипучих стульях в большой комнате, где читал молитву мулла. Ильдус видел их впервые. В перерывах между сурами он поднимал голову и тайком разглядывал гостей. Мысль о том, что молодые мужчины и семидесятилетний брат не просто знали друг друга, но и дружили, как заноза, вонзилась в мозг и не давала ему молиться.

День выдался дождливым и серым. Дорога на кладбище была недолгой. Могила была уже вырыта, и чёрная яма на фоне жёлтых одуванчиков виднелась издали. Дождь всё накрапывал. Мужчины помолились, а затем взялись за лопаты. Тучи неожиданно разошлись, и солнце на секунду ослепило Ильдуса. «В рай попадёт», — подумал он и почувствовал неприятную тяжесть на сердце.

— И слезинки не проронил. Брат же твой, — сказала за ужином жена. Она весь день пролежала на диване с головной болью, даже на похороны не пошла.

— Твоих слёз хватит, — буркнул Ильдус и прибавил звук телевизора. Он злился на себя, на жену, на соседей, которые при встрече проявляли сочувствие, а он не хотел и не мог изображать горе. Пусто было на душе. Холодно.

Жизнь пенсионера не богата событиями. Утром пока встал, пока то да сё — уже обед. Потом нужно выйти за почтой, заодно можно и на скамейке с соседом посидеть, а то и тайком от жены покурить за железными гаражами.

Ильдус редко вспоминал о покойном. А если и заходила речь о брате, он громко вздыхал и говорил: «Ну что же теперь. Все там будем». Однажды, ложась спать, жена сказала: «На кладбище нужно сходить. Годовщина сегодня». Ильдус сделал вид, что не слышит. Ночью же старик увидел яркий сон. Брат, молодой и лёгкий, с гаечным ключом в руках, выходит из большого белого здания, очень похожего на гараж. Он подходит к Ильдусу и говорит: «В странное место я попал, братишка! Ни водки, ни сигарет, ни женщин. Целыми днями работаем и работаем». Голос был у него весёлый и глаза живые, радостно так поблёскивали. «Так вот он какой — рай!» — задумался Ильдус и впервые тепло подумал о брате.

Часы показывали четыре утра. Спать не хотелось. Ильдус чувствовал лёгкость и в теле, и в душе. Он даже боли в спине не почувство-

вал, когда вставал. Бесшумно оделся и вышел из спальни. В прихожей, нащупав в куртке припрятанную пачку курева, вытащил одну сигарету. Прислушался к храпу жены, постоял немного у входной двери и, стараясь не шуметь, вышел.

Солнце уже поднималось над крышами хрущёвских пятиэтажек. Воробьи громко чирикали, стайками перелетая с одного куста сирени на другой. Старик с наслаждением втянул в себя сигаретный дым. «Какое утро хорошее», — подумал он и неожиданно вспомнил, как брат вернулся из армии в пятидесятом году. Ильдус тогда вздыхал по молоденькой учительнице. Прихватив с собой баночку мёда и прилизав непослушные волосы репейным маслом, он решил сходить к девушке в гости. Вышел на улицу, а там толпа босоногих пацанов бежит в сторону их дома и кричит: «Ильдуска! Брат твой приехал!». Когда пыль от мальчишеских ног улеглась, увидел брата. Высокий, тонкий, в чёрном матросском бушлате, в бескозырке «Балтийский флот». Он шёл не спеша и в раскачку, словно по палубе корабля. А вечером, после бутылки самогона, они пошли в клуб. Там брат и приударил за учительницей. Любовь у них была взаимной и страстной. Больше года встречались. Потом брат неожиданно уехал в город, женился на городской.

Ильдус зажгёт потухшую сигарету, затянулся. И вдруг понял, что не было больше обиды на брата. Всю жизнь не мог он ему простить свою первую, да и честно говоря, последнюю любовь. «Значит, простил?» — спросил себя старик и понял, что и прощать — то было нечего. Не любила Ильдуса учительница... Не любила. И никто в том не был виноват...

На кухне уже закипал чайник, жена дожаривала оладьи. «Куда это ты с утра?» — спросила она Ильдуса. Он, не говоря ни слова, пошёл в ванную, побрился, почистил зубы. По привычке прилизал остатки волос перед зеркалом.

— Куда собрался?

— Да так, надо.

Автобусная остановка была недалеко от дома. Но Ильдусу не хотелось трястись в автобусе. Он поймал такси и весело приказал ехать к японскому ресторану. Давно он хотел узнать, что едят японцы. Да разве его прижимистая супруга разрешит. А теперь почему-то было всё равно. Он нерешительно зашёл в зал, оглядываясь по сторонам.

— Присаживайтесь, пожалуйста! — красивая официантка показала ему на столик у окна.

Ильдус заказал рюмочку сакэ, суши и суп из морепродуктов. Вкус сакэ неожиданно напомнил ему самогон. Захотелось выпить ещё. Но оказалось, что денег едва хватало на то, что уже съел и выпил. Он расплатился и вышел на улицу. От выпитого ноги стали ватными, голова отяжелела, и хотелось лечь.

На остановке Ильдус увидел пустой 55-й автобус. Старик сел у окна и уснул.

Проснулся от слов кондуктора: «Вставай, бабай! Приехали! Дальше кладбища автобус не пойдёт».

Как дошёл до могилы брата, он не помнил. Ноги не держали, пришлось сесть прямо на гранитную плиту. «Эх, абый...» — прошептал Ильдус.

Когда Ильдуса хоронили, шёл дождь, а потом выглянуло солнце. «В рай попадёт», — подумала его жена. ■

Родился 15 ноября 1992 года в Красноярске. С отличием окончил Красноярский педагогический университет, факультет иностранных языков. Работает по специальности, а также проводит курсы писательского мастерства на безвозмездной основе для детей с ограниченными возможностями. Публиковался в журналах «Зарубежные задворки», «Бийский вестник», «Сибирские огни».

Александр Селивёрстов

ДРУЗЬЯ ДО СМЕРТИ

– Мы же с тобой подруги. Это всё ради тебя, понимаешь?

Стеша лежала в весенней слякоти. Даша стояла подбоченясь и закрывала собой солнце. Стеша громко хныкнула, коснулась впалой щеки и тут же отдернула пальцы, почувствовав боль. Даша схватила пухлыми пальцами подругу за руку и резко потянула на себя так, что чуть не вывихнула суставы.

– Это ради тебя, – повторила она, вытирая мокрый от пота лоб.

Стешины глаза дрожали от ужаса, из аккуратного носика сочилась кровь. Стефания жадно дышала, будто боялась, что её снова ударят и выбьют воздух из лёгких. Широкое лицо Даши растянулось в улыбке.

– Зачем тебе другие? Зачем тебе с Кристиной общаться? С Людой? Знаешь, какие они?

Стеша не знала. Дома она сказала, что на неё напал хулиган.

Наутро Стеша одиноко стояла в школьном коридоре и высматривала Дашу. Прозвенел звонок. Даша победоносно вошла в окружении трёх подруг, но тут же запнулась взглядом о Стешу:

– Чего встала, чувырла? Пошла вон!

Стеша знала – нужно переждать. Даша не в духе. Она злится за то, что её предали, предпочтя других.

Так было раньше, так случалось и много позже, когда девочки окончили школу, превратились в девушек и погрузились в амурные проблемы. Даша

звала Стешу на ночёвки: «Мы же подруги с тобой, так? Вот и приезжай». Стефания ехала к подруге, как князья в ставку хана, – с покорностью. В Дашиной квартире был кавардак, где всё молило о пощаде: обои, жёлтая от копоти плита, потрепавшаяся посуда. Но хозяйка была беспощадна ко всему, что её окружало.

Налегать на спиртное она начала ещё в старших классах. Стеша противилась: «фу, как ты можешь!», но, получив увесистую оплеуху, стала тоже прикладываться к стакану, чтобы не злить Дашу. В минуты опьянения ей казалось, что они взаправду подруги: сидели в обнимку, обсуждали третьесортные сериалы по телевизору, мучили плешистую кошку, единственную, кто в тени Даши жил своей жизнью. Порой Стеша теряла самообладание и изливала душу.

– Зачем ты мне это рассказываешь? Мир вокруг тебя не вертится. Послушай лучше, какое у меня горе, – жёстко чеканила Даша, глядя в мерцающий экран телевизора.

– Я никому не нужна.

– Ну, неправда, Даш, – Стеша прониклась состраданием к подруге.

Даша вскочила, задрала майку, оголив живот.

– Посмотри на это. Я жирная. Разве ты не видишь? Как можно полюбить такую? Кто захочет со мной познакомиться?

Ещё у самого подъезда Стеша зареклась, что не выдаст своей тайны подруге. Пару дней назад ей

написал парень — ничего особенного, за исключением того, что это был первый парень в её жизни. И она, кажется, влюбилась.

— А со мной познакомились, — сказала она развязным от счастья и алкоголя голосом.

Чёрные глаза подруги вспыхнули, как автомобильные покрывки.

— Кто тебе напишет, Стеша? Посмотри на себя: доска — два соска. Даже подержаться не за что. Ты же плоская, как разделочная доска! Если тебе и пишут, то только извращенцы, чтобы сексом с тобой заняться и всё. Ты что думаешь, кому-то нужна? — Даша пятернёй впились в лицо подруги и сжала до боли. — Морда у тебя, как у селедки, честное слово. Ты мне-то поверь, я твоя подруга.

Стеша вернулась домой сама не своя. Она порвала отношения с парнем, которому «нужно только одно». Стеша знала — Даша сразу не простит. Так и случилось: подруга нарочито общалась с другими, обзывая её разными словами и удалив из друзей в социальных сетях. Стеша чувствовала себя похороненной заживо.

Но вскоре она ощутила, как в неё входит лучик света: не нужно было больше ходить на ночёвки и служить помойным ведром для чужих страданий. Да, Стеша всё ещё с опаской выходила на улицу, но у неё появились осанка и достоинство во взгляде.

Такой её заметил Олег. Чуткий, заботливый, смешной, нелепый и серьёзный Олег. Он походил на большого плюшевого медведя — за его спиной можно было спрятаться от целого мира. Стеша расцвела, как роза в засушливой степи после дождя. Однажды Олег встал на колени: «Ты выйдешь за меня?» Стеша плакала от счастья.

«Приезжай», — коротко написала Даша, с которой Стеша не виделась больше года.

Казалось бы, возьми и откажись, но забитый, испуганный ребёнок сидел внутри Стеши. Она попыталась объяснить с Олегом, лгала и ему, и себе, что это её лучшая подруга. Но когда наутро она приехала с синяками, Олег расвирипел, как медведь, пробудившийся от голода: «Больше ты к ней не поедешь».

«Между нами стоит твой парень, — написала Даша. — Я твоя подруга, помнишь? Я — единственная, кто поддерживал тебя в трудную минуту.

Тебя никто не будет любить так, как я».

Стеша металась между двух огней.

— Выбирай, — сказал Олег.

— Почему я должна выбирать? — трепетала Стеша. — Ты — мой парень, будущий муж. Она — моя подруга.

— Выбирай, — вторила Олегу Даша.

Стеша ходила кругами по квартире.

— Ты что, забыла — мы с тобой вместе семь лет! — кричала Даша по телефону. — Семь лет дружбы ты хочешь променять на пару месяцев с каким-то мужиком?!

Стеша собрала вещи, бросила Олегу тихое «прости»...

Олег ждал, что Стеша опомнится, но прошёл час, второй, третий. Он оделся и выскочил во тьму. Мотор тревожно рычал, чуя беду.

Олег стремглав поднялся на нужный этаж и забарабанил в дверь. Никто не отвечал. Он прислонил ухо и услышал хлёсткие удары по телу.

Он выбил дверь в два удара и остолбенел: тело любимой лежало изуродованное в луже крови, а большая баба с багровым от злости лицом остервенело лупила его бляхой ремня.

Он набросился на это животное, повалил на пол, его пальцы впились в широкое горло, багровое лицо сделалось пурпурным, почти чёрным. Олег впервые ощутил жажду смерти и желал утолить её как можно скорее, пока вдруг Стеша не оттащила его.

— Ты же убьёшь её! Убьёшь её! — кричала Стеша плача навзрыд.

Опомнившись, Олег накинуд на Стешу покрывало и вышел с любимой из квартиры.

— Тебя никто не полюбит! Никто! — кричала Даша вслед и залиристо смеялась. — Ты же ничтожество! Тварь.

Спустя девять месяцев у Олега и Стеши родилась дочь. «Пусть будет Даша», — сказала Стефания, лёжа в родильной палате. Олег всё понял — Даша снова замаячила на горизонте. Её не победить.

Через два года он развёлся и забрал с собой дочь. Ещё через год Даша и Стеша замелькали в криминальных хрониках: убийство в состоянии аффекта на бытовой почве.

От любви до ненависти один шаг. Никто так не любил Стефанию, как Даша. ■

«Я учусь в 8 классе гимназии № 2 имени Баки Урманче города Нижнекамска. До этого момента читателями моих «творений» были родные и друзья, и я очень обрадовалась, когда ваш журнал заинтересовался моим рассказом. Я также люблю рисовать и у меня неплохо получается. Занимаюсь спортом, иногда добиваюсь призовых мест. А больше всего я люблю читать и отдаю предпочтение таким писателям как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Р. Брэдбери...»

Дина Артемьева

ПОТЕРЯННОЕ СОЛНЦЕ

Холодное, мрачное утро весны, без умолку барабанит дождь. Будничная суeta людей растворилась в густом тумане. Я быстро надела пальто и погрузилась в это белое облако.

Листья шептались меж собой, деревья переглядывались в страхе. Что-то необычное, необъяснимое произошло. Мир сам не свой.

— Мама, мама! Солнце... что... потерялось? А это навсегда?

— Ну что ты, оно скоро вернётся, вот увидишь!

«Солнце потерялось, что за вздор! Как огромный пламенный шар неба, освещавший весь мир, словно фонарь посреди тёмной улицы, мог просто потеряться? Это невысказано. Да, дети ещё те фантазёры», — с этими мыслями я вернулась в дом.

Прошел месяц. Мысль о «потерянном солнце» казалась не такой уж и безумной, и с каждым днём я верила в это больше. Дни мрачнели на глазах, и это было похоже на глубокую осень, хотя на улице был май. Где весенняя лёгкость? Где детский смех, ласкающий ухо? Я накинула кофту и поднялась на крышу. Капал мелкий дождь, и это ещё больше омрачало обстановку.

Я подошла к краю крыши. Маленькие зелёные деревья грустно опустили кроны. Никого... Я подняла голову.

— Ты думаешь, что можно пропадать целыми месяцами? Посмотри вокруг! Мир гаснет на глазах без тебя. Ты... ты не можешь так поступить! Ушло столь грубо и бесцеремонно... Солнце, я к тебе обращаюсь! Пожалуйста, возвращайся! — я выглядела очень глупо, и сама идея мне показалась нелепой, будто оно меня услышит. Какое ему дело до маленького человека, нуждающегося в нём. К моему удивлению, то ли помогли слова, то ли оно почувствовало ответственность, но Солнце взошло! Словно оно ждало, когда кто-нибудь будет нуждаться в нём. Оно ярко приветствовало этот мир, и лучи его виновато переливались под каплями дождя.

— Где ты было? Может, наведывалось к далёким холодным планетам, чтоб согреть их? Или сестру Луну навестило? А может, просто устало?

Эта история могла быть столько же реалистичной, сколько и фантастической. Я поведала вам то, что видела, а верить или нет — дело ваше. ■

ИДЕАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

В последние полгода ни один номер «Идели» не обходится без материалов Ольги Голыжиной – культурного обозревателя Информационного агентства «Татар-информ». Оперативно и добротнo выполнить любое поручение на любую тему нашего литературно-молодежного журнала под силу не каждому.

В журналистике она оказалась по воле счастливого, как она считает, случая. Родилась в августе 1994 года в городе Сыктывкар Республики Коми. Будучи еще школьницей, твердо решила уехать из родного края, выбрав из всех столиц именно Казань, как самый солнечный и перспективный город с относительно реальными ценами. Поступила в КГЭУ и год училась на курсе «Экономика предприятий промышленности». Очень быстро осознала свою ошибку и выбрала другое направление – реклама и PR.

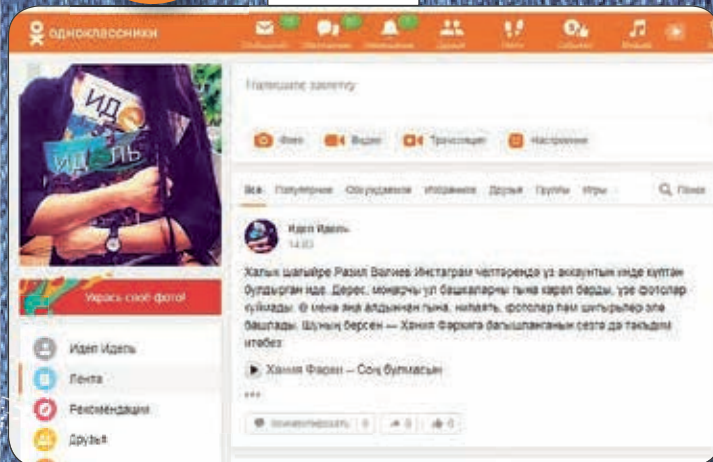
Студенческие годы Ольга вспоминает как вереницу путешествий, многочисленных молодежных форумов и фестивалей, некоторые из которых сама и организовывала. Во время летней практики по окончании третьего курса просто постучалась в кабинет на тот момент главного редактора ИА «Татар-информ» Ляйсан Абдуллиной со словами: «Вы знаете, я очень хочу, ничего не умею, но быстро учусь». Как вспоминает Ольга, вечерами и даже ночами они с Ляйсан «сидели на телефоне», редактируя первые тексты и работая над ошибками. Именно экс-главреда ТИ она считает своим первым и главным наставником в журналистике, на всю жизнь доходчиво объяснившим, что «аншлагов полных не бывает».

В людях Ольга ценит искренность, порядочность и чувство юмора, в коллегах – профессионализм и увлеченность. В будущем году планирует начать осваивать курс театроведения в одном из столичных вузов и довести знание английского до upper-Intermediate. Любит бывать на рок-концертах и путешествовать, увлекается кэмпингом, сплавами и творчеством Джека Лондона.

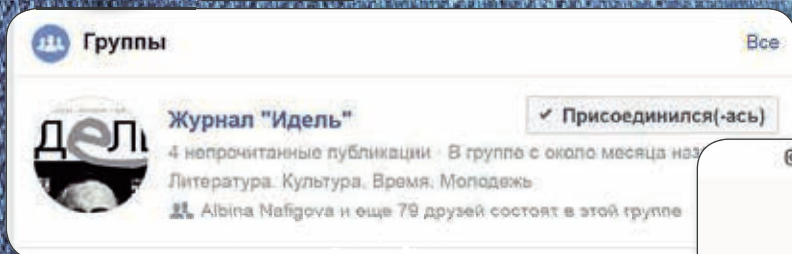

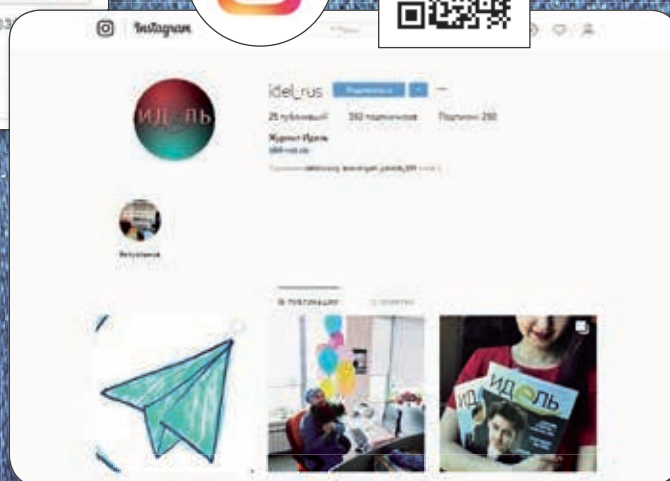
ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ
на нас в социальных сетях!

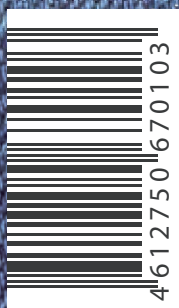
ВЛИЯЙТЕ
на контент журнала!

УЧАСТВУЙТЕ
в конкурсах!

ВЫИГРЫВАЙТЕ
призы!

НА СВЯЗИ!